СОВРЕМЕННИКЪ.

18

ТОМЪ ОСМНАДЦАТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Е. ФИШЕРА.

1840.

СОВРЕМЕННИКЪ.

XVIII.

СОВРЕМЕННИКЪ.

ТОМЪ ОСМНАДЦАТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Е. ФИШЕРА.

1840.

Unveränderter fotomechanischer Nachdruck der Originalausgabe

ZENTRALANTIQUARIAT
DER DEUTSCHEN DEMOKRATISCHEN REPUBLIK
Leipzig 1970

Druck: (52) Nationales Druckhaus VOB National, 1055 Berlin
Ag 509/271/69 — 2144

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГЕЛЬСИНГФОРСЪ.

Приближается лѣто, и скоро толпы Петербургскихъ жителей устремятся въ разныхъ направленіяхъ по волнамъ Финскаго залива. Многіе поспѣшатъ и въ Гельсингфорсъ: одни для здоровья, другіе для препровожденія времени, третьи изъ любопытства. Число послѣднихъ въ нынѣшнемъ году должно увеличиться противъ прежняго, потому особенно, что столица Финляндская представитъ въ будущее лѣто два необыкновенныхъ торжества: освященіе недавно отстроенной Лютеранской церкви и празднованіе двухсотлѣтняго существованія Александровскаго университета. Можетъ быть, и между читателями Современника найдутся намѣревающіеся посѣтить вскорѣ Гельсингфорсъ. Для нихъ постараюсь собрать

воспоминанія, оставшіяся во мнѣ послѣ нѣсколькихъ недѣль, проведенныхъ тамъ въ 1838-мъ и 1839-мъ годахъ.

Многіе города Финляндіи, стоя то у залива морскаго, то у озера, и часто на возвышенности, отличаются красотою мѣстоположенія, но безобразны домами и улицами. Гельсингфорсъ красавецъ и въ томъ и въ другомъ отношеніи, но красавецъ еще развивающійся, полудикій, исполненный противоположностей и странно поражающій путешественника, особенно Петербургскаго жителя, вокругъ котораго все такъ правильно, стройно, гладко. Напротивъ въ Гельсингфорсѣ, рядомъ съ привѣтливымъ искуствомъ, видишь природу мрачную и грозную. На сѣрыхъ, чудовищныхъ массахъ гранита высятся тамъ величавыя, яркія зданія и башни; прибывъ съ береговъ Невы, невольно припоминаешь ихъ, думаешь на мгновенье, что не разлучался съ ними; но внезапно уронивъ взоръ на рядъ дикихъ скалъ, убѣждаешься, что перенесся въ какое-то новое царство.

Не должно однако жъ полагать, что весь Гельсингфорсъ состоитъ изъ каменныхъ домовъ и прямыхъ улицъ. Только центръ его, набережную у пристани и нѣкоторыя отдѣльныя части должно разумѣть, когда говорится о красотѣ Финской Пальмиры. Между зданіями ея особенно бросается въ глаза церковь св. Николая, о которой мы уже упомянули;

она господствуетъ надъ цѣлымъ городомъ своею бѣлою главой, увѣнчанной, подобно нашему Троицкому Собору, голубымъ куполомъ съ золотыми звѣздами. Финляндія никогда еще не видывала въ своихъ предѣлахъ столь изящнаго, и, за исключеніемъ развѣ древней Абоской церкви, столь огромнаго храма. Финляндскія церкви, по большой части, стары и некрасивы. Многія изъ нихъ построены еще во времена католическія, и состоятъ изъ двухъ отдѣльно одно отъ другаго подымающихся зданій. Главное, самая церковь, имѣетъ видъ широкаго и длиннаго, но не очень высокаго дома съ чрезвычайно крутою крышей; а другое, колокольня, есть башня въ нѣсколько ярусовъ, изъ которыхъ нижній и самый широкій обыкновенно соединяется съ прочими посредствомъ покатой кровли. Такія церкви встрѣчаются и по дорогамъ, и въ нѣкоторыхъ городахъ Финляндіи, на примѣръ въ Борго. На дорогахъ, возлѣ этихъ зданій тянется иногда рядъ открытыхъ спереди деревянныхъ домиковъ или сараевъ: здѣсь поселяне, пріѣзжающіе изъ окружныхъ мѣстъ, укрываютъ на время богослуженія свои повозки.

Но мы уже слишкомъ удалились отъ Гельсингфорса. Николаевская церковь видна не только изъ всѣхъ концовъ города, но и изъ отдаленныхъ его окрестностей. При тамошнемъ гористомъ мѣстоположеніи нерѣдко показывается только вершина ея, почти одинъ крестъ; но пройдешь нѣсколько шаговъ, и

вдругъ вся глава будто выплываетъ изъ бездны. Церковь эта занимаетъ одну сторону сенатской площади, составляющей нѣкоторымъ образомъ палладіумъ Гельсингфорса: здѣсь храмъ наукъ — университетъ, и храмъ правосудія—сенатъ стоятъ лицомъ къ лицу, а въ сторонѣ, между ними, красуется храмъ Божій, будто подающій руку каждому изъ нихъ и связующій оба.

Между боковыми частями города однѣ наполнены новыми деревянными домами, другія напоминаютъ еще младенчество Гельсингфорса. Тутъ извивается полоса ветхихъ темнокрасныхъ домишекъ съ двухъ-ярусными крышами; тамъ высится на скалѣ старая вѣтреная мельница, а поодаль нѣсколько пошатнувшихся отъ времени сараевъ. Въ одномъ мѣстѣ немощеная улица, въ другомъ смрадное болото, вокругъ котораго желающіе строиться получаютъ землю безплатно. Все это придаетъ Гельсингфорсу видъ чрезвычайно разнообразный, занимательный — видъ города еще не готоваго, но подвигающагося съ неимовѣрною быстротою. Можно, такъ сказать, слѣдить ежеминутно за каждымъ его шагомъ; онъ ростетъ не по днямъ, а по часамъ — и не только видно, слышно даже, ка́къ онъ ростетъ. Громкій гулъ даетъ знать о всякомъ новомъ уголкѣ, исторгнутомъ здѣсь рукою человѣка изъ-подъ владычества скупой природы: скалы, препятствующія распространенію или украшенію города, раздробляются порохомъ, и

каждый взрывъ гремитъ будто пушечный выстрѣлъ. Вотъ строющійся домъ, вотъ уравниваемая улица, вотъ садъ, обѣщающій тѣнь деревъ и благовоніе цвѣтовъ въ мертвой области камня. Какъ много остается еще сдѣлать, но какъ много уже сдѣлано! Изумительна побѣда, какую человѣкъ одерживаетъ здѣсь надъ природою. Приготовивъ тысячи преградъ его трудолюбію, она какъ-бы осудила эти мѣста на вѣчную смерть, какъ-бы назначила имъ вѣчно оставаться пустынею. Но терпѣніе людское не знаетъ препонъ: прямыя, широкія улицы раздѣлили тѣсные утесы; цвѣтущая земля одѣла печальную наготу гранита; исполины зодчества вознеслись на хребтахъ его; просвѣщеніе и промышленность водворились въ царствѣ безплодія.

Но эта борьба, еще продолжающаяся, никогда не кончится совершенною побѣдой, и отъ того здѣсь столько противоположностей. Чудно, ставъ на какую-нибудь возвышенность, видѣть съ одной стороны свѣтлый заливъ морской, опоясанный угрюмыми скалами и лѣсомъ, а съ другой живописный городъ въ вѣнцѣ бѣлыхъ зданій и башенъ.

Вообще, въ прекрасныхъ видахъ здѣсь недостатка нѣтъ, и тѣ изъ нихъ, въ которыхъ преимущественно участвуетъ природа, носятъ характеръ, болѣе или менѣе общій всему краю. Воды, усѣянныя островами, то состоящими изъ голаго камня, то по-

крытыми зеленью, и вокругъ этихъ водъ цѣпь изъ скалъ, полей и лѣсовъ — вотъ главныя черты видовъ Финляндскихъ. Въ какой невыразимой красотѣ представляется изъ Гельсингфорса въ ясный лѣтній вечеръ тихое море! Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ берега высятся на скалистыхъ островахъ, соединенныхъ мостами, мрачныя твердыни Свеаборга; далѣе влѣво зеленѣются небольшіе острова съ веселыми домиками, а вправо подымаются изъ водъ и будто съ завистію смотрятъ въ противоположную сторону нагія головы подводныхъ скалъ. Сзади, нѣсколько влѣво, багровое солнце медленно склоняется къ сѣрымъ утесамъ, по выраженію Тегнèра, *стерегущимъ заливъ* — и скоро потонетъ за гребнями ихъ; впереди лучи его упираются въ окна Свеаборгскихъ зданій и, кажется, внутренность крѣпости наполнена пламенемъ.

Въ этотъ драгоцѣнный часъ спѣшите за-городъ къ приморской крутой скалѣ Ульрикасборгъ, у подошвы которой выстроены купальни, а далѣе отъ берега заведеніе минеральныхъ водъ. Долго прекрасный видъ будетъ скрываться отъ васъ; но только-что вы ступите на возвышенность, чрезъ которую пролегаетъ шоссе, онъ вдругъ ослѣпитъ взоры ваши. Продолжайте путь; миновавъ заведеніе, взберитесь на высокую скалу, стоящую вправо отъ шоссе и по которой вьются изсѣченныя въ камнѣ дорожки и лѣсенки. Тамъ, на вершинѣ, ожидаетъ васъ чудное зрѣлище, и особенную прелесть придаютъ ему пару-

са, въ разныхъ мѣстахъ бѣлѣющіеся. Но васъ манитъ къ берегу купальный домикъ; спуститесь, войдите туда; Языковъ шепчетъ вамъ: «Одежду прочь... и бухъ!»

Гельсингфорсъ занимаетъ полуостровъ, выдающійся изъ верхняго берега Финскаго залива, но онъ первоначально возникъ не на этомъ мѣстѣ. Въ 1550 году Шведскій король Густавъ I Ваза, заботясь объ улучшеніи жалкаго въ ту пору состоянія Финляндіи, основалъ городокъ верстахъ въ семи къ сѣверовостоку отъ нынѣшняго Гельсингфорса при впаденіи рѣчки Ванды въ Финскій заливъ. Новое селеніе было названо по имени Шведской провинціи *Гельсинг*ландіи, откуда еще при первыхъ завоеваніяхъ Шведовъ въ Финляндіи, въ XII вѣкѣ, переселены были многіе жители на сѣверный берегъ Финскаго залива. Незначительный водопадъ, образуемый Вандою въ томъ мѣстѣ, гдѣ заложенъ былъ городъ, послужилъ къ дополненію названія его: *форсъ* (*Fors*) значитъ *водопадъ*.

Но при возраставшей торговлѣ стараго Гельсингфорса, тогдашнее положеніе его, особенно по мелкости гавани, оказалось неудобнымъ. Графъ Петръ Браге (Pehr Brahe), назначенный во время малолѣтства королевы Христины генералъ-губернаторомъ Финляндіи, и которому край сей такъ много обязанъ во всѣхъ отношеніяхъ, убѣдился въ необходимости приблизить Гельсингфорсъ къ морю, и по его-то настоянію Швед-

ское правительство въ 1639 году издало декретъ о переведеніи города на нынѣшнее его мѣсто. Но это перемѣщеніе окончательно совершено было не ранѣе 1642-го года; съ тѣхъ поръ первоначальное селеніе стало постепенно упадать, и наконецъ обратилось въ деревню, извѣстную и теперь еще подъ именемъ *Стараго-города* (Gammal-stad.)

На новомъ мѣстѣ своемъ Гельсингфорсъ испыталъ разнаго рода бѣдствія. Такъ въ неурожайные годы 1695—1697 свирѣпствовалъ тамъ страшный голодъ, по случаю котораго одинъ старинный туземный писатель говоритъ: «можетъ ли у кого-либо сердце не обливаться кровью при разсказѣ отцовъ нашихъ, что голодные, скитаясь по улицамъ, падали другъ на друга? Можетъ ли кто слышать безъ горести, что многіе вживѣ ложились въ могилу и тамъ ожидали конца своимъ мукамъ? Они сами избирали мѣсто, гдѣ бы изнеможенныя кости ихъ могли обрѣсти успокоеніе. Ихъ изодранныя рубища должны были служить имъ и саваномъ и гробомъ; ослабѣвшія ноги погребальными носилками; а голодный желудокъ —поѣздомъ, провожающимъ къ жилищу мира.» Пропуская другія несчастія, посѣтившія Гельсингфорсъ, упомянемъ только о двухъ пожарахъ, которые въ 1761-мъ и 1809-мъ годахъ истребили большую часть города *. Возобновленный послѣ втораго изъ нихъ,

* Одинъ изъ этихъ пожаровъ, безъ сомнѣнія первый, какъ самый давній, послужилъ поводомъ къ надписи, кото-

онъ однако жъ оставался въ ничтожествѣ до 1819-го года, когда сюда переведена была изъ Або, вмѣстѣ съ присутственными мѣстами, столица Великаго Княжества. Но благодѣяніемъ, рѣшительно устроившимъ судьбу Гельсингфорса, было перемѣщеніе сюда въ 1828-мъ году университета, который прежде процвѣталъ въ Або, а въ сентябрѣ 1827 сдѣлался, почти съ цѣлымъ городомъ, жертвою пламени. Къ этому превосходному учрежденію возвратимся мы послѣ, а теперь займемся предметами менѣе важными.

О Гельсингфорскомъ заведеніи искуственныхъ минеральныхъ водъ и купалень было уже писано не разъ, и оно дѣйствительно заслуживаетъ тѣ похвалы, которыя всѣ единодушно воздаютъ ему. Воды приготовляются съ необыкновеннымъ тщаніемъ по системѣ знаменитаго Берцеліуса, а здоровый климатъ приморскаго мѣста и пріятный образъ жизни, доставляемый пріѣзжимъ сколько радушіемъ Финляндцевъ, столько и дешевизною всѣхъ потребностей, еще болѣе обезпечиваютъ успѣхъ леченія. Къ тому же, Финляндія можетъ похвалиться искуствомъ своихъ

рая долго красовалась надъ алтаремъ старинной Лютеранской церкви, нынѣ стоящей въ запустѣніи посреди сенатскаго двора. Вотъ эта надпись:

Du stad, o Helsingfors! din gamla synd lägg af
Att du ej seglamå ännu en gång i qvaf.

т. е. Ты, о городъ Гельсингфорсъ! покинь старые грѣхи свои, чтобъ тебѣ еще разъ не претерпѣть кораблекрушенія.

врачей, на образованіе коихъ обращается здѣсь особенная заботливость. По уставу Александровскаго университета, никто не можетъ поступить въ медицинскій факультетъ, не достигнувъ напередъ степени магистра по философскому. Замѣчательно, что до сихъ поръ въ цѣломъ Великомъ Княжествѣ нѣтъ ни одного гомеопата. Видно, система Ганеманна, требующая отъ своихъ послѣдователей вѣры въ невѣроятное, несогласна съ холоднымъ и разсудительнымъ умомъ Финляндцевъ.

Минеральныя воды давно уже приготовляются въ Гельсингфорсѣ; но прежде желавшіе пользоваться ими стекались для того въ ботаническомъ саду, гдѣ онѣ продавались въ кружкахъ. Между-тѣмъ общество акціонеровъ учредило на этотъ конецъ особое заведеніе, выстроенное съ преодолѣніемъ чрезвычайныхъ трудностей на сглаженной скалѣ и открытое только въ 1838-мъ году. Оно соединяетъ въ себѣ не только все, чего требуютъ польза и удобство посѣтителей, но даже и нѣкоторую роскошь. Чтобы врачующіеся могли разнообразить предписанное имъ утомительное движеніе, поставлены въ разныхъ мѣстахъ качальныя скамьи (gungbräd) *, устроены игры кегельная и биліардная. Большой садъ, котораго разведеніе на гранитѣ представляло неимовѣрныя пре-

* У насъ онѣ извѣстны подъ именемъ Курляндскихъ: длинная упругая доска, подпертая только съ обоихъ концовъ двумя столбиками.

пятствія, конечно не успѣлъ еще разростись и сгуститься, но по очаровательному мѣстоположенію своему обѣщаетъ со-временемъ прекрасное гульбище. Заведеніе называется Ульрикасборгскимъ по имени уже знакомой намъ прибрежной скалы, нѣкогда служившей основаніемъ укрѣпленій, въ послѣдствіи срытыхъ. Садъ, расположенный между ея подошвой и домомъ минеральныхъ водъ, восходитъ живописно и на самыя ребра ея, до вершины. Отъ города до этого мѣста версты полторы; оно находится на концѣ длиннаго мыса, выдающагося въ море вправо отъ пристани. Вдоль всего мыса, еще недавно едва проходимаго отъ множества скалъ, пролегаетъ теперь гладкое шоссе; на нѣкоторомъ протяженіи оно вьется между грозными остатками утесовъ, подымающимися въ видѣ высокой, почти отвѣсной стѣны съ разсѣлинами. Кажется, огромныя глыбы гранита ежеминутно готовы обрушиться на смѣлаго путника.

Уже съ 6-го часа утра зала водъ начинаетъ примѣтно оживляться. Посѣтители прибываютъ одинъ за другимъ, то пѣшкомъ, то водою, то въ коляскѣ почтенныхъ лѣтъ, то въ легкой одноколкѣ, самомъ употребительномъ въ Финляндіи экипажѣ, чрезвычайно удобномъ при ея гористомъ мѣстоположеніи. Скоро и зала и тропинки сада пестрятся движущимися группами. Большую часть ихъ составляютъ Финляндцы какъ изъ самаго Гельсингфорса, такъ изъ другихъ городовъ Великаго Княжества; но и чи-

сло пріѣзжихъ изъ собственно-Русскихъ губерній годъ отъ году увеличивается. Финляндцы оказываютъ намъ истинно-братское гостепріимство, и въ ихъ пріятномъ кругу всѣ пріѣзжіе, на краткое время своего соединенія, сближаются между собой непринужденно.

По нѣкоторымъ днямъ играетъ на водахъ полковая музыка, и тогда общество рѣдко расходится, не протанцовавъ по крайней мѣрѣ однаго Французскаго кадриля. По воскресеньямъ же, когда стеченіе людей бываетъ многочисленнѣе обыкновеннаго, чинное увеселеніе недѣли смѣняется часто исполненіемъ долга благочестія. Въ черной мантіи входитъ въ залу кроткій пастырь церкви; мгновенно все становится неподвижно, воцаряется глубокая тишина, и проповѣдникъ звучнымъ голосомъ читаетъ на Шведскомъ языкѣ нѣсколько молитвъ. Потомъ изъ трубъ воинскихъ раздается умилительный псаломъ; а по окончаніи его набожные слушатели расходятся съ укрѣпленнымъ, веселымъ духомъ. Это краткое богослуженіе совершается собственно для тѣхъ, которые, будучи изнурены продолжительною ходьбой, не въ силахъ уже исполнить христіанской обязанности посѣщеніемъ храма Божія.

Въ часъ общество опять соединяется въ заведеніи и обѣдаетъ за общимъ, діэтетическимъ столомъ; а вечеромъ даются тамъ нерѣдко танцовальныя со-

бранія. Особенно оживлены бываютъ они тогда, когда пароходъ принесетъ изъ Ревеля толпу такъ называемыхъ lustfarare, т. е. пассажировъ, которыхъ цѣль повеселиться и дня черезъ два отбыть назадъ.

Между-тѣмъ, какъ зала водъ то наполняется, то опять пустѣетъ, домъ съ ваннами, стоящій на самой оконечности мыса (независимо отъ купалень), не остается, въ теченіе цѣлаго дня, почти ни на минуту празднымъ. Если вѣрить свидѣтельству нѣкоторыхъ путешественниковъ, домъ этотъ, по отличному устройству, по удобству и роскоши всѣхъ своихъ принадлежностей, превосходитъ большую часть подобныхъ учрежденій за границею. Онъ состоитъ изъ двухъ этажей: въ верхній вода восходитъ посредствомъ трубъ прямо изъ моря; потомъ, частію холодная, частію нагрѣтая, доставляется она другими трубами въ нижній этажъ, гдѣ по обѣ стороны длиннаго корридора тянутся ряды изящно-убранныхъ комнатъ съ ваннами. Здѣсь предусмотрѣны и надобности и прихоти посѣтителя, который пользуется всѣмъ за незначительную плату, измѣняющуюся впрочемъ по мѣрѣ его требованій. Надзоръ за комнатами и прислуга ввѣрены женщинамъ, одинаково одѣтымъ и обязаннымъ приготовлять ванны по желанію каждаго. Вошедши въ домъ, видите направо и налѣво двѣ щеголеватыя залы съ надписями на дверяхъ: för fruntimmer (для дамъ) и för herrar (для кавалеровъ). Здѣсь отдыхаютъ и пьютъ кофе.

Поодаль отъ этаго строенія, съ правой руки, стоятъ у самаго берега, на краю невысокой скалы, но довольно далеко другъ отъ друга, два домика, раздѣленные на нѣсколько комнатокъ. Ихъ посѣщаютъ желающіе купаться въ открытомъ морѣ. Вода здѣсь солона, хотя и не достигаетъ еще той солоноватости, какая бываетъ въ самомъ океанѣ. Жаль только, что дно морское передъ Гельсингфорсомъ покрыто камешками; въ Ревелѣ этаго неудобства нѣтъ, но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ тамошнія купальни никакъ не могутъ выдержать сравненія съ Гельсингфорскими.

Наконецъ, противъ заведенія минеральныхъ водъ, черезъ дорогу, построенъ на скалѣ двух-этажный домъ; онъ отдается въ наймы пользующимся водами и долженъ послужить началомъ цѣлаго ряда подобныхъ ему домиковъ.

Между заведеніемъ и городомъ учреждены постоянныя сообщенія посредствомъ двухъ дилижансовъ, т. е. двухъ колясокъ, которыя въ продолженіе цѣлаго дня ѣздятъ взадъ и впередъ. Сверхъ того, на сенатской площади стоятъ всегда извощики съ неуклюжими, но очень покойными дрожками, съ некрасивыми, но быстрыми лошадьми. Онѣ для Гельсингфорса тѣмъ нужнѣе, что улицы его, мощеныя какъ наши, вовсе не имѣютъ тротуаровъ.

Правду говорятъ, что младенчество — самый счастливый возрастъ: эта мысль однажды взбрела мнѣ на умъ, когда я сравнивалъ то, что видѣлъ на водахъ въ 1839-мъ году съ состояніемъ заведенія въ первый годъ его существованія. Тогда тамошній буфетъ находился въ рукахъ содержательницы однаго изъ городскихъ трактировъ, знаменитой въ Гельсингфорсѣ старушки, мамзель Ва̀люндъ. То-то было житье ея посѣтителямъ! Она кормила и поила ихъ, какъ родныхъ дѣтей своихъ, щедро, безъ всякихъ мелочныхъ расчетовъ, лишь бы всѣ были сыты и довольны. Въ день именинъ своихъ, лѣтомъ, она привыкла угощать всѣхъ, постоянно пользующихся ея трудами. Вотъ въ 1838-мъ году она убрала буфетъ свой на водахъ цвѣтами и зеленью, приготовила обильный запасъ самыхъ мудреныхъ издѣлій пекарнаго искуства и пригласила всѣхъ пьющихъ воды на утренній кофе. Послѣ обычной прогулки общество собралось въ буфетѣ, гдѣ сама именинница принимала поздравленія. Гости пили и ѣли усердно, признательно, и старушка была въ восторгѣ отъ ихъ аппетита и веселости. Но что подъ луною неизмѣнно? Въ 1839-мъ году мамзели Ва́люндъ на водахъ уже не было! Ее замѣнилъ ученый въ кухонномъ дѣлѣ мужъ, благородной Германской крови, выписанный изъ-за моря. У него все благовидно, чинно, изящно; но какъ не пожалѣть о прежней простотѣ и о твоемъ патріархальномъ гостепріимствѣ, добрая старушка?

*

Забавенъ былъ, въ тоже время, первый, едва учрежденный дилижансъ. Представьте себѣ коляску въ видѣ лодки, съ двумя Финскими Россинантами: впереди на высокомъ тронѣ возсѣдаетъ блѣдный, бѣлобрысый, улыбающійся возница въ черномъ фракѣ, въ безцвѣтномъ картузѣ и въ бѣломъ галстухѣ; въ шуѣ держитъ онъ бразды, а въ десной большую мѣдную трубу для возвѣщенія всѣмъ и каждому о своемъ прибытіи. Но видно, онъ не рожденъ музыкантомъ: труба, приложенная къ его губамъ, издаетъ какіе-то уморительно-заунывные, траги-комическіе звуки. Увы! и онъ исчезъ на слѣдующій годъ: теперь на козлахъ дилижансовъ сидятъ обыкновенные люди, и труба звучитъ какъ труба! Вотъ проза старѣющей жизни: поэзія—удѣлъ однаго дѣтства.

Не могу оставить заведенія водъ, не вспомнивъ человѣка, которому удалось видѣть только начало учрежденія, столь много обязаннаго неусыпнымъ его попеченіямъ. Я разумѣю покойнаго Бонсдорфа, профессора химіи при Александровскомъ университетѣ, пламенно любившаго науку и трудами своими снискавшаго въ ученомъ мірѣ справедливую славу. Наблюдая за составленіемъ искуственныхъ водъ и будучи однимъ изъ ревностнѣйшихъ подвижниковъ новаго заведенія, онъ въ запрошломъ лѣтѣ находился тамъ почти безпрерывно и обращалъ на себя общее вниманіе своею необыкновенною дѣятельностью, своими оригинальными пріемами и разговоромъ. Осенью

того же года пріѣзжалъ онъ еще въ Петербургъ хлопотать объ успѣхѣ какаго-то новаго предпріятія, но уже походилъ болѣе на тѣнь, нежели на человѣка, и вскорѣ по возвращеніи въ Гельсингфорсъ умеръ въ цвѣтущей порѣ. Многолѣтнія, слишкомъ напряженныя занятія и привычка отвѣдывать вещества, составлявшія предметъ его изслѣдованій, были, какъ полагаютъ, причиною столь ранней кончины. Какъ лучшую дань уваженія памяти Бонсдорфа, приведу небольшой отрывокъ изъ прекрасной надгробной рѣчи на Шведскомъ языкѣ, произнесенной въ честь его г-мъ Цигнеусомъ.

«Упрекъ, часто дѣлаемый ученымъ — что они, сидя въ душныхъ стѣнахъ кабинета, мало видятъ и еще менѣе хотятъ видѣть то, что происходитъ въ свободной и здоровой атмосферѣ жизни дѣйствительной — этотъ упрекъ по крайней-мѣрѣ вовсе не касается профессора Бонсдорфа. Что его усердіе къ наукѣ было живое, практическое, доказывается уже тѣмъ жаромъ, съ какимъ онъ обнималъ промышленную жизнь, въ послѣднее время пробудившуюся такъ неожиданно и такъ мощно въ нашемъ краѣ. Пролагая новые пути, она совершила предпріятія, которыя строгій разсудокъ, еще лѣтъ за двадцать тому назадъ, прямо отнесъ бы къ области химеръ. Изъ всѣхъ сихъ предпріятій едва ли найдется одно, гдѣ бы онъ не учавствовалъ всею, ему свойственною теплотою души. И всякій знаетъ, какъ мало онъ щадилъ

для нихъ трудовъ и издержекъ, какъ сильно радовался успѣхамъ сихъ начинаній. Онъ по справедливости видѣлъ въ нихъ не распространеніе пользы вещественной на счетъ духовной, но побѣду просвѣщенія надъ тяжкимъ сномъ невѣжества. Онъ видѣлъ въ нихъ открытіе обильныхъ источниковъ обогащенія Финляндіи — источниковъ, безъ которыхъ (чтò бы ни говорили противники этаго мнѣнія) древо образованности всегда останется жалкимъ растеніемъ. Сколько благородныхъ, способныхъ подняться высоко и покрыть отечество своею широкою тѣнью, безвременно склоняются долу подъ игомъ горькой нужды и тяготятъ землю, которой могли бы служить украшеніемъ! Не должно однако жъ думать, что профессоръ Бонсдорфъ, удѣляя дѣятельность и познанія свои отважнымъ соображеніямъ промышлености, былъ побуждаемъ къ тому жаждою низкой прибыли. Корысть была, болѣе всего, чужда ему; въ его рукахъ химія никогда не превращалась въ алхимію. Напротивъ, онъ жертвовалъ общему благу своимъ наслѣдственнымъ, не маловажнымъ имѣніемъ такъ же ревностно, какъ другіе накопляютъ новое. Когда дѣло шло о пользѣ науки, никакая цѣна не казалась ему высокою, и онъ становился мотомъ. Но есть другіе, болѣе предосудительные виды расточительности.

«Еще большихъ издержекъ стоили ему почти безпрерывныя странствованія во всѣ тѣ края Европы, гдѣ можно было найти славное, священное для нау-

ки мѣсто. Сколько я знаю, ни одинъ ученый на цѣломъ Сѣверѣ не показалъ и въ этомъ отношеніи такой неутомимой дѣятельности. Только-что геніяльный Берцеліусъ, всегда признававшій чистосердечно заслуги его, успѣлъ посвятить Бонсдорфа въ глубокія таинства науки — онъ уже предпринялъ долгое путешествіе по землямъ, гдѣ издавна сіялъ алтарь ея. Въ мѣстахъ, гдѣ сливаются всѣ лучи естествознанія, въ Парижѣ и въ Лондонѣ, тамъ жилъ онъ преимущественно, слушалъ уроки величайшихъ въ мірѣ умовъ, и уже самъ, при всей своей молодости, былъ учителемъ. Но эти разъѣзды, послѣ которыхъ для всякаго другаго потребовалось бы цѣлой жизни на отдохновеніе, были для него только приступомъ къ дальнѣйшимъ странствованіямъ. Внезапно пробуждается въ комъ-то высокая мысль: всѣхъ мужей, слѣдующихъ въ изученіи природы одному направленію, соединить болѣе тѣсными, болѣе живыми узами, нежели тѣ, какими связываютъ мертвыя буквы. Бонсдорфъ едва ли не болѣе всѣхъ воспламеняется сею мыслію. Онъ спѣшитъ, часто съ разстроеннымъ здоровьемъ, въ города, избранцые, такъ сказать, для размѣна знаній. Онъ появляется въ Гамбургѣ, въ Вѣнѣ, въ Штутгартѣ, въ Прагѣ. Съ уваженіемъ и похвалами внимаютъ голосу его собранные тамъ верховные жрецы науки, «привыкшіе, по словамъ поэта, разлагать твореніе въ горнилѣ». О такомъ единодушномъ уваженіи къ Бонсдорфу ясно свидѣтельствуетъ то, что первыя ученыя общества

старались присоединить его къ числу своихъ членовъ. О томъ же свидѣтельствуетъ, между прочимъ, и высшая премія, недавно присужденная ему академіею наукъ въ Стокгольмѣ.»

Ученые труды Бонсдорфа состоятъ изъ мелкихъ, но по большой части высоко цѣнимыхъ сочиненій о разныхъ предметахъ химіи и минералогіи, на Латинскомъ, Нѣмецкомъ и Шведскомъ языкахъ. Съ заслугами своего званія онъ соединялъ благородный, открытый, хотя и причудливый, характеръ. Онъ готовъ былъ раскрывать каждому всѣ свои планы и надежды, даже всѣ сокровища своихъ знаній, лишь бы видѣлъ участіе къ любимымъ своимъ занятіямъ. Живо помню его низенькую и сухощавую, ни на минуту не спокойную фигуру. Въ глазахъ его свѣтился неугасаемый огонь, черты лица играли безпрестанно и часто оживлялись еще болѣе улыбкою. Помню его шутки, странности и важность, съ какою онъ любилъ расказывать, что берется во всякомъ обществѣ указать тѣхъ молодыхъ людей разнаго пола, между которыми, по извѣстнымъ только ему признакамъ, должно существовать взаимное сочувствіе или равнодушіе. Всѣ убѣждали его не таить отъ свѣта столь драгоцѣннаго открытія, и онъ съ тою же важностію продолжалъ, что, можетъ быть, со временемъ, напишетъ о томъ что-нибудь. Но Бонсдорфъ умеръ, и его тайна пропала для человѣчества!

Начало заведенія водъ составитъ безъ сомнѣнія эпоху въ исторіи Гельсингфорса, а слѣдовательно и цѣлой Финляндіи. Еще важнѣе, въ этомъ отношеніи, было учрежденіе, три года тому назадъ, пароходства между Петербургомъ, Ревелемъ, Гельсингфорсомъ, Або и Стокгольмомъ. До тѣхъ-поръ Финляндія, какъ страна, бѣдная собственными средствами, сильно ощущала недостатокъ сообщенія съ мѣстами, щедрѣе ея надѣленными и отъ природы и отъ судьбы. Появленіе на Балтійскомъ морѣ пароходовъ: Storfursten и Furst Menschikoff вдругъ доставило южному берегу Финляндіи легкое и быстрое сообщеніе съ важными торговыми пунктами. Благодѣтельныя послѣдствія сей новости неисчислимы и съ каждымъ годомъ будутъ становиться примѣтнѣе. Прошедшею весною общество учрежденія Финляндскихъ пароходовъ увидѣло себя въ необходимости возвысить плату за мѣста. Опытъ показалъ, что назначенныя первоначально цѣны не обезпечивали успѣха предпріятія. Такая перемѣна произвела-было въ Финляндіи много разнообразныхъ сужденій; но наконецъ всѣ убѣдились, что мѣра эта была дѣйствительно нужна.

Прибытіе парохода составляетъ въ небольшомъ городѣ замѣчательное событіе. Такъ въ Гельсингфорсѣ всѣ уже напередъ занимаются имъ, дѣлаютъ догадки о числѣ будущихъ гостей, и въ урочный часъ вся набережная пристани покрывается народомъ. Малѣйшее замедленіе ожидаемыхъ посѣтителей воз-

буждаетъ уже толки и опасенія за благоденствіе парохода, который однако жъ всегда, позднѣй или ранѣе, является на обычное мѣсто и своимъ спокойнымъ величіемъ будто говоритъ: «какая буря сокрушитъ меня?»

Сверхъ Storfursten и Furst Menschikoff, Финляндія успѣла пріобрѣсти для домашняго употребленія еще нѣсколько пароходовъ меньшаго размѣра. Два изъ нихъ стоятъ въ пристани Гельсингфорса. Старшій — миніатюрный пароходецъ *Лèнтея* (Läntäja по Фински значитъ *летунъ*), который Русскіе языки уже давно перекрестили, назвавъ очень справедливо *Лѣнтяемъ*. Это судно не иное что, какъ дубовый елботъ на колесахъ и съ машиною, содержащею въ себѣ силу двухъ лошадей; на скамьяхъ его можетъ помѣститься до 25-ти человѣкъ; въ томъ числѣ и два мальчика, изъ которыхъ одинъ правитъ рулемъ, а другой топитъ печь обыкновенными дровами. Лентея или пожалуй Лѣнтяй (usus tyrannus!) построенъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Стокгольмѣ; это образчикъ искуства воспитанниковъ тамошняго Технологическаго института. Назначеніе пароходца — облегчать сообщеніе съ заведеніемъ водъ и съ близлежащими островами, вообще съ окрестностями, и онъ исполняетъ свое дѣло хоть тихо, но очень исправно, NB. пока нѣтъ опаснѣйшаго врага его—противнаго вѣтра. Забавно смотрѣть на этаго *летуна*, когда онъ въ полномъ ходу: онъ повидимому непомѣрно напрягаетъ

свои силы, а подвигается — какъ утенокъ. Но и онъ въ случаѣ надобности умѣетъ быть грознымъ: на то у него двѣ пушки, какъ самъ онъ, исполинскія и всегда готовыя разразиться страшнымъ ревомъ. Слышно, что Лентея, наскучивъ шутками, которыя со всѣхъ сторонъ сыплются на него, намѣренъ къ будущему лѣту совершенно преобразиться и принять видъ, болѣе способный внушать уваженіе.

Товарищъ его, пароходъ *Гельсингфорсъ*, силою равный 8-ми лошадямъ, замѣчателенъ какъ первое въ этомъ родѣ произведеніе Финляндскаго желѣзнаго завода *Фискарсъ* (Fischars), находящагося между Гельсингфорсомъ и Або. Этому пароходу назначено содержать сообщеніе между приморскими городами Финляндіи, отъ ея столицы до Выборга; но къ сожалѣнію, онъ, какъ всякій первый опытъ, до сихъ-поръ не вполнѣ достигалъ цѣли, подвергая иногда пассажировъ своихъ приключеніямъ, не совсѣмъ пріятнымъ. Поэтому и предположено замѣнить его новымъ, въ Стокгольмѣ заказаннымъ пароходомъ.

Въ Або есть также небольшой пароходъ, называемый (по имени тамошней рѣки) *Аура* и служащій собственно для прогулокъ. Наконецъ и городъ *Улеаборгъ* имѣетъ пароходъ своего же имени (силою въ 30 лошадей), плавающій между Або и Торнео. Такимъ образомъ, теперь можно обойти весь берегъ Финляндіи, отъ Выборга до Торнео, на пароходѣ, и любо-

знательнымъ доставлено удобное средство посмотрѣть на беззакатное или полуночное солнце (midnattssolen). Жаль только, что Лапландское свѣтило не всегда платитъ своимъ гостямъ тѣмъ же вниманіемъ, какое они ему оказываютъ, и иногда вовсе неудостоиваетъ ихъ хотя минутнымъ появленіемъ изъ-за своей непраздничной завѣсы.

Финны издавна слывутъ искусными и отважными мореходцами; до завоеванія ихъ Шведами, они на легкихъ судахъ своихъ часто сражались въ Финскомъ заливѣ съ Скандинавскими грабителями и даже неоднократно распространяли ужасъ на берегахъ самой Швеціи; по всей вѣроятности, Карелы, т. е. восточные Финны, участвовали въ знаменитомъ разореніи Сигтуны. И въ наше время Финскіе моряки отличаются знаніемъ своего дѣла и рѣдкимъ присутствіемъ духа. Отвага ихъ выходитъ иногда изъ границъ благоразумія. Мнѣ случилось однажды плыть по шерамъ на Чухонскомъ кораблѣ, возвращавшемся въ Петербургъ безъ клади и даже безъ балласта. Послѣдняго обстоятельства пассажиры, разумѣется, не знали, пока ночная буря не понесла ихъ назадъ, ежеминутно грозя разбить утлое судно о какой нибудь подводный камень. Пріятность нашего положенія еще увеличивалась отъ разныхъ постороннихъ обстоятельствъ. Каюта, гдѣ нельзя было почти «ни стать, ни сѣсть», ни даже укрыться отъ дождя; вмѣсто постелей нѣсколько темныхъ, смрадныхъ клѣ-

токъ, устланныхъ грязными доспѣхами матросовъ; ни пищи, ни питья, кромѣ сыру да воды, ни общества, кромѣ двухъ гадкихъ кухарокъ, да къ счастію, добраго товарища; наконецъ произволъ угрюмаго шкипера, который въ бурю самъ не зналъ что̀ дѣлать и только съ судорожнымъ безпокойствомъ жевалъ свой табакъ, а въ тишь останавливался у всякаго острова для посѣщенія своихъ пріятелей рыбаковъ: вотъ наслажденія, испытанныя нами на Чухонскомъ кораблѣ! За то и благословили мы судьбу, когда на одномъ пустынномъ островѣ нашелся сострадательный рыбакъ, который взялся, на своемъ ненадежномъ челнѣ, въ бурю, доставить насъ на ближній берегъ, бывшій только верстахъ въ трехъ оттуда. Высоко прядалъ челнокъ, дождь и брызги волнъ ни на мигъ не давали покоя бѣднымъ мореплавателямъ; но при всемъ томъ они радовались болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ ненавистный корабль терялся въ отдаленіи...

Умноженіе пароходовъ на Финскихъ берегахъ свидѣтельствуетъ о промышленномъ духѣ Финляндіи и ручается за быстрое въ ней возрастаніе народнаго богатства. Но фабричная промышленость еще не успѣла значительно подняться тамъ надъ тою низкою степенью, на которую ее поставили, въ теченіе вѣковъ, разныя неблагопріятныя обстоятельства. Недостатокъ капиталовъ и низкая пошлина, положенная на ввозимые изъ-за границы товары: вотъ главныя изъ причинъ, препятствовавшихъ въ новѣйшее время процвѣ-

танію мануфактуръ въ Финляндіи *. Мудрое правительство не перестаетъ заботиться объ улучшеніи, и по этой части, ея состоянія.

Съ наступленіемъ лѣта многіе жители Гельсингфорса переселяются на мызы, болѣе или менѣе отдаленныя, и тамъ предаются то тихимъ сельскимъ забавамъ, то пріятнымъ заботамъ объ улучшеніи своего хозяйства. Такія мызы составляютъ, большею частію, ихъ собственность, и по уединенному, часто живописному положенію даютъ возможность дѣйствительно отдыхать отъ городскихъ тревогъ и вполнѣ наслаждаться природою. Въ тоже время часть войска уходитъ въ лагерь, и въ Гельсингфорсѣ открывалась бы ощутительная пустота, если бъ цѣлебныя воды и различныя удобства не привлекали сюда, въ лѣтнюю пору, множества иногородныхъ жителей. Вмѣстѣ съ ними, какъ ласточки съ весною, являются въ Финляндской столицѣ разнаго рода артисты: мелкія знаменитости Петербургскихъ и Стокгольмскихъ театровъ, провинціальные актеры и акробаты, доморощенные геніи и т. п., и все это пользуется здѣсь пріемомъ, болѣе или менѣе благосклоннымъ. Имена нѣкогда гремѣвшія, но уже забытыя, на берегахъ Невы, здѣсь обращаютъ въ свою пользу непреложный законъ природы, что эхо еще раздается, когда самый звукъ, его родившій, уже замеръ. Надобно сознаться, что

* См. отчетъ министра статсъ-секретаря В. К. за 1836 г.

эстетическое чувство еще мало находитъ пищи въ Финляндіи. Тамъ факелъ искуствъ и художествъ всегда горѣлъ тускло. И станемъ ли мы удивляться тому, когда раскроемъ кровавыя скрижали страны, которую въ продолженіе вѣковъ (пока Провидѣніе не ввѣрило ея Россіи), безпрерывно оспаривали другъ у друга всевозможныя бѣдствія: и война и корысть намѣстниковъ, и голодъ и язва? Немногія картины и изваянія, гдѣ-гдѣ мелькающія въ тамошнихъ городахъ, какъ бы заблудясь попали туда. Сколько знаю, въ Финляндіи родились только два артиста, достойные упоминанія: живописецъ Лауреусъ (Lauraeus, ум. въ 1823 г.) и композиторъ Крусель (Crusell, ум. въ 1838 г.); но и тѣ, при первомъ сознаніи таланта, покинули скудную родину и продолжали свое развитіе въ Швеціи и въ другихъ земляхъ. Не болѣе четырехъ или пяти картинъ Лауреуса можно встрѣтить въ самомъ его отечествѣ. Только божественная поэзія, по особенной щедрости природы, издревле была наслѣднымъ сокровищемъ Финляндіи. Независимо отъ множества народныхъ, безыменныхъ пѣвцовъ, составляющихъ достояніе собственно-Финскаго слова, она произвела нѣсколько поэтовъ, украсившихъ своими именами литературу Шведскую. Таковы были въ прошедшемъ вѣкѣ графъ Крейцъ и Кореусъ; таковы еще теперь Францѐнъ и Рунебергъ.

Есть въ Гельсингфорсѣ театръ; но онъ ни самъ собою, ни сценой вовсе не удовлетворяетъ любителей

изящнаго. Деревянныя стѣны его носятъ уже слишкомъ явные слѣды времени, а нагота внутренности какъ-то не располагаетъ къ веселью. За то зрѣлища, даже и плачевныя, по большой части входятъ въ область комическаго, и еще тѣмъ драгоцѣнны, что нерѣдко соединяютъ въ себѣ вдругъ всѣ роды искуствъ: за два рубля наслаждаетесь вы и драматическимъ представленіемъ и балетомъ, и вокальнымъ и инструментальнымъ концертомъ. Впрочемъ, концерты даются и особо то въ полукруглой университетской залѣ, то въ такъ называемомъ Societätshus — гостинницѣ для пріѣзжихъ, съ залою для публичныхъ собраній *. Обѣ залы превосходны, но усладительные звуки въ нихъ—увы!—такъ же рѣдки, какъ соловьи въ сѣверныхъ лѣсахъ.

Въ Финляндіи денегъ мало, богачей въ полномъ смыслѣ нѣтъ; но роскошь постепенно пролагаетъ себѣ путь и туда. Это наиболѣе замѣтно въ Гельсингфорсѣ, гдѣ цѣны на всѣ предметы высоки въ сравненіи съ цѣнами въ другихъ мѣстахъ Великаго Княжества. Отъ того житель провинціальнаго городка Финляндіи, побывавъ нѣсколько времени въ ея столицѣ, горько негодуетъ и жалуется на тамошнюю разорительную дороговизну! Въ Гельсингфорскихъ до-

* Это лучшій изъ Гельсингфорскихъ трактировъ: онъ отличается отъ другихъ еще и тѣмъ, что здѣсь посѣтители обѣдаютъ за table d'hôte, а прислуживаютъ въ немъ мущины.

махъ роскошь является всего блистательнѣе зимою, когда высшее общество не разсѣяно по дачамъ и когда, какъ увѣряютъ жители, почти ежедневные балы и вечеринки мало уступаютъ нашимъ, особенно по части нарядовъ. Но гораздо чувствительнѣе для Гельсингфорса роскошь, такъ сказать, ввозная, та роскошь, которая каждое лѣто въ нѣсколько пріемовъ врывается сюда обильнымъ потокомъ на пароходахъ, въ кошелькахъ и бумажникахъ Невскихъ. Тогда сидѣльцамъ Гельсингфорскимъ не до отдыха, и локоть (aln, замѣняющій нашъ аршинъ) рѣдко выходитъ изъ рукъ ихъ. Въ городѣ пять или шесть галантерейныхъ магазиновъ пользуются особенною славой; что они не поражаютъ блескомъ убранства, въ томъ бѣды нѣтъ; но жаль, что хозяева ихъ, для собственныхъ своихъ выгодъ, не позаботятся болѣе объ обиліи и разнообразіи товаровъ. Отличительнаго въ этихъ магазинахъ только нѣкоторая дешевизна, смѣшеніе всякой всячины, примѣрная честность продавцевъ, наконецъ отсутствіе, по большой части, вывѣсокъ. Есть и много Русскихъ лавокъ, но онѣ почти исключительно удовлетворяютъ потребностямъ низшихъ сословій. Модныхъ магазиновъ очень мало, да и тѣ таковы, что заставляютъ дамъ лучшаго круга выписывать свои уборы изъ Петербурга.

Деньги Финляндскія могутъ озадачить незнакомаго съ ними. Изъ общихъ Русскихъ денегъ тамъ наиболѣе ходятъ ассигнаціи и мѣдная монета; серебра

же почти вовсе невидно. Изрѣдка встрѣчаются старыя Шведскія бумажки и мѣдные шиллинги (skilling — 2½ к. асс.); но всего обыкновеннѣе выпускаемыя особо для Финляндіи маленькія ассигнаціи отъ 20 коп. до 2 руб., не совсѣмъ удобныя, когда надобно имѣть съ собою большой запасъ ихъ, напримѣръ въ дорогѣ. Въ отношеніи къ достатку замѣтно между городскими жителями Финляндіи болѣе равенства и отъ того менѣе рѣзкихъ границъ между состояніями, нежели во всякой другой странѣ. Разумѣется, впрочемъ, что Гельсингфорсъ, гдѣ все носитъ нѣкоторую тѣнь столичной жизни, въ меньшей степени подходитъ подъ это замѣчаніе.

Какъ вообще жители городовъ Финляндскихъ, такъ и жители Гельсингфорса, которыхъ считается болѣе 14/т. (въ томъ числѣ до 260 православныхъ), состоятъ преимущественно изъ природныхъ Финляндцевъ; но языкъ, между ними господствующій, языкъ мѣстнаго правительства, школъ и литературы есть Шведскій. Только въ Выборгской губерніи наиболѣе употребителенъ Нѣмецкій, который введенъ тамъ и во всѣхъ училищахъ.

Финны, при покореніи ихъ въ XII столѣтіи Шведами, стояли на гораздо низшей степени образованности, нежели побѣдители, и потому все, что входитъ въ составъ гражданскаго быта, вскорѣ приняло въ Финляндіи формы Шведскія, тѣмъ болѣе, что за-

воеватели утвердили здѣсь, хотя огнемъ и мечемъ, Евангеліе. Чтобы упрочить въ новой провинціи свое владычество, Шведскіе государи начали заселять берега Финскаго и Ботническаго заливовъ своими коренными подданными, и вотъ что еще болѣе способствовало распространенію между Финнами языка и обычаевъ Шведскихъ. Богатый во многихъ отношеніяхъ, Финскій языкъ сохранилъ всю свою чистоту только въ устахъ крестьянъ, живущихъ на довольно значительномъ разстояніи отъ селеній чужеземныхъ; Финны же, близъ береговъ обитающіе, перенимая языкъ пришельцевъ, съ тѣмъ вмѣстѣ искажали свой собственный. Становясь въ тоже время болѣе и болѣе чуждымъ для высшихъ сословій народа и даже презрительнымъ въ глазахъ ихъ, онъ наконецъ совершенно вышелъ изъ употребленія въ городахъ, гдѣ и знаютъ его очень немногіе. Изъ дворянъ на немъ могутъ объясняться тѣ только, которые, владѣя мызами во внутренности края, или по другимъ обстоятельствамъ, съ-дѣтства имѣли случай говорить по-Фински *.

* Здѣсь мы позволимъ себѣ сдѣлать мимоходомъ нѣсколько замѣчаній о Финскомъ языкѣ. У насъ имѣютъ о немъ столь невѣрное понятіе, что многіе считаютъ его въ родствѣ со Шведскимъ, тогда-какъ между двумя этими языками нѣтъ рѣшительно ничего общаго. Финскій, вышедшій очевидно изъ Азіи, отличается такимъ богатствомъ формъ и такимъ органическимъ развитіемъ, что изъ всѣхъ Европейскихъ языковъ съ нимъ можетъ быть сравниваемъ развѣ одинъ только древне-Греческій. Финскія слова, рѣдко односложныя, по большой части очень длинны и заключаютъ въ себѣ много гласныхъ буквъ, между которыхъ согласныя не любятъ стоять одна возлѣ другой; а въ началѣ словъ онѣ никогда не соединяются вмѣстѣ. За то гласныя сли-

Даже фамильныя имена Финляндцевъ заимствованы по большой части изъ Швеціи. Въ разное время прибывали въ Финскіе города на житье Шведы, Нѣмцы и Датчане; но число сихъ переселенцевъ (за исключеніемъ приходившихъ въ Выборгскую губернію) никогда не было велико, и потомки ихъ совершенно слились, въ теченіе вѣковъ, съ природными жителями. Теперь все Шведское населеніе въ Финляндіи почти ограничивается колонистами, занимающими по берегу цѣлыя села, да въ городахъ тѣми изъ жителей, которые происходятъ отъ этихъ колонистовъ.

Русскихъ, если не считать военныхъ, не можетъ быть много въ Финляндіи: большая часть ея еще такъ недавно вошла въ составъ Имперіи. Только

ваются всячески одна съ другою, и языкъ представляетъ до 23 двугласныхъ (diphtongi). Отъ этихъ свойствъ онъ очень благозвученъ, тѣмъ болѣе, что всѣ гласныя, въ одномъ и томъ же словѣ находящіяся, обыкновенно однородны: *ä*, напр., во многихъ случаяхъ исключаетъ *ö*, *o* не терпитъ *ö*. Всѣ части рѣчи необычайно обильны видоизмѣненіями. Имена существительныя имѣютъ до 16-и падежей, и при склоненіи ихъ употребляются не предлоги, которыхъ въ языкѣ нѣтъ, а частицы, поставляемыя въ концѣ словъ. Какъ существительныя, такъ и прилагательныя, принимаютъ уменьшительную и увеличительную степени, и въ этомъ отношеніи изумляютъ также безчисленнымъ множествомъ видоизмѣненій. Въ глаголахъ Финскихъ количество видовъ такъ велико, что до сихъ поръ всѣхъ ихъ еще не успѣли опредѣлить, къ чему присоединяется столь же необыкновенное обиліе въ наклоненіяхъ. Гибкость языка въ сочетаніи словъ простирается до того, что по-Фински можно выразить, хотя и весьма длиннымъ словомъ, мысль, которая на всякомъ другомъ языкѣ потребовала бы цѣлаго предложенія. Вотъ еще двѣ странныя особенности Финскаго:

купцовъ нашихъ уже довольно разсѣяно въ тамошнихъ городахъ, особенно въ Гельсингфорсѣ. Всего болѣе Русскихъ въ Выборгской губерніи, гдѣ они составляютъ половину всѣхъ городскихъ жителей, которыхъ болѣе 12000 *. Это объясняется довольно отдаленнымъ уже временемъ присоединенія къ Россіи юго-восточнаго края Финляндіи.

Заглянемъ теперь, сколько то возможно безъ нескромнаго любопытства, во внутренность жилищъ и въ подробности домашняго быта Финляндцевъ. Въ сѣняхъ на двери, служащей главнымъ входомъ, виситъ у многихъ небольшой жестяной ящикъ съ отверстіемъ вверху и съ надписью: Låda för visit-kort (ящикъ для визитныхъ картъ). Туда посѣтитель, если дверь

въ немъ пѣтъ родовъ; а въ различныхъ сочетаніяхъ понятій и звуковъ все главное ставится напередъ. Отъ того удареніе словъ бываетъ всегда на первомъ слогѣ; отъ того, когда глаголъ употребляется отрицательно, частица отрицанія полагается назади, и ужь не глаголъ, а она спрягается; такъ точно притяжательное мѣстоимѣніе всегда присоединяется къ концу имени и при склоненіи принимаетъ окончанія его падежей; также точно въ стихахъ рифма, какъ важная ихъ принадлежность, не оканчиваетъ, а начинаетъ слова, т. е. превращается въ *аллитерацію* и въ *ассонансъ*. Если мы прибавимъ ко всему этому многія внутреннія преимущества Финскаго языка, то по справедливости отнесемъ его къ разряду самыхъ счастливыхъ языковъ древняго и новѣйшаго времени.

* См. Statistische Darstellung des Gross-Fürstenthums Finnland von D-r Rein. Helsingfors. 1839. Двѣ главы изъ этой небольшой книжки напечатаны на Русскомъ языкѣ въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1839 года за Октябрь, подъ заглавіемъ: Жители и просвѣщеніе въ В. К. Финляндіи.

замкнута, опускаетъ свою карточку, никого не безпокоя напрасно. Обычай, который, право, заслуживаетъ подражанія и часто можетъ быть очень благодѣтельнымъ и для хозяина и для гостя, избавляя обоихъ отъ *желаннаго* лицезрѣнія. Но въ Финляндіи, гдѣ нравы еще не достигли современной утонченности, обычай этотъ конечно установленъ не съ такой человѣколюбивой цѣлью, а происходитъ только отъ скудости въ прислугѣ. Число челяди рѣдко выходитъ здѣсь за предѣлы строгой необходимости и во многихъ домахъ ограничивается одною или двумя служанками. Лакей есть ужъ признакъ нѣкоторой роскоши, да и ему часто не стаетъ двухъ рукъ, особенно когда онъ служитъ домашнимъ factotum и иногда, для разнообразія, долженъ промѣнивать прихожую на конюшню и на козлы. И какъ онъ, при всемъ томъ, умѣренъ въ своихъ требованіяхъ! Здѣсь слуги условливаются въ платѣ на цѣлый годъ. Прихожая (tambour) въ домахъ незажиточныхъ есть рѣдкость, и холодныя сѣни составляютъ по большой части единственный переходъ со двора въ покои. Прибавьте къ тому, что у печекъ нѣтъ вьюшекъ: труба закрывается посредствомъ небольшой желѣзной доски, до которой нельзя достать рукой и которую двигаютъ взадъ и впередъ висящими снурками. Такимъ образомъ наши сѣверо-западные братья хуже, нежели мы, защищаются противъ общей нашей гостьи, зимы. Но какъ будто въ вознагражденіе этой безпечности, они въ своихъ столовыхъ снабжаютъ печки небольшимъ шка-

пикомъ или нишей съ дверцами и полками, на которыхъ держатъ зимою тарелки и блюда. У людей изъ низшихъ и среднихъ сословій непремѣнною принадлежностью опрятныхъ комнатъ является ельникъ (granris), то разсыпанный на полу, то собранный въ песочницѣ. Между мебелью, замѣчателенъ для насъ, какъ вещь въ нашемъ быту необыкновенная, такъ называемый *качальный стулъ* (gungstol), кресло, утвержденное на двухъ округленныхъ снизу подставкахъ. Въ Гельсингфорсѣ оно не такъ употребительно, какъ въ другихъ, меньшихъ городахъ, гдѣ флегматическій домосѣдъ любитъ предаваться нѣгѣ усыпительнаго движенія. Лѣтомъ встрѣтите вы почти въ каждомъ домѣ еще предметъ, мало извѣстный у насъ: небольшую палку съ дымковымъ мѣшкомъ или кожанымъ кругомъ на одномъ концѣ ея; это оружіе для истребленія мухъ, доставляющее иногда пріятное и полезное препровожденіе времени!

Бытъ Финляндцевъ, отзывающійся вообще лѣнью житья провинціальнаго, представляетъ нѣкоторыя любопытныя для насъ черты. Разумѣется, что здѣсь не все можно распространить и на высшій кругъ, гдѣ много мѣстныхъ привычекъ изгнано и приняты отчасти формы общей Европейской жизни. День начинаютъ питьемъ кофе, который обыкновенно разносится при самомъ пробужденіи; а вскорѣ послѣ того семья собирается къ завтраку. Обѣдаютъ въ двѣнадцать часовъ, въ часъ, а нѣкоторые изъ людей знат-

ныхъ и въ три. Народная кухня есть Шведская, которой господствующій характеръ сладость. Такъ избалованы въ своемъ вкусѣ Шведы, потомки суровыхъ Скандинавовъ! или страсть къ сахару во внукахъ должно объяснять слабостью дѣдовъ къ меду, ихъ главному напитку? Предоставляемъ ученымъ посвятить себя изслѣдованію столь глубокомысленнаго вопроса. Мы же будемъ довольствоваться одними фактами: между сосѣдями нашими многіе не могутъ обойтись безъ сахара даже въ буліонѣ и мясѣ; въ трактирахъ маленькія вазы съ сахаромъ украшаютъ всякій обѣденный столъ, котораго важную принадлежность составляетъ сверхъ того рыба, тогда-какъ хорошая говядина рѣдкость. Наиболѣе употребляемый хлѣбъ крѣпокъ, какъ дерево. Простой народъ печетъ его изъ ржаной муки въ видѣ большихъ круглыхъ лепешекъ, въ срединѣ которыхъ вырѣзывается кружокъ *. Приготовивъ вдругъ большой запасъ такаго хлѣба — это бываетъ обыкновенно два раза въ годъ — его нанизываютъ на длинные шесты, протянутые въ избѣ или въ кухнѣ высоко надъ головою. Тамъ онъ сохнетъ и снимается съ шестовъ по мѣрѣ надобности. Увѣряютъ, что этому хлѣбу простолюдины Финляндскіе обязаны красотою своихъ зубовъ. Другой родъ крѣпкаго хлѣба, который встрѣчается и на всѣхъ городскихъ столахъ, есть такъ называемый knäckebröd, полубѣлый, прѣсный и какъ дощечка тонкій; его пекутъ въ видѣ

* Отъ того этотъ хлѣбъ и называется по Шведски: hålkaka (*hål* дыра, *kaka* пирогъ).

большихъ круговъ, послѣ разламываемыхъ на неправильные куски. Многіе вовсе не ѣдятъ другаго хлѣба; однако жъ рядомъ съ нимъ является почти вездѣ и мягкій. Любимую пищу составляютъ также разнаго рода сухари, вовсе непохожіе на наши. Между произведеніями булочнаго мастерства одно имѣетъ здѣсь иногда совершенно особенное назначеніе. Если вамъ случится встрѣтить на улицѣ прохожаго съ порядочнымъ крепделемъ въ рукѣ, не удивляйтесь тому: значитъ, что онъ идетъ съ похоронъ — обряда, во время котораго гостямъ обыкновенно подаютъ при чаѣ подобный хлѣбъ, и гости уносятъ его съ собой.

Тотчасъ послѣ стола соблюдается иногда въ шутку старинный и странный обычай: одинъ изъ сотрапезниковъ подбѣгаетъ изподтишка къ другому (хоть и къ дамѣ) и слегка ударяетъ его по плечу, приговаривая: matklapp (*mat* пища, *klapp* ударъ)! Потомъ пьютъ во второй разъ кофе — зелье, вообще страстно любимое Финляндцами. Въ одномъ городкѣ жилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ старичекъ, который съ утра до вечера пилъ кофе и осушалъ до 50-ти чашекъ въ день. За то чай, котораго утромъ почти никто не пьетъ, не составляетъ и вечеромъ общей потребности или прихоти: у нѣкоторыхъ является онъ только при гостяхъ. Вскорѣ послѣ него, мужчинъ подчиваютъ напиткомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *тодди*: подносятъ стаканы, въ которыхъ налитую уже малую долю сахарной во-

ды каждый *разводитъ* коньякомъ или чѣмъ-нибудь подобнымъ изъ стоящей рядомъ бутылки. Наконецъ день и труды его вѣнчаются ужиномъ; тутъ очень употребительно вареное молоко, подаваемое въ стаканахъ и иногда смѣшанное съ пивомъ (ölost). Между этими главными пріемами пищи случаются — что впрочемъ теперь почти вездѣ ужъ вывелось—еще чрезвычайныя закуски (mellanmål, klockan sex). Водка или такъ называемое sup (шнапсъ) есть необходимое вступленіе къ каждому завтраку, обѣду и ужину; ее ставятъ или на особый *водочный* столикъ (brännvinsbord), или, проще, на тотъ же столъ, за которымъ кушаютъ, и откуда ее уносятъ, когда она болѣе не нужна. Вино, въ свою очередь, льется обильно, при чемъ, для взаимнаго поощренія, каждый, поднося рюмку къ губамъ, подаетъ кому-нибудь изъ застольниковъ знакъ, что пьетъ его здоровье, или даже приговариваетъ: skål (зн. собственно *чаша*, *тостъ*). Привѣтствуемый непремѣнно долженъ отвѣчать дѣломъ и никакъ не отставать отъ вызывающаго, даже въ количествѣ пріема. Еще болѣе употребляется пиво, то крѣпкое (öl), то слабое (svagdricka). Въ приготовленіи его Финляндцы издавна отличаются такимъ искуствомъ, что Шведскій король Іоаннъ III, большой охотникъ до этаго напитка, всегда выписывалъ его изъ Або. Для прохлажденія пьютъ во всякое время воду съ молокомъ, или *kallskål*, смѣсь сахарной воды съ виномъ и съ лимономъ.

Отъ этихъ внѣшнихъ подробностей надлежало бы перейти ко внутренней сторонѣ нравовъ Финляндскихъ; но съ нею не такъ легко ознакомиться въ короткое время, и мы, не смѣя произносить рѣшительнаго суда о характерѣ городскихъ жителей, скажемъ только, что до сихъ поръ бѣдность служила имъ, можетъ быть, благотворнымъ покровомъ отъ множества золъ и пороковъ. Какъ въ жизни частныхъ людей, такъ и въ жизни обществъ изобиліе и блестящая судьба не всегда бываютъ лучшимъ средствомъ къ охраненію семейныхъ добродѣтелей и чистоты нравственности. То̀ несомнѣнно, что заботливое, глубоко-религіозное воспитаніе, соединенное съ основательнымъ ученіемъ, готовитъ намъ въ Финляндцахъ согражданъ отличныхъ и полезныхъ для Россіи. Врожденная въ нихъ флегма и степенность духа, несовмѣстная съ суетностью, дѣлаютъ ихъ чрезвычайно способными къ занятіямъ, требующимъ не столько живости и быстроты ума, сколько постоянства, терпѣнія и проницательности. Они дѣйствуютъ медленно, но тѣмъ добросовѣстнѣе и надежнѣе. Характеръ общества въ городахъ малолюдныхъ представляетъ вездѣ болѣе или менѣе сходныя между собою черты, какъ съ хорошей, такъ и съ дурной стороны. Жители Гельсингфорса жалуются между-прочимъ на отсутствіе непринужденности въ ихъ кругахъ: дѣйствительно, самый языкъ Шведскій нѣкоторыми изъ своихъ особенностей обличаетъ въ народномъ характерѣ наклонность къ стѣснительнымъ обрядамъ; изъ Швеціи она

должна была перейти и въ Финляндію, гдѣ при извѣстныхъ условіяхъ не могла исчезнуть совершенно.

Въ Шведскомъ языкѣ нѣтъ мѣстоименія, которое бы вполнѣ соотвѣтствовало нашему *вы*, обращаешься ли къ одной или къ нѣсколькимъ особамъ. Того, съ кѣмъ разговариваешь (если взаимныя отношенія не позволяютъ употреблять *ты*), должно называть по чину или званію его въ 3-мъ лицѣ, какъ будто бъ дѣло шло объ отсутствующемъ. На примѣръ, вмѣсто: гдѣ вы были? надобно говорить: гдѣ былъ г. поручикъ, г. статскій совѣтникъ, г. купецъ? А при обращеніи ко многимъ принято означать ихъ собирательнымъ именемъ: *herrskapet* (какъ бы *собраніе господъ*, die Herrschaft). Правда, есть слово, выражающее *вы*, именно *Ni*, но оно слышится только въ разговорѣ съ человѣкомъ низкаго званія или между людьми разнаго пола. Будучи же сказано чужому или и знакомому, но не близкому вамъ лицу, это словечко можетъ сдѣлаться очень оскорбительнымъ и подвергнуть васъ непріятности. Такимъ образомъ, прежде вступленія въ разговоръ съ неизвѣстнымъ человѣкомъ, надобно непремѣнно узнать, по Шведскому выраженію, его титулъ (titel) или званіе (karaktér). Если же крайность принудитъ завести съ кѣмъ-нибудь рѣчь, не развѣдавъ того, въ такомъ случаѣ позволительно сказать *min herre* (государь мой); но это ужъ не совсѣмъ въ порядкѣ. Шведская страсть къ титулованію доходитъ до того,

что даже пожилыхъ или замужнихъ служанокъ отличаютъ названіемъ *Madam*.

Въ Швеціи такая слабость господствуетъ еще въ высшей степени: говорятъ, что въ Стокгольмѣ многіе благоразумные люди старались не разъ доставить мѣстоименію *Ni* истинныя его права́, но всѣ попытки остались тщетными. Явленіе тѣмъ болѣе странное, что Датчане и Норвежцы, подобно Нѣмцамъ, имѣютъ слово для выраженія 2-го лица множ. числа, т. е. мѣстоименіе *они* (de, sie).

Но это самое неудобство въ разговорѣ дало происхожденіе прекрасному обычаю. Желая избѣгнуть напраснаго стѣсненія, люди, которые видятся часто, переходятъ очень легко на *ты*: тому должно предшествовать вступленіе въ *братство* за бутылкою добраго вина, что̀ и называется *пить тостъ братства* (dricka brorskål). Два пріятеля, свивъ правыя руки, вооруженныя двумя полными рюмками, пьютъ вино и обѣщаютъ быть братьями, пока они останутся честными людьми (så länge vi äro hederliga karlar). Съ той минуты исчезаютъ во взаимномъ ихъ обращеніи всѣ принужденныя формы, они называютъ другъ друга братьями, и скучное титулованіе смѣняется чистосердечнымъ *ты*.

Въ общественномъ быту Финляндцы могутъ похвалиться особеннымъ гостепріимствомъ: званые

пиры между ними если не часты, за то несомнѣнно показываютъ желаніе хозяевъ не щадить ничего для угожденія гостямъ. Между такъ называемыми kalas, т. е. пирушками, едва ли не всего обыкновеннѣе и вмѣстѣ оригинальнѣе *кофейныя* собранія (kaffe). Черезъ нѣсколько часовъ послѣ обѣда приглашенные сходятся на кофе, который и пьютъ въ большомъ изобиліи. Здѣсь самую значительную часть общества составляютъ дамы; кавалеровъ же зовутъ въ маломъ числѣ, какъ бы только для увеселенія дамъ, почему провинціальное остроуміе и отмѣтило мущинъ, присутствующихъ на *кофейныхъ* пирушкахъ, названіемъ *рыбьяго клея* (kaffe-skinn), который, какъ извѣстно, служитъ къ очищенію Аравійскаго напитка.

Послѣ всякой пирушки, гость, при первой встрѣчѣ съ хозяиномъ, привѣтствуетъ его словами: Tack för sist (спасибо за намеднешнее)! На Шведскомъ языкѣ, какъ и на многихъ другихъ, есть также слово, которымъ хозяинъ выражаетъ свое радушіе при входѣ къ нему гостя, именно: *välkommen* (bien venu, willkommen). Прекрасное прилагательное, къ сожалѣнію не существующее у насъ.

Изъ праздниковъ святки издавна составляютъ въ Финляндіи, какъ въ Скандинавіи, время, преимущественно посвященное семейнымъ увеселеніямъ. Еще у языческихъ Норманновъ совершались, около этой поры, именно въ періодъ *зимняго солнцестоянія*,

пиры, продолжавшіеся нѣсколько дней сряду. Они назывались *jul* (можетъ быть, отъ hjul, колесо, съ движеніемъ котораго сравниваютъ вращеніе года). Со введеніемъ Христіанства въ Скандинавіи, и важность и названіе этихъ пиршествъ перешли на Рождество. И въ Финляндіи въ это время родные и друзья прилежно посѣщаютъ другъ друга; а наканунѣ перваго праздника, вечеромъ (julqväll), почти во всякомъ семейномъ домѣ собираются пріятели, и дарятъ одинъ другаго. Освѣщенная и разукрашенная ёлка приготовляется только для дѣтей; взрослые же иначе мѣняются подарками (julklapp). Обыкновенно доставляются такія вещи въ запечатанныхъ пакетахъ съ надписью, кому онѣ назначаются, съ девизами или стихами. Часто даритель бросаетъ ихъ въ дверь и самъ исчезаетъ, или онъ является въ комнату съ пустыми руками, оставивъ слугѣ принесенный пакетъ съ порученіемъ вбросить его послѣ. Влетающій даръ подымается кѣмъ-нибудь изъ общества, который и передаетъ его по надписи. Не смотря на такую таинственность, приноситель рѣдко остается неизвѣстнымъ. Къ дѣтямъ подсылается иногда съ подарками человѣкъ, одѣтый въ мѣхъ или въ другой какой-нибудь странный нарядъ, и этаго оборотня маленькое племя называетъ julbock. Изъ общественныхъ игръ мнѣ удалось видѣть здѣсь только *горѣлки*, называемыя по Шведски *вдовьею игрою* (enklek); *быть вдовой* значитъ по-нашему *горѣть*.

Въ отношеніи къ образованности, въ Финляндіи нѣтъ слишкомъ рѣзкаго различія между сословіями. Первыя начала ея распространены даже въ простомъ народѣ; но и высшее университетское образованіе очень обыкновенно. Почти каждый отецъ семейства, какаго бы званія онъ ни былъ (если только имѣетъ къ тому средства), посылаетъ сына своего въ школу, а оттуда въ университетъ. Молодой человѣкъ, озаряя душу свѣтомъ наукъ, часто борется съ нуждою въ обители ихъ; вотъ почему, всякому студенту въ университетѣ и въ гимназіяхъ позволяется, прервавъ ученіе, года на два уѣхать во внутренность края, чтобы посредствомъ уроковъ снискать себѣ способы дальнѣйшаго воспитанія. И вотъ какое-нибудь благочестивое семейство, живущее въ глуши далекаго прихода, принимаетъ юношу на своей уединенной мызѣ. Скромный наставникъ-ученикъ уже пожинаетъ плоды трудовъ своихъ: пріобрѣтенными познаніями онъ уже дѣлится съ младшимъ поколѣніемъ, но еще болѣе учится самъ на лонѣ природы и въ кругу людей неиспорченныхъ.

Съ новыми силами, съ новымъ взглядомъ на міръ и ученіе, и, что̀ также не менѣе важно, съ новымъ запасомъ вещественныхъ средствъ, возвращается питомецъ подъ сѣнь покинутаго крова, и здѣсь довершаетъ свое образованіе. Изъ университета почти всѣ молодые Финляндцы поступаютъ на службу: избирающіе военное поприще пріѣзжаютъ по боль-

шой части въ Петербургъ, а изъ посвящающихъ себя юридической дѣятельности только немногіе покидаютъ Финляндію. Чтобы приглядѣться къ производству дѣлъ, они обыкновенно начинаютъ свои занятія поѣздками съ судьею на мѣста, гдѣ совершается судъ (ting) *. Это предоставлено, наравнѣ съ уроками, и тѣмъ изъ студентовъ, которые нуждаются въ денежныхъ средствахъ.

Такимъ образомъ число истинно-просвѣщенныхъ людей въ Финляндіи значительно; за-то тамошнее воспитаніе рѣдко отличается блескомъ наружнымъ. На изученіе языковъ обращается даже въ Гельсингфорсѣ мало вниманія. По-Французски говоритъ почти одно высшее общество, да и то не всегда хорошо. Здѣсь Французскія фразы отзываются Шведскими идіотизмами и шипятъ Шведскими звуками. Нѣмецкій языкъ извѣстенъ гораздо большему кругу людей, потому-что, какъ языкъ ученаго міра, необходимъ при университетѣ, да и по родству своему съ Шведскимъ легко доступенъ Финляндцамъ. Между образованными мущинами большая часть говоритъ или, по крайней мѣрѣ, читаетъ по-Нѣмецки. Дамы средняго общества рѣдко знаютъ какой-нибудь дру-

* Въ Финляндіи каждому судьѣ ввѣряется нѣсколько приходовъ, которые онъ долженъ объѣзжать по два раза въ годъ. Во всякомъ приходѣ выстроенъ для него особый домъ (tingsgård), гдѣ онъ останавливается и куда стекаются изъ окружностей всѣ, имѣющіе въ немъ надобность.

гой языкъ, кромѣ Шведскаго. Съ Русскимъ знакомы преимущественно служащіе. Въ Выборгской губерніи собственно нѣтъ господствующаго языка: всего болѣе слышны Нѣмецкіе и Русскіе, но рѣдко не искаженные, звуки; простой народъ говоритъ по-Чухонски и кое-какъ по-Русски; Шведскій языкъ, и то въ испорченномъ видѣ, употребляется мало.

Не смотря на общую образованность Финляндцевъ, любовь къ чтенію, къ литературѣ, составляетъ между ними, даже въ Гельсингфорсѣ, черту не слишкомъ обыкновенную. О другихъ, особенно отдаленныхъ городахъ, нечего и говорить: трудность сообщеній и бѣдность жителей не благопріятствуютъ книжной торговлѣ. Въ Гельсингфорсѣ двѣ книжныя лавки: одна, университетская, принадлежитъ г-ну Вассеніусу, другая г-ну Френкелю; но обѣ, при незначительности требованій, болѣе выписываютъ книги по особымъ заказамъ, нежели держатъ ихъ въ запасѣ; обѣ съ главнымъ своимъ назначеніемъ соединяютъ еще и другія. И здѣсь и тамъ первое мѣсто занимаютъ Шведскія, а на другихъ языкахъ учебныя сочиненія. За тѣмъ слѣдуютъ Нѣмецкія, Французскія и Англійскія книги. Главная библіотека для чтенія есть университетская, которая щедротамъ Государя Императора и усердію частныхъ лицъ обязана значительнымъ приращеніемъ послѣ Абоскаго пожара: тогда изъ 50000 томовъ въ ней уцѣлѣло едва 840; теперь ихъ уже опять 40000 слишкомъ.

Книгъ въ Финляндіи издается мало, всего болѣе однако жъ на Шведскомъ языкѣ; но и между тѣми нѣкоторыя (особливо учебныя) не что иное, какъ перепечатанныя произведенія Шведскихъ типографій. Изрѣдка появляются краткія сочиненія и переводы на Финскомъ языкѣ, большею частію назначаемые для простаго народа. Лучшее достояніе собственно-Финской литературы составляютъ пѣсни, въ продолженіе вѣковъ сохраняющіяся въ памяти народной, или и вновь сочиняемыя крестьянами: онѣ въ новѣйшее время нашли пламеннаго собирателя въ докторѣ медицины г-нѣ Лѐнротѣ *. Но здѣсь не мѣсто распространяться о литературѣ въ Финляндіи.

* Г. Ленротъ (Elias Lönnrot) совершилъ подвигъ необыкновенный, и если бъ дѣйствовалъ въ литературѣ болѣе извѣстной, то имя его давно уже было бы славнымъ въ цѣломъ образованномъ мірѣ. Лѣтъ двенадцать тому назадъ рѣшился онъ обойти пѣшкомъ разныя части Финляндіи для собиранія народныхъ пѣсень, изъ которыхъ только малое число было до того времени подслушано. Когда онъ успѣлъ накопить ихъ довольно много и сталъ внимательно изучать бывшія въ рукахъ его пѣсни, то открылъ между нѣкоторыми изъ нихъ внутреннюю связь: въ немъ пробудилась мысль, что должна существовать какая-то большая цѣльная поэма, которой отрывки разсѣяны въ народѣ. Съ жаромъ устремился онъ тогда къ прекрасной цѣли отыскать всѣ эти отрывки и возстановить, по возможности, ихъ забытое единство. Геніальная догадка оправдалась, и въ 1835-мъ году издана въ Гельсингфорсѣ народная Финская поэма въ 32-хъ пѣсняхъ, которую незабвенный собиратель назвалъ: *Кàлевала* (миѳологическое имя Финляндіи). Такое замѣчательное явленіе можетъ послужить важною данной въ нескончаемомъ спорѣ объ Омерѣ. Содержаніе и духъ Кàлевалы, какъ и вообще Финской народной поэзіи, обильной самобытными красотами, составятъ одинъ изъ предметовъ другой статьи.

Мы хотѣли только представить нѣсколько данныхъ для сужденія о степени умственной производительности въ этомъ краѣ. Остается еще сказать слова два о тамошнихъ періодическихъ изданіяхъ. Съ 1830-го по 1839-й годъ ихъ выходило ежегодно отъ 6-ти до 10-ти, въ томъ числѣ обыкновенно одинъ или два листка на языкѣ Финскомъ. Въ нынѣшнемъ году въ разныхъ городахъ Финляндіи издается 13 газетъ: 10 на Шведскомъ и 3 на Финскомъ, послѣднія для простолюдиновъ. Предметы первыхъ различны: одна чисто-официіальная, двѣ входятъ въ область религіи, остальныя смѣшаннаго или исключительно литературнаго содержанія. Литературныя газеты въ Финляндіи, къ сожалѣнію, наполняются по большой части статьями, заимствуемыми изъ разныхъ иностранныхъ изданій, и заключаютъ въ себѣ мало такихъ, которыя относились бы собственно къ Финляндіи. Выше прочихъ, по оригинальности, стоятъ листки, издаваемые въ Борго и Вазѣ. Главная официіальная газета (Finlands Allmänna Tidning) выходитъ ежедневно; изъ духовныхъ — одна появляется ежемѣсячно, другая еженедѣльно; остальныя разъ или два въ недѣлю. Объемъ Финляндскихъ газетъ — листъ или поллиста на каждый №; цѣны ихъ различны: самая дорогая 10 р. на асс., самая дешевая 2 р. 30 к. въ годъ.

Исторія просвѣщенія въ Финляндіи тѣсно связана съ исторіею Александровскаго университета, и потому еще не стара. Правда, Финны до покоренія

ихъ Шведами пользовались уже въ нѣкоторой степени образованіемъ самобытнымъ, но оно развивалось тихо въ оковахъ язычества и грубаго суевѣрія. Въ XIII вѣкѣ проникаютъ сюда первые лучи вѣры Христовой; но не въ духѣ Спасителя распространяютъ завоеватели кроткое ученіе его. Ужасы насилія сопровождаютъ святое крещеніе; раздраженный народъ упорствуетъ въ своемъ заблужденіи; медленны успѣхи Христіанства среди утесовъ и лѣсовъ Финскихъ. Наконецъ Крестъ водружается въ пустыняхъ, обагренныхъ кровью жертвъ; но суевѣріе еще долго таится подъ его сѣнію; оно сохраняется еще и послѣ того, какъ власть Папская, въ царствованіе Густава I, уступаетъ и здѣсь вліянію Лютера.

Уже Католическое духовенство положило въ Финляндіи нѣкоторое основаніе обученію народа. Во второй половинѣ XIV столѣтія существовала школа въ Або; вслѣдъ за нею появились вѣроятно и другія; но «ученіе въ нихъ, говоритъ г. Рейнъ *, было очень неудовлетворительно, и всякій, кто хотѣлъ высшей учености, долженъ былъ искать ея въ чужихъ краяхъ. Отъ того мы и находимъ, что въ этомъ періодѣ многія лица высшаго духовенства Финляндскаго образовывались и достигали ученыхъ степеней въ Парижѣ или въ Прагѣ, а послѣ и въ Лейпцигѣ... Даже въ первомъ столѣтіи послѣ Реформаціи были въ Финляндіи только низшія училища, и исторія сохранила мно-

* Въ названной выше: Statistische Darstellung etc.

го доказательствъ, какъ недостаточно было у насъ образованіе въ XVI и XVII вѣкахъ. Не прежде, какъ въ царствованіе Густава Адольфа, въ 1630-мъ году, была учреждена гимназія въ Або».

Во время малолѣтства королевы Христины генералъ-губернаторомъ Финляндіи былъ, какъ мы уже видѣли, незабвенный въ лѣтописяхъ этой страны графъ Браге. Неутомимо улучшая ея состояніе по всѣмъ частямъ, онъ особенно заботился о распространеніи между народомъ способовъ ученія. Онъ умножилъ въ Финляндіи число школъ и увѣнчалъ столь благотворную дѣятельность обращеніемъ Абоской гимназіи въ университетъ. 1640-й годъ, въ который совершилось это преобразованіе, долженъ быть драгоцѣненъ для памяти Финляндцевъ. Только отсюда они могутъ вести начало истиннаго просвѣщенія въ своемъ отечествѣ; но еще много прошло времени, пока новое заведеніе дѣйствительно стало оказывать въ полной мѣрѣ ту пользу, какой отъ него ожидать надлежало.

Одинъ Нѣмецкій ученый, писавшій о Финляндіи, собралъ въ своей книгѣ нѣсколько любопытныхъ подробностей на счетъ первой поры существованія университета въ Або. Вотъ главныя изъ нихъ. День открытія училища, 15-е іюля, былъ праздникомъ для цѣлаго края: всюду веселились, отправляли богослуженіе. Послѣ торжественнаго освященія данъ былъ роскошный обѣдъ, а черезъ два дня было

представлено зрѣлище подъ заглавіемъ *Студенты.* Такія представленія вскорѣ начали возобновляться очень часто, но уже одни заглавія ихъ свидѣтельствуютъ о тогдашнемъ безвкусіи. Важнѣйшія роли были исполняемы шутами, находившимися, по обычаю вѣка, при вельможахъ.

Профессорами назначены были частію преподаватели прежней гимназіи, частію ученые, нарочно вызванные изъ Швеціи. Сначала университетъ долженъ былъ довольствоваться старыми зданіями гимназіи, только немного подновленными. Аудиторій нельзя было топить, почему зимою чувствовали въ нихъ едва выносимую стужу; при всемъ томъ, до позднѣйшаго времени, нужда заставляла пользоваться ими, хотя съ большимъ вредомъ для студентовъ. Сколько допускали обстоятельства, внутреннее учрежденіе согласовалось съ уставомъ университета Упсальскаго (основ. 1476). Лекціи читались на Латинскомъ языкѣ и были почти исключительно публичныя, потому-что бѣдность большей части студентовъ не позволяла имъ платить за частные уроки. Сверхъ испытаній и преній, вспомогательнымъ при ученіи средствомъ служили рѣчи, то въ прозѣ, то въ стихахъ, которыя студенты обязаны были произносить публично въ извѣстные дни, обыкновенно по воскресеньямъ послѣ обѣда.

Число учащихся, съ самаго начала, превзошло всѣ ожиданія, и безпрестанно возрастало; даже изъ Швеціи спѣшили молодые люди въ новую обитель наукъ, на берега Ауры. И вотъ въ 1643-мъ году объявлено первое производство въ магистры по философскому факультету. Правительство, желая охранить достоинство академическихъ званій, напомнило, что предлагаемая степень можетъ быть доступна не всякому, но только немногимъ ученымъ мужамъ. Одинъ изъ кандидатовъ былъ довольно свѣдущъ, но не совсѣмъ безукоризненъ «*in vita et moribus* (въ поведеніи и нравственности)»; поэтому признано, что его можно *промовировать*, но нельзя ему вступать въ прѣніе *pro gradu*. Другой вовсе никуда не годился, и потому его обязали или проучиться еще три года, или немедленно уѣхать куда-нибудь въ Швецію, гдѣ бы его *слабость въ наукахъ* не могла обнаружиться къ посрамленію университета.

Источникомъ издержекъ новаго училища были предназначены доходы самой Финляндіи; но при изнуренномъ ея положеніи, тамошнія кассы почти вовсе не наполнялись, и жалованье учителямъ рѣдко производилось исправно. Разстройство финансовъ было непомѣрное: надобно удивляться рѣшимости правительства, которое въ столь бѣдственное время не усомнилось основать заведеніе, хотя и чрезвычайно благодѣтельное для края, но требовавшее расходовъ огромныхъ. Большимъ препятствіемъ ученію служилъ

недостатокъ книгъ. Университетъ всячески старался привлечь въ Або какаго-нибудь иностраннаго книгопродавца; дѣйствительно, тамъ поселились-было для книжной торговли двое купцовъ изъ Любека, но предпріятіе ихъ не имѣло успѣха, и трудность доставать книги возобновилась. Въ 1642-мъ году учреждена была въ Або первая типографія: тогда профессоры, всякій по своему предмету, начали издавать руководства въ видѣ прѣній; студенты тщательно собирали ихъ, и эти-то книжки служили основаніемъ лекцій.

Тихо однако жъ водворялось высшее образованіе. Изъ самихъ учителей университета нѣкоторые были ослѣплены предразсудками: одинъ защищалъ астрологію, другаго товарищи уличали въ колдовствѣ. Вообще, вѣра въ чародѣйство, въ сношенія съ злымъ духомъ и т. п., не исчезала между Финнами до позднѣйшихъ временъ, и еще въ началѣ XVIII столѣтія былъ производимъ судъ по обвиненіямъ такаго рода. Но въ тоже время распространялись полезныя свѣдѣнія; молодые люди во множествѣ стекались въ университетъ, и оттуда разносили свѣтъ наукъ по всѣмъ частямъ края.

Дальнѣйшую исторію университета и извѣстія о настоящемъ его состояніи находимъ въ книжкѣ г. Рейна, откуда и заимствуемъ ихъ въ нѣсколько сокращенномъ видѣ.

Въ продолженіе великой сѣверной войны, во время Петра Великаго и Карла XII, университетъ былъ закрытъ, а въ 1722 году снова вступилъ въ дѣйствіе, и съ тѣхъ поръ благотворныя послѣдствія просвѣщенія становились болѣе и болѣе ощутительными, особенно когда въ исходѣ прошлаго столѣтія вліяніе университета на Финляндію усилилось отъ содѣйствія отличныхъ преподавателей.

Въ 1802 г. король Густавъ IV Адольфъ, находясь въ Або, самъ положилъ первый камень для новаго, болѣе обширнаго зданія университета; въ его же царствованіе была соединена съ симъ училищемъ богословская семинарія.

Но совершенно новая эпоха для университета началась со времени присоединенія Финляндіи къ Россіи. Императоръ Александръ I повелѣлъ значительно распространить неконченное еще зданіе университета, назначилъ большія суммы на умноженіе учебныхъ собраній и на пособія бѣднымъ студентамъ, удвоилъ число преподавателей, приказалъ построить астрономическую обсерваторію и клинику, и ввѣрилъ верховное начальство надъ университетомъ Августѣйшему Брату Своему, Его Императорскому Высочеству Николаю Павловичу, нынѣ благополучно царствующему Всемилостивѣйшему Государю нашему. Съ радостными надеждами на свѣтлую будущность продолжалъ университетъ свою дѣятельность, пока по-

жаръ 1827-го года внезапно не пресѣкъ ея, обративъ въ пепелъ все зданіе съ его богатыми собраніями.

Если университетъ Финляндскій никогда еще не былъ въ столь горестномъ положеніи, какъ послѣ сего бѣдствія, за то не испытывалъ онъ никогда въ такой обильной мѣрѣ и благодѣяній могущественнаго Монарха. Потери, для вознагражденія которыхъ при Шведскомъ правительствѣ потребовалось бы цѣлыхъ столѣтій, были вознаграждены въ немногіе годы великодушнымъ вспомоществованіемъ Императора Николая. Украшенный именемъ втораго Основателя своего, Александра, возсозданный Монаршими щедротами, университетъ уже осенью 1828 года возобновилъ свою дѣятельность въ Гельсингфорсѣ, и въ замѣнъ устарѣвшихъ академическихъ постановленій, получилъ новый уставъ, болѣе сообразный съ состояніемъ современнаго просвѣщенія.

Въ силу этаго устава, при университетѣ состоитъ, по четыремъ его факультетамъ, 49 преподавателей, между которыми 22 профессора и 15 адъюнктовъ; сверхъ того, неопредѣленное число частныхъ преподавателей (доцентовъ). Среднее число студентовъ, если считать и тѣхъ, которые, какъ объяснено выше, находятся во временномъ отсутствіи, простирается до 600 человѣкъ; наличныхъ же бываетъ отъ 400 до 500.

Вскорѣ послѣ основанія университета, главное начальство надъ нимъ было возложено на *канцлера*, который при Шведскомъ правительствѣ обыкновенно опредѣляемъ былъ изъ среды государственныхъ совѣтниковъ. Подъ Русскимъ же правленіемъ университетъ пользуется счастіемъ называть верховнымъ своимъ начальникомъ Особу Императорскаго Дома *. Сверхъ того, для ближайшаго завѣдыванія университетомъ, Всемилостивѣйше назначается особое лицо съ титуломъ вице-канцлера. Непосредственный начальникъ, какъ и при другихъ университетахъ, есть ректоръ, чрезъ каждые три года избираемый изъ ординарныхъ профессоровъ, и утверждаемый вице-канцлеромъ. Ректоръ и ординарные профессоры составляютъ университетскую консисторію.

Кромѣ Александровскаго университета, есть въ Гельсингфорсѣ и нѣсколько другихъ ученыхъ и учебныхъ заведеній: между послѣдними укажемъ на лицей, основанный однимъ частнымъ человѣкомъ, а изъ первыхъ назовемъ учрежденное въ 1831-мъ году Финское литературное общество, котораго цѣль состоитъ въ содѣйствіи успѣхамъ языка и литературы Финновъ.

Еще многое можно бъ было сказать о различныхъ учрежденіяхъ и мѣстахъ въ Гельсингфорсѣ.

* Нынѣ Его Императорское Высочество Государя Наслѣдника.

Можно бъ было, напримѣръ, повести читателя къ превосходной пристани, гдѣ у самаго берега стоитъ большое число судовъ всякаго размѣра и которая каждое утро пестрѣетъ торговцами и торговками, прибывающими въ своихъ лодкахъ съ рыбою и другими съѣстными припасами; потомъ указать невдалекѣ отъ того же берега обелискъ, сооруженный въ память посѣщенія Гельсингфорса Государынею Императрицею въ 1833 году; оттуда пойти на широкій бульваръ, ведущій къ театру и на которомъ цѣлый день встрѣчаешь гуляющихъ или прохожихъ; послѣ отправиться по отлогому скату огромной скалы на трехбашенную обсерваторію, или на противоположной край города, въ ботаническій садъ, гдѣ много прелестныхъ видовъ, но мало тѣни; наконецъ, направить путь къ одной изъ прекрасныхъ по архитектурѣ казармъ, или моремъ въ Свеаборгъ, съ которымъ почтовые катера содержатъ почти безпрерывное сообщеніе: все это было бы очень легко, но завело бы насъ слишкомъ далёко, и притомъ есть предметы, занимательные въ дѣйствительности, и скучные на бумагѣ. По нашему мнѣнію, списывать зданія и мѣстоположенія не карандашемъ, а словами, есть трудъ, по большой части, и безполезный и неблагодарный. Искать въ Гельсингфорсѣ достопамятныхъ остатковъ старины было бы также напрасно. Ревель, который во всемъ противоположенъ ему, какъ лѣвая сторона — правой, какъ старецъ — юношѣ, какъ уродъ — красавцу, Ревель въ этомъ отношеніи

имѣетъ передъ нимъ явное преимущество. Таинственность, которою вѣютъ тамъ мрачныя стѣны, башни и улицы, возбуждаетъ неодолимое желаніе проникнуть во внутренность этихъ ветхихъ жилищъ, и какъ будто уловить въ нихъ прошедшее. И это желаніе остается не вовсе безъ удовлетворенія. Стоишь ли подъ рухлыми сводами старинной церкви, которые увѣшаны вычурными гербами — живыми уликами суетности мертвыхъ; гуляешь ли по крутому валу, нѣкогда свидѣтелю кровопролитныхъ споровъ; вступаешь ли подъ темныя ворота, гдѣ совершилась достопамятная казнь, или бродишь подъ вѣковыми липами Екатеринenталя: всюду невольно сзываешь вокругъ себя тѣни давноминувшаго, всегда величавыя, всегда исполинскія въ сравненіи съ явленіями настоящаго; воображенію просторно, и пасмурная внѣшность предметовъ пріобрѣтаетъ новую цѣну въ глазахъ мыслящаго странника. Напротивъ, въ Гельсингфорсѣ время не оставило ничего, кромѣ слѣдовъ своей губительной силы; тамъ все привлекательное принадлежитъ настоящему, а старинѣ — одно безобразное и притомъ лишенное значенія.

Между другими городами Финляндіи нѣкоторые богаче историческими воспоминаніями; но, какъ уже было замѣчено, всѣ они бѣдны на видъ и нуждаются въ предметахъ, которые бы свидѣтельствовали объ избыткѣ благосостоянія и успѣхахъ Европейской гражданственности. За то, кто любитъ природу, тотъ

найдетъ ее здѣсь еще дѣвственною * и, въ самой ея дикости, очаровательною. Красоты Финляндіи, которыя съ нею раздѣляетъ только Скандинавскій полуостровъ, ознаменованы совершенно самобытнымъ характеромъ. Изъ-за рѣки Торнео входитъ сюда цѣпь гранитныхъ, не очень высокихъ скалъ, раздѣляющаяся на нѣсколько вѣтвей. Приближаясь къ Ботническому заливу, эти скалы постепенно понижаются и наконецъ почти вовсе исчезаютъ; напротивъ, въ Финскій заливъ вдаются онѣ крутыми утесами, такъ-что весь берегъ унизанъ острыми мысами, передъ которыми море усѣяно множествомъ скалистыхъ острововъ. Совокупность тѣхъ и другихъ составляетъ такъ называемые *шеры* (skär). Скалы, вьющіяся по всей Финляндіи, во многихъ мѣстахъ покрыты лѣсомъ и раздѣлены широкими озерами, роскошно покоящимися въ неправильныхъ тысячеугольныхъ берегахъ, въ вѣчно-зеленомъ поясѣ изъ елей и сосенъ. Эти зыбкія площади покрыты, по большой части, грядами острововъ, одѣтыхъ въ такой же неувядающій уборъ. Многія озера связаны между собою протоками и подобно заливамъ морскимъ принимаютъ въ свои чаши сотни рѣчекъ и рѣкъ, стекающихъ по гранитнымъ скатамъ, часто стѣсняемыхъ въ своемъ каменистомъ ложѣ, и образующихъ иногда шумные, пѣнистые водопады или пороги. Такимъ образомъ, всюду перерѣзанная то неподвижны-

* Эта мысль прекрасно развита Рунебергомъ въ статьѣ, которой переводъ напечатанъ въ предъидущей книжкѣ Современника.

ми, то стремительными массами воды, скалистая Финляндія являетъ какъ бы соединеніе безчисленнаго множества островов и вся уподобляется тѣмъ самымъ шерамъ, которыя отличаютъ верхній берегъ Финскаго залива.

Окрестности Гельсингфорса изобилуютъ прелестными въ своемъ родѣ мѣстами. Здѣсь природа дика и величественна, какъ нагія скалы и море, составляющія двѣ существенныя принадлежности окружныхъ видовъ. Но человѣческія жилища, среди ихъ разбросанныя, значительно смягчаютъ ихъ суровый характеръ. За то здѣсь чувствуешь отсутствіе той маланхолической, неизъяснимо-сладостной прелести, какою во внутренности края дышутъ обширныя пустыни съ своею невозмутимою тишиной, сверкающими озерами, безконечными лѣсами и открытыми горизонтами, окраенными синевой далекихъ горъ. Въ этихъ чудныхъ мѣстахъ, святилищахъ уединенія, гдѣ воздухъ такъ чистъ и такъ напитанъ благовоніемъ сосенъ, невольно сравниваешь Финляндію съ прекрасною невѣстой, у которой всѣ черты лица, всѣ движенія и даже самая улыбка проникнуты глубокою, таинственною грустью. Тщетно солнце, ея пламенный, лучезарный женихъ, осыпаетъ красавицу пышными дарами, озаряетъ ее сіяніемъ своего величія, своей славы: печать унынія не сходитъ съ чела невѣсты.

Гельсингфорскія окрестности, частію приморскія мызы (наприм. Hertonäs, Munksnäs), частію острова (Turholm, Tamelund) бываютъ нерѣдко цѣлію прогулокъ, предпринимаемыхъ иногда цѣлымъ обществомъ на пароходѣ Лѐнтея. Кто пожелаетъ бòльшаго разнообразія, тотъ изъ Гельсингфорса легко можетъ попасть и въ другіе ближніе города. Мы уже видѣли, какимъ важнымъ средствомъ сообщеній служатъ Финляндіи пароходы; но и сухопутная по ней ѣзда дешева и удобна: нужно только, отправляясь въ дорогу, брать нѣкоторыя предосторожности. Такъ, если ѣдешь въ четырехколесномъ экипажѣ, необходимо имѣть свою сбрую, своего кучера и запасъ веревокъ. Тамошніе крестьяне, привыкшіе безпечно мчаться въ своихъ легкихъ тележкахъ по превосходнымъ дорогамъ, вовсе неискусны въ кучерскомъ дѣлѣ и не любятъ противорѣчить инстинкту своихъ животныхъ: въ гору везутъ они шагомъ, а съ горы даютъ лошадямъ бѣжать во всю прыть, и не заботятся о безопасности тяжелыхъ повозокъ. Большая часть станцій, находящихся по внутреннимъ дорогамъ, едва удовлетворяетъ самымъ существеннымъ потребностямъ проѣзжаго. Напротивъ, вдоль береговъ морскихъ, особливо между Гельсингфорсомъ и Або, учрежденія эти вообще въ хорошемъ, а нѣкоторыя даже и въ отличномъ положеніи. Вездѣ разстояніе между ними (håll, упряжка) простирается отъ 10-ти до

20-ти верстъ, или отъ одной до двухъ Шведскихъ миль *.

Финляндскія станціи, устроенныя по образцу Шведскихъ, называются *гастгѐберствами* (gästgifvaregård) **, потому-что главная принадлежность каждой изъ нихъ есть *гостинница*, которой содержатель (*гастгѐберъ*) служитъ станціоннымъ смотрителемъ. Для отправленія гоньбы (skjuts, чит. шусъ), къ нему поочередно является изъ окружныхъ селеній опредѣленное число *подводчиковъ* (skjutsbönder), каждый съ лошадью, сбруей и тележкой. Самъ гастгеберъ держитъ также нѣсколько лошадей, употребляемыхъ тогда лишь, когда первыхъ недовольно; а на случай, ежели недостанетъ и тѣхъ и другихъ, есть еще лошади запасныя. Онѣ остаются у сосѣднихъ крестьянъ на мѣстахъ; но только-что понадобятся, кто-нибудь изъ наличныхъ подводчиковъ скачетъ за ними верхомъ. Однако жъ, къ запаснымъ лошадямъ въ Финляндіи прибѣгаютъ рѣдко: обыкновенно становится и очередныхъ. Такимъ образомъ, здѣсь можно всегда быть довольно спокойнымъ на счетъ дальнѣйшей ѣзды своей, и не нужно, какъ въ Швеціи, посылать передъ собою особаго ѣздоваго (förbud) для заказа подводъ цѣлыми

* Шведская миля, равная 10-ти нашимъ верстамъ, раздѣляется на четыре доли, которыя и называются *четвертями* (fjerdedel) и заключаютъ въ себѣ, каждая, 2½ Русскія версты.

** Въ Выборгской губерніи Русскіе называютъ станціи *кишкѝверами*, ломая слово въ Финскомъ его превращеніи.

сутками ранѣе того часа, когда предполагаешь воспользоваться ими.

Путешественниковъ, не имѣющихъ своего собственнаго экипажа, ожидаетъ на каждой станціи большое число двуколесныхъ тележекъ (kärra, чит. чѐрра), деревянныхъ, но различно сдѣланныхъ, смотря по племени и степени достатка поселянъ. По берегамъ, у Шведскихъ колонистовъ, онѣ очень сносны: тамъ надъ ними, противъ оси, устроена скамья со спинкою, и онѣ, подобно самому станціонному дому, отличаются краснымъ цвѣтомъ — любимою краской сельскихъ жителей Скандинавіи. Но въ скудныхъ мѣстахъ, у Финновъ, даже въ Выборгской губерніи, неудобство такихъ тележекъ превосходитъ всякое описаніе: это, по-просту, плотно сколоченный четырехъ-угольный ящикъ на двухъ колесахъ, у котораго надъ осью бываетъ привязана поперечная доска, или протянута ряда въ три толстая веревка. Напрасно предусмотрительный странникъ устилаетъ свое будущее сѣдалище сѣномъ; это не спасетъ его отъ ужасной пытки, и еще онъ долженъ благодарить судьбу, если доска не будетъ ежеминутно сползать то съ одной стороны, то съ другой. А между-тѣмъ неизбалованный Финнъ спокойно сидитъ впереди на остромъ углу тележки и, можетъ быть, удивляется неугомонности своего сѣдока, который то-и-дѣло останавливаетъ его, чтобы хоть нѣсколько поправить свое критическое положеніе. Вотъ почему всякому, кто намѣренъ довольствовать-

*

ся крестьянскою каріолкой, нехудо запастись большимъ кулемъ сѣна и, пожалуй, еще подушкой для предохраненія себя отъ дѣйствія деревянной спинки тамъ, гдѣ есть настоящія скамьи. При соблюденіи этой предосторожности, станціонныя тележки очень удобны; впрочемъ, кто ищетъ бо̀льшаго комфорта, тотъ можетъ въ каждомъ порядочномъ городѣ купить или нанять спокойную одноколку на рессорахъ (chaise). Какъ бы ни было, при гористой почвѣ Финляндіи, одинокій путешественникъ долженъ предпочесть этаго рода экипажъ всякому другому. Налегкѣ, съ широкопольною шляпой и непромокаемымъ плащемъ, можно смѣло пуститься въ такой тележкѣ куда угодно, не заботясь о погодѣ.

Гастгеберство иногда стоитъ уединенно съ двумя или тремя необходимыми строеніями; иногда же занимаетъ небольшую только часть двора, тѣсно обставленнаго домишками. Оно уже издали даетъ о себѣ знать огромнымъ шестомъ, подымающимся передъ самою станціей и вверху котораго видна вывѣска съ изображеніемъ коня. Какъ скоро кто-нибудь подъѣдетъ и потребуетъ лошадей, очередной подводчикъ немедленно бѣжитъ за ними. Между-тѣмъ, если путешественникъ не расположенъ войти въ комнату, гастгеберъ или, во многихъ мѣстахъ, женщина, отправляющая его должность, выноситъ чернильницу съ перомъ и небольшую тетрадь въ кожаномъ переплетѣ. Въ графа̀хъ той, такъ называемой, *дневной книги* (dagbok) всякій

проѣзжій обязанъ означить свое имя, чинъ или званіе; далѣе мѣста, откуда и куда ѣдетъ; наконецъ число и родъ лошадей *, которыхъ онъ беретъ. Есть еще графа, гдѣ недовольный гастгеберомъ или подводчикомъ вправѣ записать жалобу; но этотъ отдѣлъ, при всеобщемъ уваженіи закона, почти всегда остается пустымъ. Справедливая жалоба никогда не проходитъ безъ послѣдствій, потому-что дневная книга, по окончаніи всякаго мѣсяца, представляется главному мѣстному начальству, которое вмѣсто нея выдаетъ гастгеберу новую. На первой страницѣ тетради означены имя станціи, ея разстоянія отъ станцій окружныхъ и плата, слѣдующая за каждую упряжку. За версту платятъ здѣсь по 6-ти коп. на лошадь, съ удвоеніемъ этой цѣны, когда ѣдешь изъ ближняго города; кто пользуется крестьянской тележкой, придаетъ 5-ть коп. за цѣлое разстояніе отъ одной станціи до другой. Деньги получаетъ изъ рукъ платящаго самъ подводчикъ, который никогда не осмѣливается просить прибавки и за малѣйшій излишекъ почтительно изъявляетъ свою благодарность. Однако жъ, напередъ обѣщать ему на-водку (drickspenningar) вовсе не мѣшаетъ: замѣчено, что отъ такаго обѣщанія термометръ усердія и въ здѣшнемъ климатѣ высоко подымается. Для путевыхъ, нерѣдко очень дробныхъ расчетовъ, необходимо уже при началѣ поѣздки наготовить какъ можно болѣе мелкихъ денегъ,

* Онѣ, какъ показано, бываютъ: станціонныя, гастгеберскія и запасныя.

какъ бумажками, такъ и мѣдью. Иначе подвергаешься опасности или сѣсть посреди дороги на мель, или поневолѣ сдѣлаться чрезвычайно щедрымъ: не только на отдаленныхъ станціяхъ, но и въ нѣкоторыхъ городкахъ часто не сыщешь никого, кто бы въ состояніи былъ размѣнять посредственную ассигнацію.

Но заглянемъ во внутренность гастгеберства. Тамъ, обыкновенно въ нижнемъ этажѣ, найдете вы нѣсколько комнатъ, назначенныхъ для проѣзжихъ и гдѣ степень опрятности, мѣра удобствъ, качество и количество съѣстныхъ припасовъ зависятъ отъ разныхъ обстоятельствъ. Полъ усыпанъ ельникомъ; по сторонамъ столы, стулья и скамьи стариннаго вида, темнокраснаго цвѣта. Устланныя перинами кровати не вездѣ привлекательны для взора, а когда ближе познакомишься съ ними, то испытаешь, что наружность на этомъ свѣтѣ не всегда обманчива, хотя подъ нею многаго и не видно. Къ стѣнамъ, иногда покрытымъ обоями, прибиты большіе печатные листы: это нужнѣйшія свѣдѣнія о станціяхъ на Русскомъ, Финскомъ и Шведскомъ языкахъ; а подальше висятъ обыкновенно разнаго рода произведенія живописи съ толкованіями на всякихъ діалектахъ и съ столь же краснорѣчивыми слѣдами времени.

Вниманіе ваше непремѣнно обратитъ на себя и самъ гастгеберъ, обыкновенно человѣкъ очень вѣжливый, довольно образованный по своему званію и ли-

цомъ своимъ выражающій честное прямодушіе. Таковы вообще здѣшніе поселяне; особенной похвалы заслуживаетъ ихъ честность. Воровство между ними чрезвычайно рѣдко, и путешественникъ можетъ спокойно уходить отъ своихъ вещей, оставляя ихъ въ экипажѣ безъ всякаго присмотра. Иногда онъ встрѣчаетъ также отрадное доказательство доброты въ той неподдѣльной заботливости, съ какою стараются удовлетворить его нуждамъ. Скудость и дурной вкусъ предлагаемыхъ ему кушаній вознаграждаются часто усерднымъ радушіемъ, съ какимъ его угощаютъ, и онъ покидаетъ смиренный кровъ по крайней-мѣрѣ съ пріятнымъ воспоминаніемъ, если не съ сытымъ желудкомъ.

По береговымъ, много посѣщаемымъ, дорогамъ такаго недостатка въ съѣстныхъ припасахъ встрѣтить нельзя; на тамошнихъ станціяхъ легко даже увидѣть порядочное мясо и другія рѣдкости; но углубляясь во внутренность края, полезно везти съ собой нужнѣйшую пищу. Здѣсь прихотливому путешественнику бѣда, если онъ за пожертвованіе мелочными удобствами не умѣетъ находить возмездія въ картинахъ величавой природы и въ зрѣлищѣ простыхъ, еще полупатріархальныхъ нравовъ. Не одни поселяне — другія сословія также могутъ представить ему утѣшительные примѣры любви къ ближнему. Изъ многихъ случаевъ, о томъ свидѣтельствующихъ, приведу одинъ только. Въ началѣ осени 1838-го года

темная дождливая ночь застигла меня на дорогѣ изъ Або въ Таммерфорсъ. По ней, въ то же время и по тому же направленію, ѣхало немалое число купцовъ, спѣшившихъ на ярмарку, ежегодно бывающую въ Таммерфорсѣ. Они хотя и были съ товарами, однако жъ по привычкѣ, почти всеобщей въ Финляндіи, отправлялись и въ этомъ случаѣ каждый въ своей одноколкѣ, что̀ легко допускала незначительность поклажи. Но не въ томъ дѣло. Чувствуя потребность въ отдыхѣ, я рѣшился искать пріюта на одной бѣдной станціи, скрывавшейся посреди цѣлаго кружка строеній. Все уже спало, нигдѣ не мелькало ни огонька, и я не зналъ, у котораго изъ домиковъ постучаться. Выборъ мой палъ на ближайшую дверь. Скоро кто-то отворилъ мнѣ и услышавъ, что передъ нимъ запоздалый путешественникъ, тотчасъ накинулъ на себя платье, досталъ огня и принялся вмѣстѣ со мною втаскивать мои вещи. Осмотрѣвшись, я увидѣлъ, что попалъ въ грязную конуру, гдѣ едва была и необходимѣйшая мебель. На полу лежали двѣ наскоро изобрѣтенныя постели, которыя вполнѣ соотвѣтствовали всему прочему; на одной изъ нихъ храпѣлъ какой-то мальчикъ. Впустившій меня человѣкъ, не смотря на мои убѣжденія, поспѣшилъ разбудить бѣдняжку, согналъ его съ постели и сталъ предлагать ее мнѣ. Мы всѣ кое-какъ устроились. Поутру испыталъ я такое же страннопріимство. Благодѣтель мой бѣгалъ за людьми, заказывалъ кофе и т. п. Какъ же я изумился, когда на разсвѣтѣ онъ самъ началъ

готовиться къ отъѣзду, онъ, котораго я по всему принялъ-было за самаго ревностнаго гастгебера! Оказалось, что это одинъ изъ купцовъ, ѣдущихъ въ Таммерфорсъ на ярмарку. Когда я выразилъ ему, какъ умѣлъ, и мое удивленіе и признательность, онъ, пожимая мнѣ руку, добродушно отвѣчалъ, что не сдѣлалъ ничего, кромѣ должнаго.

Если путешественникъ самъ хочетъ править или ѣдетъ съ своимъ кучеромъ, то онъ можетъ не брать никого со станціи; въ противномъ случаѣ, съ нимъ садится подводчикъ, котораго дѣло часто исполняютъ мальчики отъ 10-ти до 12-ти лѣтъ. Это бываетъ преимущественно въ то время, когда сельскія работы удерживаютъ взрослыхъ дома. Между сими крестьянами рѣдко встрѣчаются такіе, которые бы своею доброю волей и обхожденіемъ не расположили въ свою пользу образованнаго путешественника. Они, по большой части, хорошо понимаютъ, что̀ значитъ обязанность, и исполняютъ ее строго, совѣстливо; они привыкли встрѣчать въ высшихъ сословіяхъ справедливость и кротость, и потому, кто бы вздумалъ безъ причины обращаться съ ними сурово, тотъ могъ бы только ожесточить ихъ противъ себя. При всемъ почтеніи къ путешественнику, они однако жъ очень берегутъ своихъ лошадей, и повременамъ нельзя обойтись безъ понуканій. Вотъ почему не безполезно еще въ городѣ вооружиться своимъ собственнымъ кнутомъ. Когда дорога худа или подымается въ гору, подвод-

чикъ обыкновенно соскакиваетъ со своего мѣста, и идетъ или бѣжитъ возлѣ повозки; а если сѣдокъ невзначай уснетъ, то смѣтливый сопутникъ, вѣроятно также по чувству долга, позволяетъ и коню своему воспользоваться ободрительнымъ примѣромъ. Такъ, по крайней-мѣрѣ, заключилъ я однажды, когда, проснувшись ночью на большой дорогѣ и посмотрѣвъ на часы, увидѣлъ, что ѣду ужъ четыре часа, а на верстовомъ столбѣ прочелъ только 12.

Путешествуя по Финляндіи, пріятно знать Шведскій или Финскій языкъ: занимательны подъ-часъ бываютъ разсказы и распросы подводчиковъ, изъ коихъ нѣкоторые очень любопытны и такъ словоохотны, что болтаютъ даже и тогда, когда сѣдокъ вовсе не понимаетъ ихъ. Иной молчитъ, пока его не приласкаешь, послѣ чего случается, что онъ со всею учтивостію попроситъ позволенія закурить трубку, которую и вытащитъ изъ кармана своей синей или сѣрой куртки. Если читаешь книгу, онъ иногда изъявитъ желаніе узнать, какую, и даже, заглянувъ въ нее, начнетъ произносить иностранныя слова посвоему: извѣстно, что въ Финляндіи, какъ и въ земляхъ Скандинавскихъ, всѣ крестьяне умѣютъ читать. Пріятное впечатлѣніе на путешественника производятъ мальчики, нерѣдко сопровождающіе его. Въ ихъ степенности и скромномъ обращеніи видны уже плоды уроковъ набожной матери, которую въ хижинѣ ея ничто не отвлекаетъ отъ прекрасной обязанности:

она по закону должна учить дѣтей своихъ грамотѣ. Особенными чертами отличаются Чухны Выборгской губерніи. Они показываютъ еще болѣе расположенія къ проѣзжимъ, по крайней-мѣрѣ къ Русскимъ, съ которыми чрезвычайно любятъ разговаривать и даже шутить, всячески стараясь щеголять своими познаніями въ нашемъ языкѣ и охотно наставляя въ своемъ. Чѣмъ далѣе отъ Выборга, тѣмъ хуже они говорятъ по-Русски, и наконецъ имъ извѣстны едва немногія наши слова, которыя они не только безпощадно коверкаютъ, но и употребляютъ иногда вовсе не въ настоящемъ смыслѣ; такъ вмѣсто *итти* или *ходить* часто слышится тамъ *марсйрь*, т. е. маршировать. Чухны вообще не такъ безобразны и безсмысленны, какъ бы можно было заключить по тѣмъ изъ нихъ, которые живутъ подъ Петербургомъ и подъ Выборгомъ, гдѣ племя ихъ отъ разныхъ обстоятельствъ исказилось. Далѣе отсюда они представляютъ какъ нравами своими, такъ и наружностію другое, гораздо пріятнѣйшее зрѣлище, только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ помрачаемое ужасною бѣдностью.

Лошади, хотя малорослыя, вообще хороши въ Финляндіи; но всего лучше онѣ въ Выборгской губерніи, гдѣ и гоньба бываетъ самая скорая; впрочемъ, это надобно приписать отчасти привычкѣ крестьянъ возить Русскихъ, нелюбящихъ тихой ѣзды. Выраженіе: *онъ ѣздитъ какъ Русскій*, обратилось въ пословицу по всей Финляндіи. Съ лошадьми неопытными

было бы очень опасно предпринять поѣздку по тамошнимъ гористымъ и узкимъ дорогамъ; напротивъ, лошади Чухонскія такъ примѣняются къ мѣстности, что даже лошаки и ослы не могли бъ быть надежнѣе ихъ. Онѣ почти никогда не скользятъ и сами умѣютъ размѣрять свой шагъ; надъ каменистой ли почвой, гдѣ часто для повозки едва есть мѣсто между двухъ острыхъ гранитныхъ глыбъ, или передъ мостомъ, на который дорога, сбѣжавъ съ крутизны, вдругъ сворачиваетъ почти угломъ, или наконецъ на краю пропасти — вездѣ прыткій бѣгунъ, управляемый только слегка и иногда чуть не младенцемъ, сохраняетъ легкую одноколку невредимою. Но усердная служба четвероногихъ, по скудости кормовъ, плохо награждается въ Финляндіи; только въ плодороднѣйшихъ полосахъ, какъ между Гельсингфорсомъ и Або, имъ часто достается и лакомая пища: вмѣсто сѣна, подводчикъ, садясь въ тележку возлѣ путешественника, нерѣдко кладетъ себѣ въ ноги лепешку своего крѣпкаго хлѣба.

Дороги Финляндскія успѣли уже пріобрѣсти такую славу, что не нуждаются въ новой похвалѣ; напротивъ, чтобъ быть вполнѣ безпристрастнымъ, надобно показать и темную ихъ сторону. Мѣстами онѣ не только дурны, но ужасны для терпѣнія человѣческаго. Такова, напримѣръ, дорога ведущая отъ залива Экнесскаго къ крѣпости Гангеуддъ: здѣсь, на разстояніи 30–ти верстъ, почти не прерывается глу-

бокій песокъ, по которому даже въ каріолкѣ трудно ѣхать съ одною лошадью. Есть и другія разстоянія, гдѣ путь, хотя не въ такой степени тяжелый, однако также песчаный, жестоко испытываетъ философію странника. Подобнымъ образомъ дѣйствуетъ еще и другое обстоятельство. На многихъ дорогахъ (впрочемъ рѣдко на большихъ) ѣзду замедляютъ запертыя низенькія ворота (grind), очень часто встрѣчающіяся. Они составляютъ часть изгородъ, которыми всякій владѣлецъ окружаетъ и малѣйшую землицу для удержанія скота или въ ея границахъ, или внѣ ея. Отъ того путникъ никогда не позволитъ себѣ оставить незатворенными ворота, черезъ которыя онъ прошелъ или проѣхалъ: дѣло, конечно весьма усладительное для совѣсти, но все-таки не вполнѣ вознаграждающее за потерю времени. Въ мѣстахъ, не слишкомъ малолюдныхъ, при такихъ воротахъ стоитъ обыкновенно какое-нибудь бѣдное дитя, и путешественникъ рѣдко удалится, не бросивъ ему мелкой монеты за услугу, избавляющую отъ непріятной остановки. Иногда задерживаютъ также заливы, рѣки и протоки, пересѣкающіе дорогу; чрезъ нихъ надобно переправляться на паромѣ, и для того вблизи всегда есть перевозчикъ или перевозчица, получающіе отъ каждаго опредѣленную плату за трудъ. О горахъ или скалахъ, по которымъ Финляндскія дороги почти безпрестанно вьются змѣями то вверхъ, то внизъ, не льзя говорить какъ о неудобствѣ. Ихъ существованіе нераздѣльно съ самымъ свойствомъ грунта, имѣющаго въ

своей основѣ гранитъ и составляющаго все превосходство тамошнихъ дорогъ, такъ-что для содержанія ихъ вообще немного нужно стараній и издержекъ. Этимъ горамъ путешественникъ бываетъ обязанъ лучшими изъ своихъ впечатлѣній, хотя опасность и прерываетъ иногда удовольствіе минутнымъ трепетомъ.

Разнообразны виды, открывающіеся съ дорогъ Финляндскихъ. Мѣстами онѣ мрачны, дики, мертвенны. По обѣ стороны тянутся либо однѣ скалы, либо скалы, смѣняемыя лѣсомъ, полями, мелкими озерами. То нагія, то обросшія мохомъ или деревьями, онѣ стоятъ не всегда цѣльными массами; но въ нѣкоторыхъ частяхъ края являютъ слѣды какаго-то ужаснаго разрушенія: не только у подошвы ихъ, но и среди открытыхъ полей лежатъ гдѣ кучами, гдѣ разсѣянно безчисленные обломки гранита всякой величины и всякаго вида. Иногда огромныя глыбы висятъ на скатахъ горы, какъ будто бы онѣ, сорвавшись съ ея вершины, вдругъ остановились въ своемъ губительномъ паденіи. Такую печальную картину представляютъ въ особенности дороги около Выборга.

Между Гельсингфорсомъ и Або взоръ часто покоится съ наслажденіемъ на свѣтлыхъ заливахъ и ихъ островахъ, на прелестныхъ ландшафтахъ, соединяющихъ въ себѣ общія черты Финляндской природы съ отрадными явленіями довольства и благосостоянія. Привѣтливые красные домики; опрятно-одѣ-

тые поселяне; поля, засѣянныя рожью и ячменемъ — все это такъ кстати прерываетъ однообразіе мѣстности. Но другаго рода впечатлѣніе испытываешь тамъ, гдѣ и горы возвышеннѣе, и виды обширнѣе, и озера многочисленнѣе. Такимъ характеромъ отличается вообще внутренность Финляндіи (особенно около Куопіо); однакожъ, онъ становится уже весьма примѣтнымъ и невдалекѣ отъ Гельсингфорса по чертѣ, ведущей прямо къ сѣверу оттуда, именно между городами *Тавастгусомъ* (въ 123-хъ верстахъ отъ Гельсингфорса) и *Таммерфорсомъ* (въ 206-ти верстахъ отъ Гельсингфорса), на разстояніи 83-хъ верстъ. Въ эту небольшую раму какъ бы съ намѣреніемъ втѣсненъ цѣлый рядъ очаровательнѣйшихъ картинъ природы, въ которыхъ вода, лѣсъ и гранитъ, будто камешки въ калейдоскопѣ, безпрестанно сочетаваются между собой на тысячу новыхъ ладовъ, никогда не утомляя взора однообразіемъ.

Самый *Таммерфорсъ* (городокъ впрочемъ незначительный), который именемъ своимъ напоминаетъ уже лучшее свое украшеніе, прелестный водопадъ, лежитъ въ чудной странѣ среди крутыхъ возвышенностей и множества большихъ и малыхъ озеръ, соединяющихся между собой протоками. Въ его окрестностяхъ есть мѣсто, которое въ краю, болѣе посѣщаемомъ, давно уже было бы предметомъ общаго любопытства. Въ 25-ти верстахъ къ югу отъ Таммерфорса, на большой дорогѣ, стоитъ церковь прихода *Кангасала* (Kangasala). Противъ нея, черезъ дорогу,

возвышается крутая, почти остроконечная гора, опушенная соснами и елями. Кто взберется на нее въ ясный лѣтній день, тотъ полюбуется обширнымъ и необыкновенно-прекраснымъ видомъ, который вдругъ представетъ ему со всѣхъ сторонъ. Оттуда видно большое число озеръ, живописно прерываемыхъ зеленью и гранитомъ, и не менѣе живописно усѣянныхъ островами; а отдаленные края неба сливаются съ цѣпью синѣющихся горъ. Величавое спокойствіе, разлитое надъ этою пустынною панорамой, гдѣ едва отыскиваешь нѣсколько селеній и живыхъ существъ, располагаетъ душу къ благоговѣйному созерцанію, и въ тоже время наполняетъ ее уныніемъ. По другому направленію, въ 60-ти верстахъ отъ Таммерфорса, красуется многоводный и величественный водопадъ *Кюро* или *Чюро* (Kyro). Если бъ можно было приблизить его къ Петербургу, онъ вскорѣ сдѣлался бы опаснымъ соперникомъ пороговъ Иматры. Высота его довольна значительна, и онъ, вмѣстѣ съ своею окрестностью, сильно поражаетъ душу.

Не такъ далеко отъ насъ, именно верстахъ въ 120-ти за Иматрою и около 35-ти до Нейшлота, есть мѣсто, еще болѣе достойное упоминанія. Это гранитный мостъ, самою природою устроенный на озерѣ *Саймѣ*. Тамъ, на протяженіи семи верстъ, дорога идетъ по двумъ узенькимъ, но возвышеннымъ и неровнымъ островамъ; между собой они соединены искуственнымъ мостомъ, а отъ береговъ озера отдѣ-

ляютъ ихъ небольшіе проливы, черезъ которые должно переправляться на плотахъ. Эти два острова вмѣстѣ составляютъ такъ называемый *Свиной-Хребетъ* (по-Фински *Pungaharju*, по-Шведски *Svinrygg*). Устланные превосходною, хотя и тѣсною дорогой, а по краямъ то обставленные лѣсомъ и кустарникомъ, то обнаженные, они со всѣхъ сторонъ открываютъ взору безпрестанно смѣняющіеся виды, изумительные красотой и разнообразіемъ.

Посреди столь плѣнительныхъ мѣстъ легко объясняешь себѣ чудную способность Финновъ къ поэзіи и множество ихъ народныхъ пѣвцовъ; не удивляешься, почему они въ язычествѣ признавали верховнымъ божествомъ своимъ и создателемъ вселенной славнаго пѣснопѣвца и изобрѣтателя арфы—Вейнемейнена (Wäinemöinen); словомъ, вполнѣ сочувствуешь древнему Финскому поэту, который, описавъ приготовленіе арфы, воображаетъ, что творецъ ея, мудрый, маститый богъ, садится играть на ней и своими звуками приводитъ въ восторгъ всю природу:

Мощный звонъ летитъ отъ арфы;
Долы всходятъ, выси никнутъ;
Никнутъ выспреннія земли,
Земли низменныя всходятъ,
Горы твердыя трепещутъ,
Откликаются утесы,

Жнива вьются въ пляскѣ; камни
Разсѣдаются на брегѣ,
Сосны мрачныя ликуютъ * !

Но — уже ли все это относится къ Гельсингфорсу? Такимъ вопросомъ нетерпѣливый читатель, можетъ быть, давно уже предупредилъ меня. Чувствую, что увлекся слишкомъ далеко за предѣлы обѣщаннаго, и (что непростительно!) выступилъ даже изъ рамки заглавія. Каюсь и прошу извиненія какъ въ этомъ, такъ и въ тѣхъ недостаткахъ, которыхъ я, при всемъ стремленіи къ истинѣ, конечно не избѣгнулъ.

Я. Гротъ.

* Изъ XXIX пѣсни поэмы *Калевала*, о которой упомянуто въ выноскѣ на стр. 51.

СТИХОТВОРЕНІЯХЪ И. И. КОЗЛОВА.

Иванъ Ивановичъ Козловъ кончилъ болѣзненную жизнь свою. Около двадцати лѣтъ былъ онъ прикованъ къ своей постели, слѣпый, неподвижный и безпрестанно страждущій; но, глубоко проникнутый смиреніемъ Христіанскимъ, онъ переносилъ бѣдственную свою участь съ терпѣніемъ удивительнымъ — и Божій Промыслъ, пославшій ему тяжкое испытаніе, даровалъ ему въ то же время и великую отраду: поразивъ его болѣзнію, разлучившею его навсегда съ внѣшнимъ міромъ и со всѣми его радостями, столь намъ измѣняющими, открылъ Онъ помраченному взору его міръ внутренній, разнообразный и неизмѣнный, міръ поэзіи, озаренный вѣрою, очищенный страданіемъ. Имѣя память необыкновеную (великое счастіе для

слѣпаго), Козловъ сохранилъ во глубинѣ души все свое прошедшее; онъ жилъ имъ въ настоящемъ и до послѣдней минуты сберегъ всю свѣжесть и теплоту любящаго сердца. Несчастіе сдѣлало его поэтомъ,— и годы страданій были самыми дѣятельными годами ума его. Знавши прежде совершенно Французскій и Италіанскій языки, онъ уже на одрѣ болѣзни, лишенный зрѣнія, выучился по-Англійски и по-Нѣмецки— и все, что прочиталъ онъ на сихъ языкахъ, осталось врѣзаннымъ въ его памяти: онъ зналъ наизустъ всего Байрона, всѣ поэмы Вальтера-Скотта, лучшія мѣста изъ Шекспира, такъ же, какъ прежде всего Расина, Тасса и главныя мѣста изъ Данта. Но лучшимъ и самымъ постояннымъ утѣшеніемъ страдальческой его жизни было то, что онъ съ такою же вѣрностію могъ читать на-память и все Евангеліе и всѣ наши молитвы, столь спасительныя въ счастіи, столь отрадныя въ печали. Такимъ образомъ жизнь его, физически разрушенная, при безпрестанномъ, часто мучительномъ, чувствѣ болѣзни, была раздѣлена между религіею и поэзіею, которыя цѣлебнымъ своимъ вдохновеніемъ заговаривали въ немъ и душевныя скорби и тѣлесныя муки. Но онъ не былъ чуждъ и обыкновенной ежедневной жизни: все, что дѣлалось въ свѣтѣ, возбуждало его участіе, — и онъ нерѣдко заботился о внѣшнемъ мірѣ съ какимъ-то ребяческимъ любопытствомъ. Съ той самой поры, въ которую параличь лишилъ его и ногъ и зрѣнія, физическія страданія его не только не умолкали, но,

безпрестанно усиливаясь, въ послѣднее время нерѣдко доходили до крайней степени; онѣ однако почти не имѣли вліянія на его душу, которая всегда ихъ побѣждала, а въ промежуткахъ спокойствія дѣйствовала съ юношескою свѣжестію. Только дней за десять до смерти сильныя страданія успокоились, но вмѣстѣ съ ними какъ будто заснула и душа. Смерть подошла къ нему тихимъ шагомъ; онъ забылся на рукахъ ея и жизнь его кончилась непримѣтно *

Поэтическія произведенія Козлова, плодъ вдохновенія и страданія, извѣстны нашимъ читателямъ. Многія изъ нихъ ознаменованы печатію благороднаго дарованія; прелесть многихъ заключается въ томъ, что они съ величайшею вѣрностію выражаютъ *правду*, состояніе души глубоко-страждущей, глубоко-вѣрующей и смиренной. Никто не могъ читать ихъ безъ нѣжнаго участія къ поэту, который, открывая тайну своихъ страданій, въ то же время и умилялъ насъ, дѣля съ нами тѣ высокія утѣшенія, кои

* До послѣдней минуты онъ сохранилъ свою память; но связи уже не было въ его мысляхъ. Переставъ страдать, онъ чувствовалъ безпрестанно какое-то безпокойство, поминутно требовалъ къ себѣ жену, дочь и сына: чего-то у нихъ просилъ, успокоивался, получивъ отъ нихъ отвѣтъ, и черезъ минуту опять ихъ кликалъ. Однажды, услышавъ мой голосъ, онъ подозвалъ меня, прочиталъ мнѣ стихъ: и *мертвый страшенъ былъ лицемъ!* и прибавилъ: *вотъ что ты завтра здѣсь увидишь.* Въ послѣдніе два дни онъ не могъ уже и говорить; наконецъ мало по малу овладѣлъ имъ сонъ смертный.

почерпалъ во глубинѣ поэтической души своей. Слѣдующая молитва написана имъ весьма не задолго до смерти; это послѣдній звукъ его арфы:

Прости мнѣ, Боже, прегрѣшенья,
И духъ мой томный обнови;
Дай мнѣ терпѣть мои мученья
Въ надеждѣ, вѣрѣ и любви.

Не страшны мнѣ мои страданья,
Они залогъ любви святой;
Но дай, чтобъ пламенной душой
Я могъ лить слезы покаянья.

Взгляни на сердца нищету;
Дай Магдалины жаръ священный;
Дай Іоанна чистоту;
Дай мнѣ донесть вѣнецъ мой тлѣнный,
Подъ игомъ тяжкаго креста,
Къ ногамъ Спасителя Христа.

Вмѣстѣ съ тяжкимъ крестомъ болѣзни, Козловъ обремененъ былъ и крестомъ бѣдности, не менѣе тяжкимъ. Окруженный любящимъ его семействомъ, которое въ свою очередь любилъ съ величайшею нѣжностію, онъ въ послѣдніе годы особенно занимался судьбою своей дочери, которой, не смотря на скудныя средства, успѣлъ дать прекрасное воспитаніе, и которая въ свою очередь съ любовію помога-

ла ему переносить и скуку слѣпоты и тяжесть болѣзни. Исполненный этою нѣжною заботою о будущемъ милой дочери, Козловъ *ей* завѣщалъ всѣ поэтическiя свои произведенiя и мнѣ поручилъ быть исполнителемъ сего завѣщанiя. Приступая къ совершенiю воли его съ твердою надеждою на помощь моихъ соотечественниковъ, я собралъ всѣ стихотворенiя Козлова. Это цвѣты, расцвѣтшiе на полѣ скорби; это мечты, слезы, стоны и молитвы отца, вырвавшiеся изъ души его или въ минуты тяжкихъ мукъ, или въ промежутки короткаго отъ нихъ отдохновенiя, и обращающiеся теперь въ благословенiе его дочери; это цѣлая страдальческая жизнь, выраженная поэзiею и нынѣ оставленная, когда уже самъ поэтъ въ могилѣ, въ наслѣдство его дочери, на память любви, въ воздаянiе за любовь. Умершiй ввѣряетъ сiе наслѣдство заботливости бывшихъ своихъ согражданъ, и я спѣшу, его именемъ, пригласить ихъ исполнить ту надежду, которую онъ мысленно возложилъ на нихъ, приготовляясь разстаться съ жизнiю. Ихъ сердце почувствуетъ всю высокую законность подобнаго наслѣдства, и упованiе, утѣшившее страдальца не задолго предъ его смертiю, конечно не будетъ обмануто ни его бывшими друзьями, ни тѣми, кто, знавъ его участь, не могли остаться къ ней равнодушными, ни тѣми, кто знали его по однимъ только поэтическимъ его произведенiямъ.

Стихотворенія Козлова, въ двухъ томахъ, будутъ изданы по подпискѣ, которая принимается въ книжномъ магазинѣ *А. Смирдина.* Цѣна подписная 15 рублей ассигнаціями. Новыя, еще неизданныя стихотворенія, составятъ болѣе трети послѣдняго тома.

В. Жуковскій.

О СТИХОТВОРЕНІЯХЪ

ГР--НИ Е. П. Р--НОЙ.

Въ любви считаясь инвалидомъ,
Онѣгинъ слушалъ съ важнымъ видомъ,
Какъ, сердца исповѣдь любя,
Поэтъ высказывалъ себя.

Пушкинъ. *Евг. Онѣг. Гл. II.*

Вѣкъ нашъ не въ такое ли ставитъ себя отношеніе къ поэтамъ, какое шутя показалъ Пушкинъ между Онѣгинымъ и Ленскимъ? Но въ сущности дѣла есть ли тутъ хоть маленькая доля истины? Ни сколько. Мы съ важностью толкуемъ, что одинъ младенчествующій народъ жадно бросается на произведенія поэзіи; что въ зрѣломъ возрастѣ онъ стыдится игрушекъ воображенія и всему предпочитаетъ положительное. Здѣсь, кажется, два недоразумѣнія. Государство, или политическое общество, можетъ, сравнительно съ другимъ, быть

моложе и старѣе; но люди, отдѣльно разсматриваемые, ничего не теряютъ изъ душевныхъ способностей своихъ по мѣрѣ того, какъ вѣка налегаютъ на исторію народа. Въ нашихъ личныхъ ощущеніяхъ столько же движимости и силы, сколько обнаруживалось ихъ у людей за десять столѣтій. Расширивъ кругъ идей, потребностей и выводовъ, мы ничего не утратили ни изъ художнической воспроизводительности, ни изъ общей всѣмъ воспріемлемости. Съ другой стороны положительнаго въ истинной поэзіи столько же, сколько и въ химіи. Воздухъ, которымъ дышимъ, уже ли потерялъ для насъ свое благотворное дѣйствіе съ тѣхъ поръ, какъ мы, разложивъ его на стихіи, выучились сами составлять его? Развѣ послѣ изобрѣтенія газоваго освѣщенія менѣе пользуемся мы свѣтомъ солнечнымъ? Созданія поэзіи не мечты, носящіяся внѣ сферы жизни, а выраженіе нашего бытія, свидѣтельство нашего духовнаго могущества, осуществленіе эпохъ лучшихъ, слѣдственно самыхъ замѣчательныхъ, самыхъ полезныхъ, самыхъ богатыхъ положительными истинами. Въ приложеніяхъ этихъ созданій тѣмъ болѣе многосторонности и общности, что каждая истина, увѣковѣченная поэтомъ, не замѣняется новымъ открытіемъ, не улучшается новымъ способомъ, а остается нетлѣннымъ достояніемъ духа всѣхъ мѣстъ и всѣхъ временъ.

Таково было наше всегдашнее убѣжденіе, когда дѣло касалось до поэзіи самобытной, происте-

кающей прямо изъ чистаго ея источника — творящей силы духа. Люди, постигающіе, какимъ превосходствомъ чувствительности, ума и воображенія надобно быть отличену природою, чтобы съ достоинствомъ явиться на поприщѣ поэзіи, не удивляются, что истинныхъ поэтовъ бываетъ немного. Но тѣмъ отраднѣе ихъ появленіе. Всѣ, внимательно наблюдающіе за развитіемъ современныхъ у насъ талантовъ, давно съ истиннымъ удовольствіемъ принимаютъ стихотворенія писательницы, постоянно закрывающей себя отъ любопытства буквами: Гр--ня Е. Р--на. Читатели Современника наиболѣе знакомы съ талантомъ ея, потому-что стихотвореніями Гр--ни Е. П. Р--ной украшается каждый его томъ. Мы спѣшимъ обрадовать ихъ извѣстіемъ, что эти произведенія, исполненныя жизни и красокъ, скоро изданы будутъ отдѣльною книгою. Такимъ образомъ всѣ, наслаждающіеся высокимъ искуствомъ и умѣющіе обогащаться его истинами, найдутъ возможность вполнѣ изучить стихотворенія, какихъ теперь у насъ пишется немного. Гр--ня Е. П. Р--на представляетъ явленія природы, созданія фантазіи и плоды ощущеній со всею точностію, силою и простотой. До какаго предмета ни коснулось бы ея перо, она всегда почувствуетъ въ немъ занимательнѣйшее и изобразитъ его съ тѣхъ сторонъ, которыя неистощимы для глазъ и сердца, посвященныхъ въ тайны поэзіи. Независимость и прелесть ея таланта виднѣе всего въ совокупленіи идей и слогѣ. Только женщина-поэтъ отыщетъ серд-

цемъ своимъ и умомъ такія черты въ нашихъ представленіяхъ, такой ходъ въ мысляхъ, такіе оттѣнки въ чувствованіяхъ и такія для всего выраженія, что языкъ принимаетъ для насъ занимательность подлинной жизни, а картины очарованіе движенія. Въ ея слогѣ, безыскуственномъ и созданномъ самою природою вещей, незамѣтно ни малѣйшаго подражанія. Она скорѣе пожертвуетъ блескомъ, нежели вѣрностію и собственностію выраженія. Можно ли, напримѣръ, въ портретѣ соединить столько граціи, истины, возвышенности, простоты и идеальности, сколько восмью стихами выразила она (IX т. Соврем. Тайныя Думы)?

«Всѣхъ женскихъ доблестей, всѣхъ думъ и чувствъ высокихъ
Мнѣ повѣсть говоритъ взоръ голубыхъ очей:
Ей внятенъ, Ей знакомъ и гласъ небесъ далекихъ,
И нищеты призывъ, и стонъ земныхъ скорбей;
Слезу несчастнаго, поэта вдохновенье,
Молитвы благодать, все, все пойметъ Она:
Въ душѣ Ея живутъ восторгъ и умиленье,
И тихая мечта Ей на удѣлъ дана.»

Можетъ быть, вамъ болѣе нравится глубина мысли, меланхолія, разочарованіе — вы и это все найдете въ другомъ портретѣ (XV т. Соврем. Воспоминаніе о милой женщинѣ).

»Нѣтъ, не улыбки къ ней пристали,
Но вздохъ возвышенной печали;

Нѣтъ, не на сборищахъ людскихъ
И не въ нарядахъ дорогихъ
Она сама собой бываетъ.
Кто хочетъ знать всю цѣну ей —
Тотъ изучай страданье въ ней,
Когда душа ея страдаетъ!..»

Но мы напрасно возобновляемъ въ памяти читателей стихи, которые никогда изъ нея не изглаживаются. Мы желали только подѣлиться новостію, дошедшею до насъ. Остается теперь общее ожиданіе. Дай Богъ, чтобы новость эта не обратилась въ одинъ изъ тѣхъ исчезающихъ слуховъ, о которыхъ часто приходится жалѣть неутѣшно.

КУРСЫ ЛИТЕРАТУРЫ.

Литература, при всей неопредѣленности этаго слова, составляетъ самый общій, самый обыкновенный предметъ сужденій въ обществѣ. Мы говоримъ, что слово «литература» неопредѣленное. Дѣйствительно, трудно съ точностію показать, гдѣ оканчивается область собственно называемой науки, и гдѣ начинается то, что мы понимаемъ подъ именемъ литературы. Для полнаго своего совершенства онѣ должны проникать одна другую, какъ духъ и его проявленіе. Привычка раздѣлять писателей на ученыхъ и литераторовъ отзывается эпиграммой. Не будемъ однако же оспаривать утвердившихся выраженій и

покоримся употребленію словъ. Литература, по общепринятымъ понятіямъ, требуетъ дѣятельности преимущественно эстетическихъ способностей писателя, т. е. творящаго ума, чувства, воображенія и вкуса, хотя всѣ онѣ ни сколько не повредили бы и учености.

Въ слѣдствіе безконечнаго разнообразія между людьми, эстетическія способности ихъ, не теряя ни мало силы своей и другихъ совершенствъ, обнаруживаются въ неисчислимо-разнообразныхъ явленіяхъ. Одно согласіе съ общими законами духа человѣческаго такъ еще мало даетъ характера и поразительной красоты произведенію, что мы даже сами требуемъ индивидуальныхъ достоинствъ отъ сочинителя, который въ послѣднемъ случаѣ не можетъ и не долженъ противорѣчить ни вѣку своему, ни своему мѣсту. Отсюда выводятся главнѣйшія требованія искуства. Литература безъ красокъ и жизни сдѣлалась бы сухимъ изложеніемъ отвлеченностей. Въ ней должна отражаться особенность дѣйствующихъ лицъ. Никто не живетъ безъ какаго-нибудь отношенія къ обществу своего времени. И такъ оцѣнка литературы заключается въ соображеніи обстоятельствъ, подъ вліяніемъ которыхъ явились ея произведенія. Какъ жизнь, не противорѣчащая общей идеѣ человѣка, его частному призванію и законамъ, принятымъ въ обществѣ, есть достоинство, такъ литература, вѣрно выражающая эту жизнь, есть совершенство. Та и

другая представляютъ въ исторіи преемничество измѣненій, которыя впрочемъ не отнимаютъ существенной цѣны ни у литературы, ни у жизни, пока онѣ вѣрны своимъ законамъ.

Первоначальное, естественное развитіе литературы было соотвѣтственно всему, что ею выражается. Философія, исторія, эстетика и естествовѣдѣніе нашли въ ней основаніе своихъ истинъ. Если бы она случайно не обратилась на другой путь и не начала бы искать для своихъ созданій чуждыхъ ей элементовъ, мы въ ней до сихъ поръ видѣли бы неисчезающую жизнь каждаго народа, каждой эпохи и каждой страны. Но самые успѣхи первобытной, могущественной, органической литературы подали поводъ настроить ее въ тотъ ложной тонъ, который такъ часто въ ней до сихъ поръ отдается. Восхищаясь совершенствами литературныхъ произведеній, совершенствами относительными, какъ все человѣчески-прекрасное, вздумали принять ихъ за неизмѣнный образецъ и предложили на будущее время все согласовать съ его видами и свойствами. Изъ литературы, искуства изящнаго, то есть, изъ естественнаго стремленія человѣческаго духа къ творенію, образовали искуство механическое, заключенное въ обработкѣ опредѣленныхъ матеріаловъ въ опредѣленной формѣ.

Такимъ образомъ исторія литературы, подобно политической исторіи, стала представлять вѣчно ко-

лебаніе, естественное стремленіе къ изображенію дѣйствительнаго бытія, желаніе возврата къ жизни исчезнувшей, возстановленіе идей и образовъ непропорціональныхъ эпохѣ, смѣшеніе понятій и нравовъ, усилія къ очищенію искуства и проч. и проч. Литература Востока, Грецін, Рима, Византін, Арабовъ, Скандинавовъ, Славянъ, новѣйшихъ Европейцевъ и множества другихъ народовъ не есть ли исторія всего, то ясно понятаго, то ошибочно расчитаннаго, всего, что только человѣкъ способенъ сотворить духомъ своимъ?

Перебирая мысленно всѣ начала, всѣ краски, всѣ формы, всѣ видоизмѣненія, какія употребляемы были писателями, смотря по господствующимъ понятіямъ, подъ вліяніемъ которыхъ они дѣйствовали — не только во всеобщей исторіи литературы, но и въ самой частной надобно предположить безчисленное множество оттѣнковъ, которыми историкъ долженъ обозначить разное настроеніе эстетическихъ способностей, чтобы изъ своей исторіи образовать для читателей или слушателей удовлетворительную и назидательную картину. Мы не безъ намѣренія желали навести читателей нашихъ на эту точку созерцанія литературъ. Уже нѣсколько лѣтъ и у насъ въ Россіи и на западѣ у прочихъ Европейцевъ вошло въ обыкновеніе дѣлить все, что составляетъ литературу, на классицизмъ и романтизмъ. Это странное повтореніе ошибки напоминаетъ намъ забытые курсы всемірной исторіи, гдѣ всѣ народы древняго міра включались

въ четыре монархіи: Ассирійскую, Персидскую, Македонскую и Римскую. Если Испанская поэма о Сидѣ проникнута духомъ романтизма, что же послѣ того находите вы романтическаго въ Шекспирѣ? Шиллера называютъ романтикомъ и Виктора Гюго тоже: но есть ли между ними что-нибудь общаго? Омерическія и Оссіановскія пѣсни размѣщаютъ какъ противоположности; но не больше ли между ними сходства, нежели между Софокломъ и Расиномъ, которыхъ въ одну ставятъ категорію? Подобныхъ вопросовъ можно сдѣлать безчисленное множество.

Неудобство, сбивчивость и неосновательность господствующихъ нынѣ толковъ о романтизмѣ и классицизмѣ такъ легко могутъ броситься въ глаза всякому, кто сколько-нибудь захочетъ посмотрѣть внимательнѣе на предметъ, что мы не рѣшились бы и говорить объ этихъ толкахъ, если бы нынѣшней зимой не занимали насъ публичными курсами литературы. Г. Рюо посвятилъ пять лекцій на объясненіе, что значитъ романтизмъ, что классицизмъ, кто изъ Французскихъ писателей классикъ и кто романтикъ. Въ его изслѣдованіяхъ есть одна неоспоримая истина, что характеръ литературы зависитъ отъ вліянія мѣстности, религіи, народнаго духа, словомъ, отъ жизни націи. Но онъ не довольно, кажется, убѣжденъ, что писатель въ собственной душѣ своей носитъ другой міръ, въ которомъ вліяніе общее преобразуется во что-то самобытное, особенное и часто противодѣй-

ствующее всему, извнѣ принимаемому. Если бы г. Рюо разсматривалъ перемѣны во Французской литературѣ, основываясь на главномъ положеніи своемъ, которое хотя и не полно, однако жъ справедливо, онъ менѣе встрѣтилъ бы затрудненія въ составленіи точной характеристики каждаго писателя. Но ему надобно было доказать непремѣнно, что во Франціи только два рода писателей, потому-что, кромѣ романтизма и классицизма, ни о какой особенности авторовъ въ наше время говорить не принято. И такъ онъ существенное оставилъ, а ограничился изъясненіемъ, что значитъ романтизмъ. Ложно принятое слово повело его къ объясненіямъ сбивчивымъ и несогласнымъ даже между собою. Иногда онъ признавалъ романтикомъ того, кто показываетъ направленіе преимущественно религіозное. Въ другой разъ признакомъ романтизма служилъ взглядъ на жизнь съ хорошей и дурной стороны. То романтики отличались подробностями въ списываніи картинъ природы, то слогомъ смѣлымъ и фигуральнымъ, то нарушеніемъ древнихъ формъ. Словомъ: идея поворачивалась съ одной стороны на другую, смотря по надобности. Что жъ вышло? И Ж. Ж. Руссо, и Ламартинъ, и Сталь, и Гюго, и Маро, и Шатобріанъ — все авторы однаго характера, все чистые романтики.

Величайшая ошибка теоретиковъ состоитъ въ томъ, что они подходятъ къ явленіямъ съ готовою въ рукахъ своихъ системой. Геніальный писатель

самъ собою представляетъ полный міръ. Изъ него надобно составить систему; а мы его усиливаемся помѣстить въ такое же маленькое отдѣленіе, какое приготовили для всякаго встрѣчнаго. Г. Рюо предполагаетъ продолжать свой курсъ. Уважая благородный его трудъ и счастливый навыкъ рѣчи, мы чистосердечно говоримъ, что онъ болѣе окажетъ услугъ наукѣ, если будетъ стараться изъ полнаго обозрѣнія сочиненій какаго-нибудь автора извлекать вѣрные выводы: въ какомъ отношеніи авторъ былъ къ современному просвѣщенію, сколько отразилось въ немъ вліянія общества, по какому направленію талантъ его велъ искуство, какими послѣдствіями ознаменовались его умственныя усилія, или другіе выводы, различные смотря по характеру писателя, но всегда заслуживающіе изученія, что одно и ставитъ литературу на высокую степень вмѣстѣ съ политическою исторіею. Таковы во многихъ мѣстахъ взгляды Вильмена, когда онъ не увлекается подготовленнымъ также мнѣніемъ — все изъяснить въ писателѣ изъ вліянія на него только общежительности.

Г. Гречь, не увлекаясь современнымъ направленіемъ литераторовъ Европейскихъ, читалъ лекціи проще г. Рюо. Въ объявленіи своемъ о нихъ, онъ между прочимъ сказалъ: «Полагая, что найдутся любознательныя особы, которыя пожелаютъ повторить въ зрѣломъ возрастѣ то, что занимало ихъ въ дни свѣтлой юности, рѣшился я открыть чтенія.»

Какъ сочинитель извѣстныхъ учебниковъ: *Русской Грамматики* и *учебной книги Русской Словесности*, по которымъ дѣйствительно многіе учились, онъ болѣе всякаго имѣлъ право такимъ образомъ пригласить слушателей. Сначала онъ ограничился-было первою частію уроковъ. Въ послѣдствіи, желая разнообразить чтенія, онъ присовокуплялъ мѣста и изъ второй. Нѣкоторыя особы сожалѣли, что г. Гречь передавалъ свои уроки не наизусть, а читалъ ихъ. Но и его способъ не безъ выгодъ для слушателей. Импровизація непримѣтно завлекаетъ къ распространенію объясненій, что воспрепятствовало бы г. Гречу достигнуть главной цѣли — пройти вполнѣ грамматику и курсъ словесности. Въ доказательство, какъ выгодно для слушателей, когда имъ по тетради читаютъ уроки, приводимъ напечатанную г. Гречемъ программу однаго чтенія. Въ продолженіе двухъ часовъ, или безъ малаго двухъ, вотъ что могъ онъ изложить. Содержаніе осьмаго чтенія. «Образованіе глаголовъ. Глаголы первообразные, производные и второобразные. Прямая форма. Глаголы скрытно-образные и явно-образные. Отличительныя ихъ окончанія. Основаніе спряженій. Правильные и неправильные глаголы. Три спряженія. Господствующія ошибки. Имена отличительныя. Свойство драматической поэзіи. Исторія драмы. Греки. Рожденіе трагедіи и комедіи. Римляне. Паденіе искуствъ и возрожденіе ихъ на западѣ. Театры Италіанскій и Испанскій. Начало и усовершеніе театра Француз-

скаго. Корнель, Расинъ, Вольтеръ, Мольеръ. Англійскій театръ. Шекспиръ. Нѣмецкій театръ. Лессингъ, Гёте, Шиллеръ. Начало Русскаго театра. Игрища въ Кіевѣ и въ Москвѣ. Представленія театральныя при Петрѣ Великомъ. Начало правильныхъ театровъ. Рожденіе Русскаго театра; сначала въ С. п. бургѣ, въ кадетскомъ корпусѣ, потомъ въ Ярославлѣ. Учрежденіе настоящаго Русскаго театра. Театръ Русскій при Екатеринѣ II. Успѣхи Русскаго театра въ XIX столѣтіи.» По этому одному образцу читатели наши сами въ состояніи вывести заключеніе, чѣмъ успѣли воспользоваться слушатели г. Греча въ продолженіи пятнадцати его чтеній.

КРИТИКА.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВРАНГЕЛЯ.

Въ прошедшемъ 1839 году, въ Берлинѣ, тамошній докторъ и профессоръ К. Риттеръ издалъ съ своимъ предисловіемъ книгу, которая въ Россіи составлена Д. С. С. Егоромъ Антоновичемъ Энгельгардтомъ. Эта книга называется: *Путешествіе Русскаго флота лейтенанта фонъ Врангеля* * *по сѣверному берегу Сибири и по Ледовитому морю въ* 1820—1824 *годахъ.* Она издана на Нѣмецкомъ языкѣ и составлена по рукописнымъ журналамъ и замѣткамъ г. Врангеля.

* Нынѣ контръ-адмирала.

Для приведенія въ бо̀льшую извѣстность верхней полосы Сибири, снаряжены были въ 1820-мъ году, по Высочайшему повелѣнію, двѣ экспедиціи съ порученіемъ отправиться сухимъ путемъ на сѣверный берегъ Азіатской Россіи и изслѣдовать какъ этотъ берегъ отъ р. Яны до р. Колыми и далѣе до Шелагскаго мыса, такъ и острова́, лежащіе къ сѣверу оттуда въ Ледовитомъ морѣ. Каждая изъ обѣихъ экспедицій была ввѣрена флота лейтенанту, которому дано нѣсколько сопутниковъ. Предметомъ экспедиціи г. Врангеля была страна къ востоку отъ р. Колыми.

Во время путешествія, въ слѣдствіе того имъ предпринятаго, онъ велъ подробный дневникъ, гдѣ отмѣчалъ и наблюденія свои и приключенія. Около 16-ти лѣтъ эти записки оставались заманчивою тайною для читающаго міра; наконецъ, благодаря счастливому соединенію просвѣщенныхъ и опытныхъ лицъ, онѣ являются въ книгѣ, которая во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманіе Европы и такимъ образомъ вполнѣ оправдываетъ Нѣмецкую пословицу: was langsam kommt, kommt gut! Особенно должна она возбуждать любопытство въ насъ, жителяхъ того же могучаго сѣвера и той же исполинской имперіи, которыхъ часть служила поприщемъ описываемыхъ странствованій. Къ сожалѣнію, книга сія еще не доступна большинству нашей публики: она издана на Нѣмецкомъ языкѣ прежде, нежели на Русскомъ. Мы

полагаемъ однако жъ, что въ ожиданіи столь драгоцѣннаго подарка отечественной литературѣ, читатели Современника не безъ удовольствія найдутъ здѣсь нѣсколько словъ о достоинствѣ этаго замѣчательнаго произведенія въ его чужеземной и—надобно по справедливости прибавить — прекрасной оболочкѣ.

Подъ сими словами мы разумѣемъ не одну только внѣшнюю сторону книги, въ полномъ смыслѣ изящную, но и гораздо важнѣйшую ея принадлежность — языкъ и изложеніе. Имя редактора, Е. А. Энгельгардта, какъ Нѣмецкаго писателя въ Россіи, конечно извѣстно у насъ всѣмъ, кому доступенъ Нѣмецкій языкъ, точно также какъ въ Германіи оно знакомо всякому, кто любитъ Россію, съ ея нравами и просвѣщеніемъ. Кто не помнитъ его *Russische Miscellen,* этихъ по-видимому легкихъ очерковъ Русской жизни, и гдѣ однако же опытный глазъ открываетъ такъ много наблюдательности, такое рѣдкое знаніе народнаго характера? Въ путешествіи г. Врангеля мы узнаемъ то же перо, ту же простоту и вмѣстѣ игривость слога, въ которомъ чистота языка споритъ съ прелестію выраженія. Но здѣсь это перо пріобрѣтаетъ въ глазахъ нашихъ еще особенную занимательность; съ участіемъ г. Энгельгардта въ трудѣ, о которомъ идетъ рѣчь, соединяется особенное обстоятельство: главный изъ спутниковъ г. Врангеля, мичманъ Ма-

тюшкинъ *, какъ узнаемъ изъ предисловія, былъ нѣкогда воспитанникомъ Е. А. Энгельгардта. Легко понять, какія чувствованія одушевляли бывшаго директора Лицея, когда въ ряду опасныхъ странствованій друга своего, онъ вѣрною рукой могъ изображать и подвиги однаго изъ старинныхъ своихъ питомцевъ, того, къ которому Пушкинъ, его товарищъ по Лицею, обращается такъ:

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
Чужихъ небесъ любовникъ безпокойный?
Иль снова ты проходишь тропикъ знойный
И вѣчный ледъ полунощныхъ морей?
Счастливый путь!.. Съ Лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ шутя,
И съ той поры въ моряхъ твоя дорога,
О волнъ и бурь любимое дитя!

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальны нравы:
Лицейскій шумъ, Лицейскія забавы
Средъ бурныхъ волнъ мечталися тебѣ;
Ты простиралъ изъ-за моря къ намъ руку,
Ты насъ однихъ въ младой душѣ носилъ
И повторялъ: на долгую разлуку
Насъ тайный рокъ, быть можетъ, осудилъ!

Странствовать въ краю малоизвѣстномъ и представляющемъ путешественнику безпрерывныя препят-

* Нынѣ капитанъ-лейтенантъ.

ствія, часто соединенныя съ опасностію жизни—есть подвигъ, заключающій въ себѣ тяжкія условія. Собирать плоды пожертвованій своихъ и потомъ обращать эти плоды въ пользу науки, ко благу человѣчества — есть трудъ усладительный, достойный благодарности современниковъ и потомства. Но, сидя въ своемъ тепломъ углу и слушая разсказы путешественника, слѣдить воображеніемъ за каждымъ шагомъ его въ странѣ еще новой для насъ; вмѣстѣ съ нимъ радоваться каждой его удачѣ и дрожать за него всякій разъ, когда онъ въ опасности; словомъ, жить вмѣстѣ съ нимъ въ климатѣ отличномъ отъ нашего, среди людей, на насъ не похожихъ: вотъ наслажденіе, которому въ умственномъ мірѣ мало подобныхъ, потому-что оно въ высшей степени удовлетворяетъ общее всѣмъ намъ, и въ этомъ случаѣ не суетное, любопытство.

Такое наслажденіе испытали мы въ полной мѣрѣ, читая повѣствованія гг. Врангеля и Матюшкина. Чуждые всякаго педантизма и ученой важности, они умно и откровенно сообщаютъ намъ все, что видятъ, слышатъ и чувствуютъ; расказываютъ, какъ живутъ на мѣстахъ и какъ путешествуютъ; раздѣляютъ съ нами малѣйшія свои радости и печали, надежды и опасенія — всѣ эти ощущенія, которыя въ путешествіи совершенно выходятъ изъ своей обычной мѣрки. Передъ глазами нашими проходитъ непрерывная цѣпь картинъ разнообразныхъ и оригинальныхъ,

и мы, увлекаясь пріятностію такаго чтенія, вовсе не замѣчаемъ, что одна страница за другою безпрестанно увеличиваетъ кругъ нашихъ свѣдѣній множествомъ важныхъ фактовъ — такъ искусно они вплетены въ пеструю нить расказа. Только прочитавъ книгу и припоминая ея содержаніе, мы съ удовольствіемъ открываемъ, сколько новаго и существеннаго узнали въ короткое время о природѣ и положеніи страны, которую мысленно посѣтили, о нравахъ и образѣ жизни обитающихъ тамъ народовъ.

Оставляя въ сторонѣ ученые результаты дѣйствій экспедиціи, важные въ особенности для географіи, мы желали бы по крайней мѣрѣ ознакомить читателей съ занимательнѣйшими частями расказа путешественниковъ; но въ такомъ случаѣ и подъ нашимъ перомъ выросла бы, вмѣсто журнальной статьи, порядочная книга. Вотъ почему мы можемъ только представить въ переводѣ два-три отрывка, какъ образчики цѣлаго. Избираемъ для того, изъ многочисленныхъ особенностей Сибири, *стужу*, *оленей* и *шамановъ*, и посмотримъ, что̀ сказали путешественники по этимъ тремъ предметамъ.

Начнемъ съ *шамановъ*.

«Къ остаткамъ язычества, сохраняющимся между Чучками, относится совершенно противный природѣ, безчеловѣчный обычай (существующій и у мно-

гихъ дикихъ народовъ сѣверной Америки) убивать какъ дѣтей, раждающихся съ тѣлесными недостатками или слабыхъ здоровьемъ, такъ и старцевъ неспособныхъ переносить трудности кочевой жизни на льдистыхъ степяхъ. Еще года за два тому назадъ видѣли здѣсь печальный примѣръ такаго варварства. Одинъ изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ старшинъ племени, *Валетка*, чувствуя изнуреніе силъ и скучая жизнью, самъ убѣдительно просилъ своихъ ближнихъ родственниковъ, чтобъ его убили, и они сочли священною обязанностію исполнить его желаніе. Вопреки всѣмъ усиліямъ правительства и духовенства, сей отвратительный обычай не прекращается; къ чему безъ сомнѣнія много способствуютъ шаманы, которые, не смотря на святое крещеніе, продолжаютъ сильно дѣйствовать на народъ. Въ каждомъ колѣнѣ, въ каждомъ караванѣ всегда бываетъ одинъ или нѣсколько шамановъ; съ ними совѣтуются во всѣхъ важныхъ случаяхъ, и приговорамъ ихъ никто не смѣетъ противиться. О степени ихъ вліянія свидѣтельствуетъ между прочимъ ужасное убійство, совершившееся въ 1814-мъ году на ярмаркѣ въ Островномъ. Между прибывшими туда Чукчами вдругъ открылась язва; напрасно шаманы безпрестанно повторяли заклятія, били въ барабаны, прыгали и бѣсновались — моръ все болѣе и болѣе распространялся, похищая не только людей, но и множество оленей, составляющихъ главное богатство народа. Напослѣдокъ положено было созвать всѣхъ шамановъ, и они

рѣшили, что для умиренія разгнѣванныхъ духовъ и для пересѣченія опустошительной язвы, необходимо принести въ жертву однаго изъ главныхъ старшинъ, *Кочения*. Но этотъ Кочень былъ такъ любимъ и уважаемъ всѣми, что на сей разъ рѣшеніе шамановъ, которымъ обыкновенно повинуются безусловно, было отвергнуто. Между тѣмъ моръ не переставалъ поражать и людей и животныхъ, а шаманы, не смотря ни на подарки, ни на угрозы и побои *, оставались при своемъ приговорѣ. Тогда Кочень съ рѣшимостію Курція объявилъ, что онъ самъ ясно видитъ волю духовъ, и охотно пожертвуетъ своею жизнію для спасенія народа. Любовь къ нему все еще препятствовала исполненію грознаго приговора шамановъ: никто не хотѣлъ поднять руки на избранника. Наконецъ собственный сынъ его, убѣжденный увѣщаніями отца и страшась проклятій, которыми онъ грозилъ, закололъ старца и отдалъ кровавое тѣло шаманамъ.

«Таково вліяніе шаманизма, заступающаго здѣсь мѣсто религіи; но онъ отъ всякой другой религіи тѣмъ отличается, что въ немъ нѣтъ никакихъ догматовъ или уставовъ, а есть только нѣсколько ска-

* Нерѣдко случается, что шамана порядкомъ поколотятъ, желая принудить его къ измѣненію какаго нибудь тягостнаго приговора; но это домашнее средство не всегда помогаетъ: непреклонность шамана въ такомъ случаѣ еще усиливаетъ общее къ нему уваженіе.

зочныхъ преданій, и что по этой причинѣ онъ вовсе не допускаетъ какаго бы ни было ученія. Вѣрованія и обряды шамановъ и ихъ послѣдователей не составляютъ чего-нибудь придуманнаго однимъ человѣкомъ и отъ него перешедшаго къ другимъ: это слѣдствія впечатлѣній, производимыхъ въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ окружающими его предметами. Но такъ-какъ принадлежности пустынь Сибирскихъ, подобно степени образованности тамошнихъ полудикарей, почти вездѣ однѣ и тѣже, то и дѣйствіе внѣшности на людей, по большой части, одинаково. Каждый видитъ и чувствуетъ про себя; но и безъ взаимнаго сообщенія они въ произведеніяхъ своего воображенія обнаруживаютъ большое сходство, и особенное исповѣданіе однаго становится вѣрою всего племени. И такъ вѣра сія есть, такъ сказать, созданіе каждаго отдѣльнаго лица и отъ того каждому нравится: въ этомъ самомъ, какъ я думаю, и заключается причина, почему она между Сибирскими народами такъ давно уже господствуетъ и до тѣхъ поръ господствовать будетъ, пока они въ первобытной простотѣ не перестанутъ скитаться по тундрамъ, лѣсамъ и пещерамъ, пока тѣ же предметы будутъ производить на нихъ тѣ же впечатлѣнія.

«Почти всѣ, донынѣ писавшіе о шаманахъ, безусловно изображаютъ ихъ наглыми, пошлыми обманщиками, и видятъ въ ихъ корчахъ не иное что, какъ фиглярскія штуки, дѣлаемыя для прибыли. Но

по всему, что мнѣ удалось видѣть во время моего путешествія по Сибири, я нахожу это мнѣніе слишкомъ строгимъ и несправедливымъ. По крайней мѣрѣ, оно односторонне и относится только къ тѣмъ людямъ, которые, странствуя подъ именемъ шамановъ, морочатъ народъ и выманиваютъ у него деньги посредствомъ разныхъ мнимыхъ чудесъ: они, напримѣръ, захватываютъ раскаленное желѣзо, ходятъ по немъ взадъ и впередъ, прокалываютъ себѣ кожу длинными иглами и т. п. Настоящіе шаманы не принадлежатъ ни къ какой особенной кастѣ, не составляютъ сообщества, которое имѣло бы одну какую-нибудь цѣль: они, такъ сказать, возникаютъ и существуютъ отдѣльно. Въ народѣ родятся люди съ пламеннымъ воображеніемъ, съ раздражительными нервами; они растутъ посреди вѣры въ чудеса, въ духовъ, и въ шамановъ; таинственность, облекающая послѣднихъ, и неестественныя ихъ корчи сильно поражаютъ юношу. Онъ самъ жаждетъ общенія съ необычайнымъ, съ неземнымъ; но нѣтъ никого, кто бы къ тому указалъ ему путь, ибо и самый старый шаманъ не умѣетъ сказать, какъ онъ достигъ своего ясновидѣнія. Остается извлекать познаніе чудеснаго изъ самаго себя, изъ непосредственно-близкой, величавой и угрюмой природы. Одиночество, отчужденіе отъ людей, бдѣніе, постъ, горячительныя и наркотическія средства, все это доводитъ воображеніе до высшей степени напряженности: уже ищущій свѣта самъ собою видитъ тѣ явленія и тѣхъ духовъ, о которыхъ слы-

шалъ съ-дѣтства, уже онъ вѣритъ въ нихъ твердо, непоколебимо. Наконецъ его посвящаютъ въ шаманы, т. е., при извѣстныхъ обрядахъ посреди ночи знакомятъ его съ обычными пріемами, съ волшебнымъ барабаномъ и т. п. Но отъ этаго нисколько не увеличивается его знаніе, не происходитъ никакой перемѣны во глубинѣ его духа. Это обрядъ, касающійся только внѣшняго человѣка: все, что онъ послѣ того чувствуетъ, дѣлаетъ, говоритъ, все истекаетъ попрежнему изъ его собственной, внутренней природы — онъ вовсе не холодный и хитрый обманщикъ, не грубый фигляръ. Кто наблюдалъ настоящаго шамана въ высшемъ его иступленіи, тотъ конечно подтвердитъ сказанное, и согласится, что по крайней мѣрѣ въ минуту дѣйствія шаманъ не можетъ и не хочетъ обманывать, но что совершающееся съ нимъ есть слѣдствіе непроизвольнаго, неотразимаго вліянія воображенія, въ высочайшей степени раздраженнаго. Настоящій шаманъ составляетъ, безъ сомнѣнія, очень замѣчательное психологическое явленіе. Всякій разъ, когда я видѣлъ дѣйствующихъ шамановъ, они оставляли во мнѣ продолжительное, мрачное впечатлѣніе. Ихъ дикій взглядъ, глаза, налитые кровью, хриплый голосъ, который будто съ чрезвычайнымъ усиліемъ вырывается изъ судорожно-сдавленной груди, корчи лица и всего тѣла, дыбомъ вставшіе волосы, самый даже глухой гулъ барабаннаго боя—все это придаетъ зрѣлищу какой-то грозный, таинственный характеръ, сильно меня поражавшій, и я не удивляюсь, что не-

вѣжественные люди, воспитанные на лонѣ природы, видятъ въ этомъ темное дѣйствіе злыхъ духовъ.» (Ч. I, стр. 284 и слѣд.)

Въ отношеніи къ *оленю* г. Матюшкинъ раскасываетъ слѣдующее:

«Своимъ продовольствіемъ жители (по берегамъ р. Анюя) почти исключительно обязаны оленю, который здѣсь, какъ въ Лапландіи, доставляетъ пищу, одежду, повозки и жилища (т. е. кочевые шатры). Добыча оленьей охоты рѣшитъ, будетъ ли голодный или счастливый (по-здѣшнему) годъ, и потому время перехода оленей составляетъ здѣсь важнѣйшую годовую эпоху, какъ въ другихъ странахъ жатва или собираніе винограда. Два такихъ перехода бываетъ въ году — одинъ весною, другой осенью, и такъ-какъ здѣсь лѣта почти нѣтъ, то второй слѣдуетъ очень скоро за первымъ. Передъ концемъ Мая, дикій олень большими стадами покидаетъ лѣса, гдѣ онъ въ продолженіи зимы искалъ убѣжища отъ нестерпимыхъ морозовъ, и устремляется къ сѣвернымъ равнинамъ: тамъ ожидаетъ его на мшистыхъ тундрахъ лучшая пища, и къ тому же онъ спасается отъ комаровъ и мухъ, которые съ наступленіемъ весны затемняютъ воздухъ густыми роями и въ полномъ смыслѣ слова до смерти замучиваютъ бѣдныхъ животныхъ. Этотъ весенній переходъ не представляетъ охотникамъ большой выгоды, потому-что олени часто перебираются

черезъ рѣки, еще покрытыя льдомъ, и тогда можно только подстерегать звѣря въ горныхъ ущельяхъ, и стрѣлять изъ ружья, либо изъ лука, или ловить петлями. Послѣдній способъ довольно невѣренъ, а первый, по рѣдкости пороху и свинцу, слишкомъ дорогъ. Притомъ, объ эту пору олени чрезвычайно тощи и, искусанные комарами, такъ усѣяны ранами и шишками, что развѣ только изнемогающій отъ голода рѣшится употреблять въ пищу такое мясо. Отъ того весенніе олени служатъ единственно для кормленія собакъ *.

«Но настоящій ловъ бываетъ въ Августѣ или Сентябрѣ, когда олени съ равнинъ возвращаются въ лѣса. Тогда они здоровы и полны: мясо ихъ вкусно и питательно, а кожа покрыта новою зимнею шерстью, которая часта и крѣпка. Разница въ добротѣ мѣховъ такъ велика, что мѣхъ весенній стòитъ отъ 1 до 1⅓ рубля, а за осенній надобно заплатить 5 или 6 рублей. Мы были здѣсь въ это самое время и имѣли случай внимательно наблюдать переходъ и ловлю оленей. Этотъ переходъ есть нѣчто необыкновенно замѣчательное. Въ хорошіе годы участвуетъ въ немъ нѣсколько тысячъ оленей, занимающихъ въ ширину отъ 50 и до 100 верстъ. Хотя они, какъ кажется, идутъ стадами въ 200 — 300 штукъ, одна-

* Извѣстно, что почти по всему берегу Ледовитаго моря собаки употребляются вмѣсто лошадей, для ѣзды и для возки тяжестей на небольшихъ саняхъ особеннаго устройства. Прим. Перев.

ко жъ эти отдѣленія остаются другъ отъ друга въ близкомъ растояніи, такъ-что всѣ вмѣстѣ составляютъ одну необозримую массу. Путь ихъ всегда одинъ и тотъ же, у верховья сухаго (малаго) Анюя и у Плотбища. Для перехода черезъ рѣку, избираютъ они мѣсто, къ которому ведетъ сухая ровная дорога, тогда-какъ на противоположной сторонѣ — плоскій песчаный берегъ, не затрудняющій движенія. Здѣсь каждое отдѣльное стадо тѣснѣе смыкается и начинаетъ переходъ, слѣдуя за самымъ рослымъ и сильнымъ оленемъ; немногіе толпятся близехонько отъ него, а онъ, поднявъ голову, медленно подвигается впереди всѣхъ и какъ будто хочетъ точнѣе ознакомиться съ мѣстностью. Увѣрившись въ безопасности, онъ спускается въ рѣку; вся густая толпа идетъ за нимъ и черезъ нѣсколько минутъ животные покрываютъ всю поверхность воды. Тогда и охотники съ быстротою стрѣлъ бросаются въ своихъ маленькихъ челнокахъ изъ-за бухтъ, камней, кустовъ и т. п., гдѣ до тѣхъ поръ оставались въ засадѣ; они окружаютъ переправу и стараются остановить ее. Между-тѣмъ двое или трое изъ самыхъ искусныхъ ловцовъ, съ дротиками или *поколюгами* въ рукахъ, врываются въ плывущую толпу и съ невѣроятною скоростью убиваютъ великое множество оленей, или, покрайней мѣрѣ, такъ тяжело ранятъ ихъ, что они развѣ только достигаютъ берега, гдѣ и становятся добычей собравшихся женщинъ, дѣвокъ и дѣтей.

«Эта ловля соединена, впрочемъ, съ большою опасностію для охотниковъ. Въ тѣсной и безпорядочной толпѣ преслѣдуемыхъ звѣрей, легкій челнокъ безпрестанно можетъ опрокинуться; но сверхъ того, они всячески обороняются, самцы дѣйствуютъ рогами, зубами или задними копытами, а самки передними ногами вспрыгиваютъ на край лодки, чтобы такимъ образомъ опрокинуть ее. Когда это удается, то для охотника обыкновенно нѣтъ спасенья: при всей ловкости, ему невозможно выбраться изъ страшной давки, развѣ онъ успѣетъ уцѣпиться за какаго-нибудь сильнаго оленя, который вытащитъ его на берегъ. И однако жъ, несчастные случаи очень рѣдки, потому-что люди эти съ удивительнымъ искуствомъ удерживаютъ челнокъ въ равновѣсіи и каждый ударъ ихъ убійственъ. Хорошій охотникъ поражаетъ, менѣе нежели въ полчаса, 100 оленей и болѣе. Когда стадо ихъ многочисленно, тогда они, въ общемъ смятеніи, зацѣпляются другъ за друга рогами; это ослабляетъ противодѣйствіе и облегчаетъ ловлю. Убитыхъ оленей собираютъ въ порожнія лодки и вяжутъ ремнями. Что кому достанется, то и принадлежитъ ему.

«Не должно однако жъ думать, чтобы самъ охотникъ ничего не получалъ въ вознагражденіе за опасный трудъ: только убитые на мѣстѣ и остающіеся въ рѣкѣ считаются общею собственностію, а всѣ тѣ, которые, будучи ранены, достигаютъ берега, принадлежатъ поразившему ихъ. Отъ того охотники и усвояютъ себѣ

въ изумительной степени навыкъ сохранять присутствіе духа среди величайшаго смятенія; не смотря на то, что жизнь ихъ въ безпрестанной опасности и всѣ тѣлесныя и душевныя силы напряжены какъ нельзя болѣе, они умѣютъ такъ размѣрять свои удары, чтобы олени слабые и малорослые тутъ же падали, а большіе получали только смертельныя раны, и успѣвали достигать берега. Правда, общій голосъ не одобряетъ подобной сноровки, и называетъ того, кто поступаетъ такъ, *дурнымъ человѣкомъ*; однако жъ, обычай въ этомъ случаѣ беретъ верхъ надъ мнѣніемъ. Такая оленья охота на водѣ представляетъ зрѣлище, котораго невозможно описать вполнѣ: плывущая, мѣшающаяся толпа нѣсколькихъ тысячь оленей; шумъ роговъ, взаимно ударяющихся; охотники, которые съ быстротою молній и съ опасностію жизни вьются между рядами испуганныхъ животныхъ; крики и восклицанія прочихъ, которые хвалятъ, предостерегаютъ, совѣтуютъ; волны рѣки, побагровѣвшія отъ крови—все это могутъ представить себѣ только очевидцы. По окончаніи охоты происходитъ дѣлежъ на основаніи правилъ, выше показанныхъ.» (Ч. II, стран. 11 и слѣд.)

О *стужѣ* Сибирской г. Врангель, отправляясь верхомъ изъ Верхоянска въ Якутскъ, даетъ намъ понятіе въ слѣдующихъ словахъ:

«Морозъ не уменшался, и термометръ мой постоянно показывалъ 40° ниже точки замерзанія. Если при

такомъ холодѣ уже и въ саняхъ тягостно ѣхать, то верховая ѣзда почти нестерпима. Кто самъ не испыталъ этаго положенія — тотъ никакъ не можетъ вообразить тѣхъ мученій, которымъ оно подвергаетъ. Въ толстой и жесткой шубѣ, которая тебя окутываетъ съ головы до ногъ и вѣситъ отъ 30-ти до 40-ка фунтовъ, совершенно нельзя двигаться; медвѣжій воротникъ, опушенный густымъ инеемъ, соединяется съ огромною мѣховой шапкой, покрывающею все лицо, такъ-что можно только изрѣдка, и то какъ бы украдкой, вдохнуть въ себя немного свѣжаго воздуха; но онъ такъ остёръ, что производитъ въ горлѣ и въ легкихъ какую-то особенную боль. Путешественникъ въ продолженіе 10-ти часовъ и болѣе (столько времени нужно для перехода отъ однаго ночлега до другаго), не можетъ сойти съ лошади: тяжелая шуба не позволяетъ ему ступить и двухъ шаговъ по глубокому снѣгу, который чрезвычайно затрудняетъ даже самыхъ привычныхъ лошадей. Бѣдныя животныя страдаютъ въ этомъ случаѣ не меньше всадника, потому-что сверхъ жестокой стужи, которая рано или поздно непремѣнно вредитъ имъ, ихъ безпокоятъ еще толстые куски льду, наростающіе въ ихъ ноздряхъ и препятствующіе дыханію. Тогда лошадь начинаетъ тоскливо храпѣть и судорожно трясти головой; она можетъ задохнуться, если проводникъ не счиститъ ледяной коры съ ея ноздрей. На льдистыхъ равнинахъ, гдѣ снѣгу нѣтъ, случается нерѣдко, что копыто лопаетъ. Караванъ всегда бываетъ окруженъ

густымъ облакомъ, образующимся изъ пару, который отдѣляется не только отъ живыхъ тѣлъ, но и отъ снѣгу, ибо здѣсь самый снѣгъ дымится, сжимаясь отъ ужаснаго мороза и такимъ образомъ заключая въ себѣ, сравнительно съ атмосферою, нѣкоторую теплоту. Паръ мгновенно превращается въ милліоны тоненькихъ ледяныхъ иглъ; онѣ наполняютъ весь воздухъ и производятъ въ немъ безпрерывный, легкій шорохъ, похожій нѣсколько на шумъ, который мы слышимъ, раздирая кусокъ атласу или толстой шерстяной матеріи. Даже олень, этотъ вѣчный гражданинъ крайняго сѣвера, ищетъ въ лѣсахъ нѣкоторой защиты отъ страшныхъ морозовъ; на тундрахъ, гдѣ лѣсу нѣтъ, стадо тѣснится какъ можно болѣе, чтобы всѣ согрѣвали другъ друга; часто видишь: густая толпа оленей стоитъ безъ малѣйшаго движенія. Только мрачная птица зимы, воронъ, изрѣдка разсѣкаетъ оледенѣлый воздухъ слабымъ, медленнымъ крыломъ; тонкая полоса пару — слѣдъ, оставляемый ея одинокимъ полетомъ — доказываетъ, что въ ней еще есть немного теплоты. Но неимовѣрная стужа дѣйствуетъ не на одни живыя существа; ея пагубное вліяніе распространяется и на бездушные предметы; ничто не въ силахъ устоять противъ нея. Самые толстые стволы древесные разрываются съ громкимъ трескомъ, который звучитъ въ пустынѣ, какъ сигнальный выстрѣлъ надъ взволнованнымъ моремъ. На тундрахъ и скалистыхъ долинахъ, земля разсѣдается съ шумомъ и сквозь широкія отверзтія, образующія-

ся такимъ образомъ, бѣжитъ изъ сокровенной глубины вода; она дымится и мгновенно превращается въ ледъ. Исполинскія громады скалъ раскалываются; сорванныя съ своего тысящелѣтняго ложа, онѣ низвергаются съ громовымъ рокотомъ и потрясаютъ воздухъ своимъ ужаснымъ паденіемъ. Дѣйствіе такаго холода не ограничивается предѣлами земли. Величавая красота темноголубаго полярнаго неба, которую такъ часто, и иногда по справедливости, восхваляютъ, сокрыта густыми слоями полузастывшей атмосферы. Повременамъ, правда, свѣтятся звѣзды, но тускло ихъ сіянье, лучи ихъ блѣдны, и таинственная, поэтическая прелесть лунной ночи здѣсь не существуетъ. Ужасное однообразіе мертвой природы, одѣтой вѣчнобѣлымъ саваномъ, не представляетъ поэтическому чувству ни малѣйшей пищи. И какое воображеніе, какой огненный талантъ могли бы не оцѣпенѣть тамъ, гдѣ все умираетъ, гдѣ всякое движеніе коснѣетъ, гдѣ послѣдняя жизненная дѣятельность человѣка вся обращается въ животненное стараніе не замерзнуть!» (Ч. II, стр. 239 и слѣд.)

Сколько наши переводы ни уступаютъ подлиннику, все-таки мы смѣемъ надѣяться, что дали читателю возможность судить довольно вѣрно о книгѣ, изданной г. Рихтеромъ. Остается желать, чтобы тоже путешествіе скорѣе и въ столь же блестящемъ видѣ появилось на языкѣ отечественномъ. Нѣмецкое изданіе щеголяетъ и наружностію: оно напечатано тщательно,

прекраснымъ Латинскимъ шрифтомъ на отличной бумагѣ. Въ концѣ сочиненія помѣщены метеорологическія таблицы и ландкарта, изображающая сѣверо-восточную часть Сибири согласно съ новыми географическими открытіями г. Врангеля. Прихотливый читатель могъ бы только пожалѣть, что къ книгѣ не приложено оглавленія, безъ котораго отыскиваніе многочисленныхъ отдѣловъ *путешествія* нѣсколько затруднительно.

Г.

РАЗБОРЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

НОВЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

I.

1. Перерожденіе. *Сочиненіе* Барона Θеодора Корфа. *Въ* 12; 106 *стран.*

За годъ передъ симъ, разбирая одно изъ сочиненій автора книги, которой выписано здѣсь заглавіе, мы сказали (Т. XIII Современ., стран: 62, *перв. нумерац.*): «не одно веселое и легкое составляетъ характеръ его сочиненій; жизнь съ разнообразными своими явленіями и психологическими задачами равно доступна и понятна его таланту.» Нынѣ своимъ новымъ сочиненіемъ онъ ввелъ насъ въ сферу, еще болѣе изумляющую наблюдательный умъ. Какъ Христіанинъ, тронутый до глубины сердца умилитель-

нымъ событіемъ, онъ изложилъ его со всею простотою, и слѣдственно съ истиннымъ величіемъ, какаго требовалъ самый предметъ. Лучшее понятіе объ этой книгѣ можно получить, прочитавъ ея предисловіе. Вотъ оно. «Благочестивый читатель! Представляю тебѣ здѣсь въ краткихъ словахъ простую повѣсть обращенія мусульманина въ Христіанскую вѣру, повѣсть о пришествіи блуждавшей овцы въ стадо Христа Спасителя. Въ нашъ вѣкъ, когда всѣ помыслы людей съ дарованіемъ обращены къ обнаженію гнуснѣйшихъ пороковъ человѣчества, изъ коихъ многіе существуютъ только въ воображеніи сочинителей этихъ басень, тебѣ, можетъ быть, пріятно будетъ, читатель, отдохнуть надъ книжкою, написанною просто, безъ причудъ и безъ натянутыхъ для эффекта сценъ. Да будетъ повѣствованіе сіе тѣмъ, чѣмъ желалъ я его сдѣлать — утѣшеніемъ для несчастныхъ, сомнѣвающихся въ истинѣ вѣры Христовой! Пусть примѣръ мусульманина, добровольно оставившаго вѣру отцевъ своихъ для вѣры Христовой, возбудитъ и въ другихъ чувства любви и смиренія, безъ коихъ Христіанину нѣтъ спасенія.»

2. О естественномъ благочестіи, *или объ обязанностяхъ къ Богу, по ученію разума. Въ* 8; 84 *стран.*

Представляясь въ другой формѣ, сравнительно съ предыдущимъ сочиненіемъ, эта книга совершенно

согласуется съ нимъ въ своей цѣли: она догматически доводитъ васъ до того же убѣжденія, которымъ наполняется душа отъ прежняго повѣствованія. Авторъ изложилъ ее въ двѣнадцати параграфахъ, изъ которыхъ первые четыре содержатъ предварительныя обязанности человѣка, или богопознаніе, а послѣдніе восемь непосредственныя обязанности человѣка.

3. Всѣ Божескія творенія *суть* прекрасны. *Соч.* Ильи Анца. *Въ 8; 16 стран.*

Избранный авторомъ предметъ такъ важенъ и представляетъ ему такое обширное поле, что нельзя не подивиться, отъ чего сочинитель ограничился въ своемъ произведеніи взглядомъ самымъ поверхностнымъ и не обратилъ никакаго вниманія на совершенство изложенія.

4. *Историческіе, философическіе и литературные* афоризмы. *Въ 12; 79 стран.*

Собраніе замѣтокъ и впечатлѣній, естественно раждающихся въ душѣ мыслящаго человѣка, который много читаетъ. Эта небезполезная книжка могла бы сдѣлаться болѣе наставительною, если бы авторъ составилъ ее по какому-нибудь плану и такимъ образомъ придалъ бы ей замѣтное единство. При томъ же выборъ афоризмовъ долженъ быть очень строгъ,

что здѣсь совсѣмъ не соблюдено. Обыкновенное и даже ошибочное перемѣшано съ истиннымъ и любопытнымъ.

5. Лысты до любезныхъ землякивъ. *Соч.* Основьяненка. *Въ* 8; 48 *стран.*

Человѣкъ съ истиннымъ талантомъ до чего ни коснется, всему сообщаетъ жизнь и занимательность; изъ-подъ его пера все является въ назидательность и пользу читателей. Авторъ повѣстей, единственныхъ у насъ нынѣ по оригинальности, простодушію и вѣрности народнаго быта Украйны, обратился съ увѣщаніями къ простолюдинамъ, землякамъ своимъ — и на ихъ нарѣчіи изобразилъ имъ главнѣйшія изъ ихъ обязанностей. Мы, сѣверные Руссы, не можемъ не завидовать, что книга истинно народная, и слѣдственно во всѣхъ отношеніяхъ полезнѣйшая, появилась на языкѣ Руссовъ южныхъ.

*

6. Военная Исторія Россійскаго Государства. *Пять частей. Въ* 8; *въ I*—210, *въ II*—210, *въ III*—87, *въ IV*—162, *въ V*—100 *стран.*

Если бы разсматриваемая нами книга не названа была *исторіею*, а просто выписками изъ разныхъ сочиненій, въ которыхъ говорится о военныхъ дѣй-

ствіяхъ Русскихъ, можно было бы еще совѣтовать издателю осмотрительнѣе пользоваться матеріалами, т. е. взвѣшивать ихъ достоинство и достовѣрность, сохранять нѣкоторую соразмѣрность въ повѣствованіи, соединять части естественнѣе и для повѣрки опираться на источники. Назвавъ исторіею компиляцію, составленную наскоро, безъ малѣйшаго вниманія къ важности предмета, сочинитель поставилъ себя внѣ критики.

7. Взглядъ на исторію Костромы, *составленный трудами* князя Александра Козловскаго. *Въ* 8; *IV и* 203 *стран.*

Въ этой книгѣ хронологически приведены происшествія, въ которыхъ есть какое-нибудь отношеніе къ Костромѣ. Польза подобныхъ предпріятій очевидна. Общей исторіи государства должно предшествовать обработываніе матеріаловъ частныхъ. Надобно только, чтобы въ частныхъ исторіяхъ соединено было все, что отыскать можно въ разныхъ лѣтописяхъ и другихъ источникахъ. Сочинитель исторіи Костромы видимо ограничился однимъ, а именно: сочиненіемъ Карамзина. И такъ онъ избралъ путь совершенно противоположный тому, какой мы предполагаемъ для составленія подобныхъ книгъ: онъ изъ общей исторіи извлекъ частную.

8. **Перенесеніе тѣла князя Багратіона** *на Бородинское поле. Соч.* князя Николая Голицына. *Въ* 12; 12 *стран.*

Подробности, касающіяся до какаго-либо историческаго обстоятельства, и для современниковъ занимательны, а для потомства драгоцѣнны. Сочинитель брошюры, о которой мы говоримъ, составилъ описаніе трогательнаго и въ высшей степени любопытнаго случая. Никто изъ Русскихъ безъ участія не прочтетъ, съ какимъ умиленіемъ провожаемъ былъ прахъ героя Бородина изъ сельской, мирной могилы къ подножію памятника дѣлъ великихъ и безсмертныхъ.

9. **XVII отчетъ по школѣ для бѣдныхъ дѣтей иностранцевъ,** *находящейся въ С. п. бургѣ., за* 1839 *г. Въ* 8; 16 *стран.*

10. **Обозрѣніе учебнаго курса въ Московской практической коммерческой Академіи.** *Въ* 4; 21 *стран.*

*

11. **Прогулка по 12-ти губерніямъ,** *съ историческими и статистическими замѣчаніями, въ* 1839 *году.* Павла Сумарокова. *Въ* 8; 331 *стран.*

Автору этой книги литература наша обязана уже многими сочиненіями, въ которыхъ топографія, статистика, историческія и нравоописательныя замѣтки предложены хотя бѣгло, безъ строгаго порядка, но живо и занимательно. Чтеніе подобныхъ путешествій наводитъ на размышленіе и сообщаетъ художнику-писателю драгоцѣнные матеріалы, вѣрныя краски, на которыя нельзя попасть сидя въ кабинетѣ, и которыхъ нельзя найти въ сухихъ извлеченіяхъ или учебныхъ книгахъ.

12. *Статистическое описаніе* Ямбургскаго уѣзда, *составленное членомъ Ямбургскаго уѣзднаго статистическаго комитета* Александромъ Де-ла-Гарде. *Въ* 8; 52 *стран.*

Въ противоположность предыдущему сочиненію здѣсь преобладаетъ система. Отсюда всѣ сокровища прямо входятъ въ науку. Ихъ много, и всѣ собраны вѣрно. Какъ не пожелать, чтобы цѣлыя губерніи описаны были подобнымъ образомъ!

13. Путеводитель отъ Москвы до Санктпетербурга, *и обратно, сообщающій историческія, статистическія и другія свѣдѣнія о замѣчательныхъ городахъ, мѣстахъ и предметахъ, находящихся на дорогѣ между обѣими столицами. Составилъ и издалъ* И. Д. *Въ* 16; *VI и* 612 *стран.*

Если бы дорога отъ Москвы до С. п. бурга, изученная и описанная столько разъ, уже не сдѣлалась для проѣзжающихъ по ней слишкомъ знакомою и потому мало возбуждающею живое любопытство, мы посовѣтовали бы запастись этимъ сочиненіемъ каждому, отправляющемуся въ путь изъ одной столицы въ другую: такъ оно удовлетворительно во всѣхъ отношеніяхъ. Сожалѣемъ, что случай, вкусъ или нужда не повлекли сочинителя по другому какому-нибудь направленію въ Россіи, гдѣ чувствуется болѣе потребности въ путеводителѣ столь опытномъ и занимательномъ.

14. Поѣздка въ Ревель и Гельсингфорсъ въ 1839 г. *Съ примѣчаніями для посѣщающихъ эти города и съ историческимъ обозрѣніемъ древностей Ревеля. Въ* 12; 114 *стран.*

Судя по заглавію, мы въ этой книгѣ надѣялись найти болѣе новаго и положительнаго. Она составлена поспѣшно, какъ видно, по однимъ мимолетнымъ впечатлѣніямъ, которыя авторъ могъ бы пополнить и подкрѣпить изученіемъ болѣе кабинетнымъ и отчетистымъ.

*

15. *Повѣсти* Марьи Жуковой. Судъ сердца. Самопожертвованіе. Падающая звѣзда.

Мои Курскіе знакомцы. *Двѣ части. Въ 8; въ I—272, во II—283 стран.*

16. Женщина XIX столѣтія. *Романъ. Сочиненіе* Закамскаго. *Двѣ части. Въ* 12; *въ I—268, во II—310 стран.*

17. Михаилъ, великій князь Кіево-Черниговскій, и бояринъ его Θеодоръ. *Сочиненіе* Николая Иванчина-Писарева. *Издано К. М. Оболенскимъ. Въ 8; 47 стран.*

18. Черкесъ. *Романъ.* М. Воскресенскаго. *Четыре части. Въ I—245, во II—242, въ III—219, въ IV—236 стран.*

19. Ермакъ покоритель Сибири. *Историческій романъ. Двѣ части. Въ 8; 119 и 99 стран.*

20. Фантастическія повѣсти и разсказы. *Барона* Брамбеуса (*Дженъ-Ферджани*). *Три части. Въ* 12; *въ I—139, во II—139, въ III—73 стран.*

21. Черная книжка, *или забавный вечерокъ, полусправедливая повѣсть. Въ 12; 41 стран.*

22. Русской ратникъ въ 1812 году, *или Бонапарте среди брани. Сочиненіе самовидца* Θедора Кузмичева. *Въ 12; 94 стран.*

Мы съ намѣреніемъ представили нашимъ читателямъ все, что *въ повѣствовательномъ родѣ* вышло въ публику въ продолженіе послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ. Насъ всегда поражала несоразмѣрность числа книгъ этаго рода съ числомъ другихъ сочиненій. Видимо, что, удовлетворяя пустому любопытству и охотѣ къ разсѣянности, литература вѣрнѣе утверждаетъ права свои надъ читателями. Мы не отыщемъ покамѣстъ другой силы въ этомъ двигателѣ умовъ. Могущества талантовъ и подозрѣвать здѣсь нельзя. Изъ числа осьми поименованныхъ нами сочиненій ни одно не можетъ быть отнесено къ разряду созданій, какъ говорится, геніальныхъ. Одно только первое отличается наблюдательнымъ умомъ автора, живостію сценъ, нѣсколько натуральнымъ языкомъ и другими признаками художественнаго соображенія. Переходя отъ него далѣе, встрѣчаемъ менѣе и менѣе того соблюденія необходимыхъ въ литературѣ условій, безъ котораго книги превращаются въ жалкое празднословіе.

*

23. Запорожцы, *поэма въ двухъ частяхъ, сочиненіе* Д. Фонъ-Лизандера. *Въ* 8; 48 *стран.*

Намъ пріятно обратить вниманіе читателей на книгу, которая по многимъ отношеніямъ можетъ назваться теперь любопытнымъ явленіемъ. Авторъ, для осуществленія мечты своей, выбралъ краски ис-

торическія. Того и требуютъ изящныя искуства по современному о нихъ понятію. Все должно стремиться къ воплощенію истины. Авторъ поэмы «Запорожцы» изучилъ мѣстность и облекъ свои описанія въ ея истинныя красоты. Поэтической языкъ его полонъ жизни, точности и музыки. Видно, что вкусъ его совершенствуется по хорошимъ образцамъ. Мы желаемъ только привлечь его участіе къ одному изъ важнѣйшихъ предметовъ въ художествахъ, который, какъ намъ показалось, онъ не довольно глубоко изучилъ. Разумѣемъ — внутреннюю жизнь эпохи. Въ этомъ предметѣ сливается все, что наиболѣе очаровываетъ читателя. Въ каждой эпохѣ есть у людей свой образъ мыслей, господствующія страсти, желанія, надежды, предпріятія, свой тонъ, языкъ и сила ощущеній. Мы увѣрены, что, избравъ новый предметъ для поэмы, авторъ предварительно тѣснѣе познакомится со всѣмъ, что составляетъ бытъ людей въ извѣстномъ мѣстѣ и эпохѣ, которую онъ долженъ будетъ изображать въ художественномъ отношеніи.

24. Мечты и звуки. *Стихотворенія* Н. Н. *Въ* 8; 103 *стран.*

Собраніе стихотвореній, занимательное не менѣе предыдущей поэмы. Здѣсь не только *мечты* и *звуки*, какъ выразился поэтъ, но и мысли, и чувства, и картины. Книжка, заключающая въ себѣ почти одни лирическія стихотворенія, исполнена разнообразія. Въ

каждой пьесѣ чувствуемъ созданіе мыслящаго ума или воображенія. Наша эпоха такъ скудна хорошими стихотвореніями, что на подобныя явленія смотришь съ особеннымъ удовольствіемъ. У г. Н. Н. замѣтна только нѣкоторая небрежность въ отдѣлкѣ стиховъ: есть неточность въ выраженіяхъ, неправильныя ударенія и другія мелочи, отъ которыхъ легко освободиться при малѣйшемъ вниманіи къ труду.

25. Стихотворенія Николая Богданова. *Въ 12; 50 стран.*

26. Русская сказка, Иванъ-Дуракъ. *Сочиненіе* А. Дмитріева. *Въ трехъ частяхъ. Въ* 12; 116 *стран.*

И здѣсь можно найти удачные стихи; но цѣлое не останавливаетъ на себѣ вниманія. Чувствуешь, что все это родилось отъ подражанія.

*

27. Вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ. *Картина-водевиль въ одномъ дѣйствіи.* Н. С. Соколова. *Въ* 12; 61 *стран.*

28. *Три оригинальные водевиля*: I. Новички въ любви; II. Его превосходительство, или средства нравиться; III. Такъ, да не такъ. *Сочиненіе* Н. А. Коровкина. *Въ* 32; 238 *стран.*

29. Секретарь въ сундукѣ, или ошибся въ расчетахъ. *Водевиль-фарсъ. Въ двухъ дѣйствіяхъ.* М. Р. *Въ 8; 75 стран.*

30. Сцены въ Москвѣ, въ 1812 году. *Народное драматическое представленіе, сочиненное Русскимъ инвалидомъ* И. Скобелевымъ. *Въ 8; 80 стран.*

Изъ всѣхъ пьесъ, для театра написанныхъ и здѣсь исчисленныхъ, одна послѣдняя достигаетъ своей цѣли, т. е. вводитъ читателя или зрителя въ дѣйствительную жизнь той націи, посреди которой изображено дѣйствіе. Драматическое сочиненіе никогда не овладѣетъ нашею душою, если въ немъ мы не почувствуемъ языка, нравовъ и страстей, отличающихъ исключительно тѣ лица, которыя выведены на сцену. Наши драматическіе писатели по большой части изображаютъ въ пьесахъ своихъ не то, что характеризуетъ людей, избираемыхъ ими въ извѣстномъ дѣйствіи, но то, что сами они думаютъ или помнятъ изъ прочитаннаго. Мы остаемся въ прежнемъ убѣжденіи, что, не изучивъ народа и не усвоивъ его индивидуальности, невозможно и думать о прочномъ успѣхѣ драматическихъ сочиненій.

*

31. Фразеологія Англійскаго языка, *или собраніе употребительнѣйшихъ изрѣченій, изданное* Яковомъ Гердомъ. *Въ 12; IV и 218 стран.*

32. **Руководство къ изученію Испанскаго языка.** Якова Рута, *библіотекаря* **Императорскаго** *С. п. бургскаго Университета. Въ* 8; 287 *стран.*

Первое изъ сихъ сочиненій есть начало полнаго курса для изученія Англійскаго языка: въ-слѣдъ за фразеологіею выйдутъ еще три части: этимологія и словосочиненіе, постепенныя упражненія для перевода съ Русскаго на Англійскій языкъ, и наконецъ ключь къ упражненіямъ и избранные уроки для чтенія. Метода совершенно практическая: она очень облегчаетъ успѣхи. Второе сочиненіе представляетъ полную систему для желающихъ узнать языкъ Испанскій. Въ немъ также много уроковъ практическихъ. Насъ особенно радуетъ распространеніе средствъ къ изученію самыхъ богатыхъ и къ сожалѣнію такъ мало еще извѣстныхъ у насъ литературъ.

33. **Дѣтскій мозаикъ,** *составленный изъ легкихъ повѣстей, описаній достопримѣчательныхъ мѣстъ и занимательныхъ предметовъ натуральной исторіи. Въ* 32; 94 *стран.*

34. **Дѣтскій минералогическій кабинетъ,** *книга, заключающая въ себѣ приспособленное къ дѣтскимъ понятіямъ описаніе земель, камней, солей,*

горючихъ веществъ и металловъ. А. Кислова. *Въ* 16; 63 *стран.*

Въ литературѣ для поколѣнія, начинающаго образоваться, не много найдется сочиненій, которыя бы такъ хорошо были обдуманы и исполнены, какъ приведенныя здѣсь книги. Ими должны воспользоваться родители и наставники. Первую можно принять въ число книгъ, назначаемыхъ дѣтямъ для собственнаго ихъ чтенія, а вторую руководствомъ для начальнаго изученія минералогіи.

35. Подарокъ нашимъ дѣтямъ. *Издали* Александръ и Софья Грены. *Въ* 16; 181 *стран.*

36. Миніатюрный альбомъ для дѣтей.

37. Подарокъ моему сыну въ день его рожденія. *Изд.* Кармазинъ. *Въ* 64; 50 *стран.*

38. Подарокъ на новый годъ. *Двѣ сказки* Гофмана *для большихъ и маленькихъ дѣтей. Въ* 16; 320 *стран.*

Въ этомъ числѣ *дѣтскихъ подарковъ* лучшимъ назвать должно послѣдній.

*

39. **О символизмѣ права вообще и Русскаго въ особенности.** *Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи* **Императорскаго** *С. п. бургскаго Университета ординарнымъ профессоромъ, докторомъ правъ,* Петромъ Колмыковымъ. *Въ 8; 93 стран.*

Сочиненіе, приведенное нами, можетъ служить лучшимъ доказательствомъ, какой пользы ожидать надобно отъ изданія актовъ, собранныхъ Археографическою экспедиціею, и теперь издаваемыхъ Археографическою коммиссіею. Въ нихъ сохраняются драгоцѣнные матеріалы для пополненія и оживленія всѣхъ отраслей ученаго образованія. Г. Колмыковъ, посвятившій себя изученію науки правъ, почерпнулъ изъ актовъ любопытнѣйшія свѣдѣнія о символахъ, которыми наша древность иногда облекала юридическіе случаи. Познаніе символовъ права сообщаетъ наукѣ особенную ясность и вводитъ насъ въ точнѣйшее представленіе понятій и соображеній предковъ нашихъ. Тѣмъ болѣе достойно вниманія и уваженія сочиненіе г. Колмыкова, что предметъ своей рѣчи, совершенно новый въ литературѣ нашей, онъ обнялъ съ самыхъ занимательныхъ сторонъ и вошелъ въ него съ полнымъ знаніемъ дѣла.

40. **Рѣчи,** *говоренныя на торжественномъ актѣ въ Московской практической Академіи воспитанниками оной. Въ 4; 78 стран.*

41. **Рѣчи**, *произнесенныя въ торжественномъ собраніи Московской 1-й гимназіи. Въ 4.*

42. **Петербургскіе критики и Русскіе писатели.** *Нѣсколько мыслей о современномъ состояніи Русской литературы въ отношеніи къ критикѣ. Въ* 12; 70 *стран.*

Такъ-какъ въ рѣчахъ, произнесенныхъ въ Москвѣ, и въ критикахъ, сочиняемыхъ въ Петербургѣ, по нашему мнѣнію, все очень естественно, то мы и не считаемъ за необходимое о нихъ распространяться. Что же касается до Русскихъ писателей, они, по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, не читаютъ тѣхъ критикъ, о которыхъ упоминаетъ авторъ брошюры— слѣдственно нѣтъ и причины ставить ихъ въ параллель съ Петербургскими критиками.

*

43. **Сводъ военныхъ постановленій.** *Въ* 8. *Двенадцать томовъ. I*—312 *и* 80; *II*—497 *и* 384; *III*—360 *и* 64; *IV*—713 *и* 527; *V*—468 *и* 220; *VI*—294 *и* 35; *VII*—232 *и* 441, 200 *и* 280; *VIII*—260 *и* 283; *IX*—334 *и* 62; *X*—446 *и* 176, 172 *и* 252; *XI*—206 *и* 745; *XII*—160 *и* 6, 201 *и* 32.

44. **Общее оглавленіе Свода военныхъ постановленій.** *Въ* 8; 333 *стран.*

Въ Сводѣ военныхъ постановленій заключаются всѣ законы, относящіеся до военнаго управленія и судопроизводства. Онъ принялъ дѣйствіе въ Имперіи съ 1 Генваря нынѣшняго 1840 года. I часть Свода содержитъ въ себѣ образованіе военныхъ учрежденій; II-я уставъ о службѣ по военному вѣдомству вообще; III-я наказъ войскамъ; IV-я уставъ хозяйственный, а V-я уставъ военно-уголовный.

*

45. *Курсъ чистой математики.* Ч. I. Ариѳметика. *Сочиненіе* В. Левтеропуло, *магистра математическихъ наукъ. Въ* 8; 108 *стран.*

46. Новое алгебраическое доказательство дробныхъ исчисленій, Владиміра Еропкина. *Въ* 8; 13 *стран.*

По заглавію перваго сочиненія видно, что это начало полнаго курса математики. Ариѳметика изложена въ хорошей системѣ и ясно. Въ другомъ сочиненіи ничего нѣтъ новаго — въ противность его заглавію.

*

47. Полная бухгалтерія, или счетная наука, *составленная* Кларкомъ и Нѣмчиновымъ *въ*

трехъ частяхъ. Съ дополненіемъ. Содержащая въ себѣ: правила бухгалтеріи купеческой, мануфактурной, заводской и сельской, и основанія канцелярскаго счетоводства; правила купеческаго письмоводства; толкованіе иностранныхъ монетъ, мѣръ, вѣсовъ и вексельнаго курса, съ таблицами вычисленія процентовъ на капиталы; составленная для веденія книгъ на основаніи Высочайше *утвержденнаго повсемѣстнаго курса на серебро. Въ 4; въ I—X и 327; во II—XVI и 156; въ III—IV и 274; въ дополненіи 44 стран.*

48. Табель переложенія денегъ *съ ассигнацій на серебро, и съ серебра на ассигнаціи, по курсу въ 3 р. 50 к.*

49. Карманная книжка для скорѣйшаго расчета *ассигнацій на серебро и всѣхъ Россійскихъ и иностранныхъ монетъ на серебро и ассигнаціи, отъ копѣйки и до 1.000.000 руб.,* и проч. *Составленная* У. Карповичемъ. *Въ 32; VI и 275 стран.*

50. *Новая карманная* книжка о цѣнности Россійской и иностранной монеты, *о почтовой вѣсовой таксѣ и о прогонныхъ и поверстныхъ деньгахъ, опредѣленныхъ* Высочайшимъ *манифестомъ 1. Іюля 1839 г. и Указомъ 3 Декабря 1839. Составленная* Ѳ. Н—мъ. *Въ 16; 22 стран.*

*

51. *Учрежденіе, призы и уставъ о скачкахъ и бѣгахъ* Тульскаго общества конскихъ ристаній. *Въ 12; 18 стран.*

52. *Описаніе недавно открытаго и выгоднаго* способа откармливать скотину, *употребляя почти вдвое менѣе корма противъ прежняго. Въ 8; 15 стран.*

53. *Домашній фабрикантъ, или наставленіе* какъ красить шерсть нелинючими красками. *Въ 12; 21 стран.*

54. О дѣланіи стеариновыхъ свѣчь, *какъ въ большомъ видѣ, такъ и для домашняго употребленія. Въ 12; 21 стран.*

55. Описаніе практическаго употребленія настоящаго дагеротипа. *Съ 23 фигурами, изображающими всѣ снаряды, принадлежащіе къ производству опытовъ. Въ 12; 24 стран.*

56. Свѣтопись *по методѣ Гг. Тальбо и Лассена, или тотъ же дагеротипъ въ простѣйшемъ видѣ. Въ 8; 12 стран.*

57. Руководство къ управленію имѣніями. *Соч.* А. Вонляръ-Лярскаго. *Просмотрѣнное С. М.*

Усовымъ. Книга для помѣщиковъ и управителей. Въ 8; IV и 136 стран.

Изъ всѣхъ сочиненій, обнимающихъ разныя отрасли хозяйства и технологіи, мы считаемъ особенно полезною послѣднюю книгу. Она приводитъ зыбкую науку къ началамъ общимъ, и потому ея указаніями всѣмъ можно пользоваться, не смотря на различіе обстоятельствъ, въ которыхъ находятся помѣщики или ихъ управляющіе имѣніями.

58. *Практическій и теоретическій* трактатъ о водобоязни. *Сочиненіе* г. Марокетти, Императорскаго *театральнаго училища доктора. Двѣ части. Въ 8; въ I—X и 81, а во II—114 стран.*

59. *Способъ* выпиливанія костей *помощію Гейнова остеотома, съ объясненіемъ механизма и употребленія важнѣйшихъ частей этаго инструмента, описалъ* Иванъ Релицкій. *Въ 8; VI и 112 стран. Съ 5-ю литографир. рисунками.*

60. *Изслѣдованіе* патологическихъ свойствъ воспаленія легочной и сосѣднихъ ея тканей, *съ приложеніемъ къ діагностикѣ и терапевтикѣ. Профессора* г. Сокольскаго. *Въ 8; 125 стран.*

Каждое изъ сихъ сочиненій представляетъ много новыхъ наблюденій и опытовъ, и потому ихъ

изданіе приноситъ существенную пользу медицинской литературѣ.

*

61. Фортепіанная метода, *составленная Л. А. С. по руководству Гуммеля, Гюнтена, Калькбреннера, Мошелеса, Черни и Герца, и при ней словарь музыкальныхъ терминовъ и знаковъ, и біографіи знаменитыхъ композиторовъ. Два тома. Въ* 8; *въ I* — 188, *а во II* — 50 *стран.*

62. Новѣйшая фортепіанная метода, *по правиламъ всѣхъ лучшихъ фортепіанистовъ, приспособленная и для самоучащихся, а особенно Русскихъ. Составлена* Ѳ. Дробишемъ и О. Гунке. *Въ листъ;* 75 *стран. Съ чертежами.*

Пособія, прекрасно составленныя для начинающихъ, особенно послѣднее.

63. Изученіе бальныхъ танцевъ. *Сочиненіе* А. Максина. *Съ рисунками и нотами для фортепіано. Въ* 8; 46 *стран.*

64. Тѣнь, *балетъ въ трехъ дѣйствіяхъ, сочин. балетмейстера* г. Тальони. *Въ* 8; 22 *стран.*

*

65. **Гадательный альбомъ** *для забавнаго препровожденія времени. Соч. и рис.* Иванъ Ларіоновъ Тихомировъ. *Гравировалъ* Л. Самахинъ.

66. **Дѣтское лото** *съ 8-ю таблицами, по которому всякой, игравшій въ оное, можетъ легчайшимъ образомъ выучить начальныя слова полной Русской и Французской азбуки. Въ* 12; 8 *стран.*

*

67. **Одесскій альманахъ на 1840 годъ.** *Въ* 16; 708 *стран.*

68. **Невскій альбомъ,** *издаваемый* Николаемъ Бобылевымъ. *Годъ второй. Въ* 16; 345 *стран.*

Участіе многихъ литераторовъ трудами ихъ въ наполненіи этихъ сборниковъ доставило обѣимъ книжкамъ занимательность и разнообразіе.

II.

69. **Нѣкоторыя изъ забавъ отдохновенія,** *или бесѣда съ современниками и потомствомъ, въ* 1838 и въ 1839 году. Николая Назарьевича Муравьева, *тайнаго совѣтника.* Ч. XIII. *Въ* 8; 376 *стран.*

70. **Очерки Россіи,** *издаваемые* Вадимомъ Пассекомъ. **Книжка** II. *Въ* 8; 216, 28 *и* 4 *стран.*

71. Русскія преданія. Третья книжка, *изданная* М. Н. Макаровымъ. *Въ* 12; 56 *стран.*

72. Описаніе Санктпетербурга *и уѣздныхъ городовъ С. Петербургской губерніи.* Ивана Пушкарева. Часть II. *Въ* 8; 416 *и VIII стран.*

73. Начальное чтеніе *для образующагося юношества.* Отдѣленіе второе. *Въ* 8; 197 *стран.*

74. Практическая перспектива *съ чертежами для живописи, сочиненная художникомъ по живописноисторическому отдѣленію С. Петербургской* Императорской *Академіи художествъ* Александромъ Ястребиловымъ. Часть II .*Въ* 8; 90 *стран.*

75. *Очерки произведеній* живописи, скульптуры, архитектуры и гравированія. *Изданіе* К. Тромонина. Тетради: III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI и XII. *Въ* 4.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ.

I.

1. *Общественная и частная* жизнь въ Европейскихъ городахъ среднихъ вѣковъ. К. Д. Гюльманна. Переводъ съ Нѣмецкаго. *Въ* 8; 296 *стр.*

И выборъ и исполненіе приносятъ честь переводчику. Изученіе исторіи только тогда и доставляетъ намъ существенную пользу, когда воскресаетъ передъ нами жизнь прошедшихъ вѣковъ со всѣми своими оттѣнками и переливами свѣта. Въ сочиненіи Гюлльманна не сухой расказъ главныхъ событій, а развитіе гражданственности и успѣховъ общежитія.

*

2. *Объясненіе* хронографической таблицы, *представляющей послѣдовательное вступленіе на престолъ императоровъ и королей въ XX государствахъ, отъ начала Христіанской вѣры до нашихъ временъ, составленной по плану и методѣ г. Язвинскаго, А. Ждановичемъ. Перевелъ* съ Польскаго языка *и сдѣлалъ нѣкоторыя прибавленія* Р. Никулинъ. *Въ 8; 47 стр.*

Прекрасное пособіе для повторенія исторіи, для соображеній и вообще для того, чтобы собранные въ памяти факты по обстоятельствамъ удобно приспособлять къ предполагаемой цѣли.

3. Исторія философіи древнихъ временъ. *Сочиненіе* Генриха Риттера. Съ Нѣмецкаго. *Часть I. Въ 8; XXIV и 584 стран.*

Въ нашъ вѣкъ изученіе философіи путемъ историческимъ едва ли не полезнѣе изученія дидактическаго. Передъ нашими глазами столько уже системъ возникло и замѣнено другими, что ихъ изложеніе и сравненіе обнимутъ всѣ начала и всѣ выводы, около которыхъ столько вѣковъ подвизается высокая любознательность. Такимъ образомъ переводъ творенія Риттера, профессора Берлинскаго университета, надобно признать предпріятіемъ своевременнымъ и вполнѣ заслуживающимъ благодарность.

4. Записки князя Таллерана-Перигора *и проч., собранныя и изданныя графинею О...дю К..., сочинительницею записокъ одной знатной дамы.* Съ Французскаго. *Ч. I и II. Въ* 8; *въ* 1—193, *во II*—182 *и V стран.*

Во Франціи подобныя книги издаются наскоро. Положительныхъ литературныхъ достоинствъ никто отъ нихъ и не ожидаетъ. Сметливые промышленники, пользуясь обстоятельствами, достигаютъ своей цѣли—т. е., обильнаго сбыту. И у насъ не безъ расчетливыхъ людей. Новости переводятъ поспѣшно. Можно до нѣкоторой степени вообразить, что за книга выйдетъ, которую и сочиняютъ и переводятъ подъ вліяніемъ такаго двигателя дарованій!

*

5. Гласъ пастыря, *или бесѣда священника съ своими прихожанами. Въ* 8; 309 *стран.*

Эти проповѣди, переведенные съ Французскаго языка, отличаются особенною простотою въ изложеніи истинъ Христіанскаго правоученія.

6. Призваніе женщины. *Съ Англійскаго. Въ* 12; 252 *стран.*

Все, что ни получила женщина прекраснаго и высокаго отъ природы, отъ положенія въ семействѣ и общественныхъ отношеній, все изображено здѣсь краснорѣчиво и доступно хотя нѣсколько образованному читателю. Переводчикъ, сохранившій прелесть подлинника, украсилъ свою книгу увлекательнымъ отрывкомъ изъ неизданнаго стихотворенія В. Г. Бенедиктова.

7. *Разговоры Эмиліи* о нравственныхъ предметахъ. Съ Французскаго. *Въ* 12; 275 *стр.*

Довольно сухое изложеніе общихъ мѣстъ.

8. *Новый Перольтъ или собраніе* волшебныхъ сказокъ *въ пользу дѣтей.* Съ Французскаго. *Въ* 16; 156 *стран.*

Съ своими волшебными сказками и съ большимъ талантомъ Перольтъ не всегда полезенъ былъ для дѣтей: что же будетъ для нихъ Перольтъ новый, безъ таланту стараго?

*

9. *Отряды* позвоночныхъ животныхъ, *изложенные Мильнъ-Эдвардсомъ, переведенные и дополненные* А. Карпинскимъ. *Въ* 8; 196 *стран.*

Предметомъ разсматриваемой нами книги служатъ *млекопитающія* и *птицы*.

10. Простонародный химикъ, *или собраніе рецептовъ для составленія разныхъ жидкостей, съ присовокупленіемъ наставленій для всякаго понятныхъ, и способовъ, какъ растворять вещества и составлять эссенціи для дѣланія ликеровъ безъ дистиллированія. Сочиненіе доктора Ѳедора Герина. Перевелъ* съ Французскаго Николай Грабовскій. *Въ* 12; 73 *и VII стран.*

Ничего нѣтъ неестественнѣе, какъ *химикъ простонародный*, если послѣднее слово означаетъ человѣка, наукою неприготовленнаго къ дѣлу.

11. *Способъ предохранять себя отъ* апоплексическаго удара. Съ Французскаго. *Въ* 12; 40 *стран.*

Здѣсь за новость предлагаютъ воздержаніе въ пищѣ, питіи и умѣренное движеніе.

12. Леченіе водою для разслабленныхъ, *и проч. Составилъ Д. Христіанъ Риттеръ. Перев.* съ Нѣмецкаго. *Въ* 8; 58 *стран.*

13. Совѣты при леченіи водою, *и проч. Составилъ В. Эрнестъ Май. Перев.* съ Нѣмецкаго, *Въ* 12; 87 *стран.*

Кто рѣшился избрать холодную воду единственнымъ своимъ лекарствомъ; тому совѣтуемъ запастись обѣими этими книгами: одна будетъ пояснять другую.

14. Практическая механика, *и проч. Соч. А. Морена.* Съ Французскаго. *Перев.* Олышевъ 3-ii. *Часть I. Въ* 8; 196 *стран. Съ* 4-*мя чертежами.*

Послѣ объясненія терминовъ, принятыхъ въ наукѣ, говорится о движеніи и истеченіи упругихъ жидкостей, о силѣ теченія воды, о гидравлическихъ колесахъ, о вѣтреныхъ мѣльницахъ и маховыхъ колесахъ.

II.

15. Исторія Европейской литературы XV и XVI столѣтій. *Генриха Галлама. Переводъ* съ Англійскаго, Ѳ. Чижова. Часть II. *Примѣчанія и дополненія. Въ* 8; *IV и* 244 *стран.*

16. Живописное путешествіе по Азіи, *составленное* на Французскомъ языкѣ *подъ руководствомъ Эйріе, и украшенное гравюрами. Переводъ* Е. Корша. *Изданіе Ширяева.* Томъ III. *Въ* 8; 223 *стран.*

17. Записки Герцогини Абрантесъ, *и проч. Пер.* съ Французскаго. Ксенофонтомъ Полевымъ. Томъ XVI. *Въ* 8; 331 *стран.*

18. *Библіотека романовъ, повѣстей и путешествій, издаваемая книгопродавцемъ* Н. Н. У. Выпускъ второй. I. Слѣпая; *повѣсть Суме.* II. Гостинница трехъ елей; *соч.* Ройе. Съ Французскаго. *Въ* 12; 156, *XVIII и* 94 *стран.*

19. *Библіотека избранныхъ романовъ и повѣстей, и любопытнѣйшихъ путешествій, издаваемая книгопродавцемъ* Н. Н. Улитинымъ. Предпослѣднее странствованіе Семилассо по свѣту. *Сны и существенность. Извлеченіе изъ бумагъ покойника. Сочиненіе князя Пюклеръ-Маскау. Ч. IV. Европа.* Томъ четвертый. *Въ* 12; 138; *стран.*

20. *Библіотека избранныхъ романовъ и проч.* Томъ XIX — XXIII. Рейнскіе пилигримы. *Четыре Части. Въ* 12; 130, 142, 120 *и* 131 *стран.*

*

21. Полный курсъ чистой математики, *сочиненіе* Франкера. Ч. II. Съ Французскаго. *Въ* 8; 827 *стран. Съ двумя чертежами.*

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ.

I.

1. Очерки Русской литературы. *Сочиненіе* Николая Полеваго. *Двѣ части. Въ* 8; *XLIII и* 456, 510 *стран.*

Сочинитель перепечаталъ здѣсь свои разборы разныхъ книгъ, которыя, по обязанности журналиста, долженъ былъ разсматривать. Не имѣвши возможности слѣдовать въ трудахъ своихъ какой-нибудь системѣ, кромѣ порядка времени, какъ одна за другой появлялись книги въ печати, онъ и собранію своихъ критикъ не сообщилъ ничего систематическаго, такъ-что книгу его можно справедливо назвать отдѣленіемъ какаго-нибудь журнала. Воззрѣніе на предметы литературы и самый образъ выраженія мыслей заимствованы авторомъ изъ критическихъ статей но-

вѣйшей Французской школы. По этому онъ чаще и болѣе говоритъ о постороннихъ обстоятельствахъ, нежели о самомъ дѣлѣ. Въ книгѣ г. Полеваго есть одна статья, которая въ первый разъ напечатана: «нѣсколько словъ отъ сочинителя.» Здѣсь онъ, въ подражаніе Ж. Ж. Руссо, вошелъ въ подробности о своихъ первыхъ годахъ жизни, вѣроятно предполагая тѣмъ облегчить трудъ будущему сочинителю его біографіи.

2. Исторія философіи. Архимандрита Гавріила. Изданіе второе, съ перемѣнами. *Часть I. Въ 8; 175 стран.*

3. Басни Ивана Хемницера. *Въ трехъ книгахъ.* Изданіе шестнадцатое. *Съ портретомъ автора. Въ 64; XX и 229 стран.*

4. Конёкъ-горбунокъ, *русская сказка. Сочиненіе* П. Ершова. *Въ трехъ частяхъ.* Изданіе второе. *Въ 8; 120 стран.*

5. Статистика Европейскихъ государствъ въ нынѣшнемъ ихъ состояніи. *Заслуженнаго профессора* Е. Зябловскаго. Третіе изданіе. *Ч. I. Иждивеніемъ Ильи Глазунова. Въ 8; 285 стран.*

6. *Руководство для родителей, желающихъ* опредѣлить малолѣтнихъ дѣтей въ военно-учебныя заведенія, *и проч.* Изданіе второе, *дополненное и исправленное согласно распоряженіямъ, состоявшимся по 1 Сентября 1839 года. Въ 8; XXX и 316 стран.*

*

7. Другъ дѣтей, *книга для первоначальнаго чтенія.* Изданіе третіе. *Сіе сочиненіе составлено инспекторомъ казенныхъ училищъ С. П. бургскаго учебнаго округа* П. Максимовичемъ *и одобрено Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для употребленія въ подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеніяхъ. Въ 8;* 141 *стран.*

8. *Краткое* начертаніе всеобщей исторіи, *сочиненное заслуженнымъ Профессоромъ* Иваномъ Кайдановымъ. Девятое, *значительно исправленное* изданіе. *Въ* 8; VII и 115 *стран.*

9. Латинская этимологія. *Составленная* Густавомъ Вульфомъ, *и проч.* Изданіе второе. *Въ* 12; 92 *стран.*

10. Курсъ чистой математики, *составленный, по порученію Беллавена, профессорами математики: Аллезомъ, Билли, Пюисаномъ и Будро. Съ Франц.*

Перевелъ, значительно измѣнилъ и пополнилъ П. Погорѣльскій. Изданіе четвертое. *Въ* 8; 180 *стран.*

11. *Руководство къ* ариѳметикѣ *для употребленія въ уѣзд. училищ. Рос. Имперіи; одобрено Деп. Мин. Просвѣщ.* Изданіе пятое. *Часть 1. Въ* 12; 79 *стран.*

12. Азбука *для малолѣтныхъ дѣтей, и проч.* А. К. Изданіе второе. *Въ* 12; 48 *стран.*

*

13. *Описаніе вновь изобрѣтеннаго способа къ* устроенію риги, *и проч. Съ чертежами.* Изданіе второе. *Въ* 12; 30 *стран.*

II.

14. Дѣянія Петра Великаго. *Сочиненіе* И. И. Голикова. Томъ XI. Изданіе второе. *Въ* 8; 507 *и XVII стран.*

POST-SCRIPTUM.

Изданія не въ опредѣленный срокъ выходящія, о которыхъ объявлено было въ XVII т. Современника на 86 стран. *первой нумераціи*, появились уже въ печати. Словаря Русскихъ синонимовъ вышло двѣ книжки, а Маяка три.

ПОВѢСТИ.

УКРАИНСКІЕ ДИПЛОМАТЫ.

Петру Васильевичу Зворыкину.

Сколько могу припомнить, 21-е число Іюня мѣсяца не ознаменовано никакимъ событіемъ ни въ древней, ни въ новой, ни во всеобщей, ни въ Русской исторіяхъ, въ поллиста и въ осьмушку печатанныхъ. Тысяча восемсотъ тридцать второму году предназначено было поставить сей день въ число достопамятныхъ. Въ теченіе сего навсегда замѣтнаго дня, въ 20-й минутѣ двенадцатаго часа до полудня, при ясномъ, безоблачномъ небѣ, при +20° Р., дворовые гуси Никифора Омельяновича Тпрунькевича, не бывъ никѣмъ водимы, наставляемы, научаемы, подгоняемы и побуждаемы, сами собою, добровольно и самоуправно, всего счетомъ 13 гусей сѣрыхъ и бѣлыхъ, обоихъ половъ и различнаго возраста, перешли съ полей

владѣльца своего и взошли на землю, принадлежащую Кирилу Петровичу Шпаку, засѣянную собственнымъ его овсомъ. Если бы только взошли, походили, погуляли и возвратилися на земли господина своего, то оно бы и ничего: никто бы не узналъ, не произошло бы ничего важнаго, и день сей, подобно-какъ и нѣкоторые другіе, остался бы надолго незамѣченнымъ во всѣхъ исторіяхъ; но судьба хотѣла иначе.

Извѣстно, что гуси тварь глупая, непонимающая вовсе ничего, а потому незнающая и о неприкосновенности къ чужому достоянію; о страстяхъ же человѣческихъ гуси ни отъ кого не слыхали и понятія не имѣютъ. И потому сіи тринадцать гусей, взойдя на земли Кирила Петровича Шпака̀ и увидя на нивѣ зеленѣющую траву еще растущаго овса, принялися самоуправно выщипывать ее, не по выбору, а всплошь. На-бѣду сихъ гусей шелъ въ то время дворовый человѣкъ Кирила Петровича Шпака́ чрезъ поля господина своего, увидѣлъ проступки ихъ, выгналъ изъ нивы и погналъ прямо на барскій дворъ все-таки своего господина. Кирилъ Петровичь узналъ, въ чемъ дѣло, и какъ былъ темперамента холерическаго, въ чемъ увѣрился, отыскавъ по Брюсову календарю планету, подъ коей родился, то, не размышляя долго и не сообразивъ послѣдствій, приказалъ тѣхъ гусей побить... да, именно всѣхъ тринадцать гусей, принадлежащихъ не ему, а Никифору Омельяновичу Тирунькевичу. Бѣдные гуси! Памятно имъ будетъ 21 Іюня....

Но и Кирилъ Петровичь Шпакъ по-вѣкъ не забудетъ его!.... А именно, вотъ какія послѣдствія произошли.

На другой день достопамятнаго 21-го числа, узнавъ о происшествіи съ гусями, Никифоръ Омельяновичь Тпрунькевичь приказалъ купить три листа гербовой бумаги 50-копѣечнаго достоинства, написалъ ужасно-пространную просьбу, въ коей подробно изложилъ, что близкій его сосѣдъ по имѣнію, Кирилъ Петровичь Шпакъ, утѣсняетъ его, Тпрунькевича, яко мелкопомѣстнаго и дѣлаетъ ему разныя неслыханныя обиды, ежегодно, ежемѣсячно, ежедневно и ежечасно, и наконецъ описано самоуправное взятіе съ полей его, Тпрунькевича же, тринадцати гусей и безжалостное побитіе ихъ. Тутъ въ подробности изочтенъ весь могущій быть приплодъ отъ сихъ тринадцати гусей, польза отъ мяса, потроховъ, перья и пуху съ нихъ, и обстоятельно выведена сумма въ сложности десятилѣтняго дохода съ процентами, и въ таковой суммѣ подано исковое прошеніе.

Кирилъ Петровичь не плошалъ. Онъ былъ въ этой части опытенъ. Купилъ шесть листовъ бумаги такаго же достоинства и написалъ прошеніе еще ужаснѣе, нежели Тпрунькевичево. Тутъ изложены были всѣ дерзости Никифора Омельяновича противъ него Кирила Петровича, личныя неуваженія, насилія по имѣнію, съ давнихъ временъ имъ производимыя безнаказанно, и что, между прочихъ притѣсненій сего владѣльца и

подвластныхъ ему, даже самые гуси его рѣшились нанести и нанесли ему обиду, выбивъ у него овса десять десятинъ; доходъ съ нихъ вычисленъ аккуратно и приведенъ въ сложность за десять лѣтъ также съ «проценты». Сумма иску вышла гораздо значительнѣе, нежели у Никифора Омельяновича Тпрунькевича.

Само по себѣ разумѣется, что дѣло возгорѣлось сильно. Пошли слѣдствія, свидѣтельствованія, справки, обыски; кромѣ того, что не одинъ разъ каждый изъ спорящихся обязанъ былъ на свой счетъ поднимать судъ, призывать понятыхъ и угощать всѣхъ ихъ, но и писаніе прошеній и отзывовъ чрезвычайно умножилось — и уже спорящимся надоѣло тягаться. И какъ не надоѣсть, когда еще съ начала дѣла до 1837 года не приведено было въ ясность, что потерпѣла одна сторона чрезъ потравку овса въ полѣ отъ 13-ти гусей, а другая отъ потери сихъ самыхъ гусей! Вотъ, какъ обоимъ надоѣло писать и отписываться, зазывать судъ и понятыхъ и угощать ихъ, то уже обѣ стороны начали поговаривать о »примиріи« между собою. Какъ вдругъ, неизвѣстно только котораго числа 1837 года, въ день неблагопріятный для Кирила Петровича Шпакà, явился къ Никифору Омельяновичу Тпрунькевичу человѣкъ съ предложеніемъ написать новое прошеніе и быть по тому дѣлу повѣреннымъ. Онъ увѣрялъ при томъ, будто бы Кирилъ Петровичъ отъ того прошенія такъ струситъ, что

поспѣшитъ миромъ прекратить дѣло, заплатя искомую сумму «со всѣми проторы и убытки, проѣсти и волокиты».

Восхищенный Никифоръ Омельяновичь ухватился за совѣтъ благодѣтельнаго повѣреннаго, заключилъ съ нимъ условіе, по коему обязался платить условленную сумму, до окончанія дѣла содержать его на своемъ столѣ, возить въ своемъ экипажѣ, выдавать особо на расходы по дѣлу, и сверхъ того снабжать »отсыльною провизіею« семейство повѣреннаго. Прошеніе было изготовлено, подписано и подано.... И что же узналъ Кирилъ Петровичь Шпакъ? Во-первыхъ, въ томъ прошеніи именуютъ его попрежнему, противъ чего онъ уже возражалъ неоднократно, не Кириломъ, какъ слѣдуетъ, а Кирилою, въ явную насмѣшку; а во-вторыхъ добавлено, »что Кирила Петровичь взвелъ сіе дѣло на Тпрунькевича отъ праздной жизни, подобно-какъ дѣлали предки его и самъ родоначальникъ ихъ, занимавшійся однимъ ловленіемъ шпаковъ, т. е. скворцевъ, отъ каковаго занятія дано имъ и прозваніе, а частію и потому, что оный г. Шпакъ одаренъ глупостію, подобно твари, птицѣ шпаку, отъ чего онъ и есть естественный шпакъ.

Это взорвало до крайности Кирила Петровича. Оставя читать газеты, онъ »благимъ матомъ« пустился въ самый Черниговъ; хотя потратилъ много денегъ, но досталъ изъ Малороссійскаго архива всѣ выписки

и доказательства, кто именно были Шпаки, чѣмъ отличились предъ ясновельможными гетьманами, и по какому случаю дана имъ сія фамилія и гербъ, въ которомъ ясно изображенъ «спѣвающій шпакъ» т. е. скворецъ поющій, имѣющій разинутый ротъ. Пріобрѣтя таковыя драгоцѣнности, онъ нашелъ еще и кладъ: приговорилъ повѣреннаго, имѣющаго даръ писать прошенія не черня, на-бѣло прямо, и могущаго расплодить дѣло на нѣсколько отраслей и вести процессъ хоть пятьдесятъ лѣтъ. Знаменитый адвокатъ былъ Хвостикъ-Джмунтовскій.

Этотъ благодатный повѣренный принялся за дѣло. Опровергнувъ всю клевету Тпрунькевича на Шпака́ чисто, ясно и аргументально, онъ началъ выводить производство фамиліи Тпрунькевичей; и какъ первоначальный въ ней слогъ есть «тпру», то и полагалъ онъ, что родоначальникъ его происхожденіемъ своимъ обязанъ коню, на коего кричатъ «тпру», или «уповательно» родоначальникъ былъ Цыганъ, коноводъ и проч., и проч. и такаго написалъ въ томъ прошеніи, что Никифоръ Омельяновичъ чуть не лопнулъ съ досады, перечитывая это прошеніе. Въ заключеніе Кирилъ Петровичъ, или его повѣренный, просилъ суда о личной ему и всему роду обидѣ и удовлетвореніи его, за каждаго обруганнаго предка, безчестьемъ противу ранга каждаго, коимъ онъ приложилъ и именной списокъ съ показаніемъ службы и должностей ихъ.

Вотъ тутъ-то закипѣло дѣло! Слѣдствіе объ овсѣ и гусяхъ, яко о тваряхъ неразумныхъ — оставлено впредь до разсмотрѣнія, а приступлено къ спору двухъ умныхъ существъ, претерпѣвшихъ одно отъ другаго тяжкую обиду укореніемъ знатности рода. Пошли писать; пишутъ и по нынѣ, и будутъ писать еще долго — долго, пока спорящіе не помирятся; но врядъ ли послѣдуетъ между ними когда-либо миръ, потому-что особенный случай воспрепятствовалъ тому.

Разсказъ да послужитъ вмѣсто предисловія, потому-что мы уже не обратимся къ процессу Шпака́ съ Тпруньkевичемъ, но обстоятельство это довести до свѣдѣнія мы обязаны были, какъ видно будетъ изъ послѣдствій.

Вотъ въ чемъ дѣло.

Кирилъ Петровичь Шпакъ, въ молодости своей, служилъ немного въ военной службѣ и еще менѣе того въ гражданской по выборамъ. Изъ первой онъ долженъ былъ поспѣшить выйти по причинѣ разнесшихся слуховъ объ открывающейся войнѣ съ Турками; а вступивъ изъ кандидатовъ въ засѣдатели верхняго земскаго суда, располагалъ продолжать службу со всѣмъ рвеніемъ — должность пришлась по немъ: но послѣ двухмѣсячной службы его судъ сей былъ уничтоженъ, и онъ возвратился въ деревню.

Родители его померли, и онъ былъ полновластный помѣщикъ 357 душъ со всѣми угодьями. Онъ поспѣшилъ исполнить обязанности дворянина: женился на дочери помѣщика значительнаго, устроилъ порядокъ по хозяйству, нанималъ управляющаго за значительную сумму, и самъ, иногда, при свободномъ времени, входилъ въ положеніе дѣлъ по экономіи. Иногда, въ свободное время. Точно, ему рѣдко выходилъ досугъ. Онъ очень любилъ заниматься политикою, и для удовлетворенія своей страсти онъ платилъ архиваріусу своего уѣзднаго суда, чтобы тотъ, по прошествіи года, доставлялъ ему всѣ сполна NN Московскихъ вѣдомостей истекшаго года. Привозъ сихъ «политическихъ матеріаловъ», какъ называлъ вѣдомости Кирилъ Петровичь, отрывалъ его отъ всѣхъ занятій; онъ уединялся въ свой «кгабинетъ»— такъ онъ называлъ свою особую комнату, гдѣ на столѣ, кромѣ чернилицы, песочницы, счотовъ и при столѣ стула, не было ничего болѣе. Тутъ онъ прежде всего принимался складывать вѣдомости по страницамъ, для чего много нужно было времени, потому-что въ уѣздномъ судѣ читали ли газеты или нѣтъ, но онѣ перемѣшаны были порядочно. Приведя все это въ порядокъ, Кирилъ Петровичь самъ сшивалъ каждый N., боясь поручить это дѣло кому неграмотному; тотъ бы опять перемѣшалъ листы и доставилъ бы ему новый трудъ и заботу.

Уладивъ такимъ образомъ, тутъ уже онъ принимался за чтеніе. Чтеніе же у него происходило не обыкновеннымъ, но собственно имъ придуманнымъ порядкомъ. Во-первыхъ онъ «отчитывалъ», какъ онъ говорилъ, всѣ внутреннія извѣстія и узаконенія, со всѣми происшествіями, по Россіи бывшими. Окончивъ извѣстія въ 104-мъ N, онъ съ самодовольствомъ поглядывалъ на жену свою и говорилъ ей: «Ужь теперь, Фенна Степановна, я все знаю, маточка, что въ прошлой годъ въ Россіи сдѣлалось».

— Вамъ ли не знать, душечка? — отвѣтствовала Фенна Степановна. — Вы знаете, что и за Россіею дѣлается. —

«О, нѣтъ еще; а вотъ къ концу года буду знать все, только не мѣшайте мнѣ, маточка!»

И тутъ онъ удалялся въ свой «кгабинетъ» и принимался отчитывать все происходящее въ Испаніи. Онъ былъ ревностный защитникъ правъ малолѣтной королевы; а Донъ Карлоса, со всѣми Карлистами, не могъ терпѣть и бѣсился при удачѣ ихъ. Внимательно проходя отъ N до N дѣла Испанскія, какъ онъ былъ однажды взбѣшенъ на редакцію вѣдомостей, и вотъ за что: начиталъ онъ въ статьѣ объ Испаніи, что Христиносы разбили Карлистовъ знатно; онъ торжествовалъ и веселился — какъ, отчитывая Францію, нашелъ, что то извѣстіе о разбитіи Карлистовъ было

ложное... Ужъ досталося же всѣмъ: и издателямъ и сообщившимъ эту статью въ Парижъ.... «И зачѣмъ въ Парижъ? почему они прямо у себя не напечатали?» кричалъ онъ въ сильномъ гнѣвѣ.

«Не тревожтеся же такъ, Кирилъ Петровичь! уговаривала его Фенна Степановна: эти газетчики иновѣрцы, басурманы, въ постъ ѣдятъ скоромное; такъ ихъ и попеченіе въ томъ, чтобъ православныхъ тревожить, вотъ какъ и васъ теперь взбѣсили. Плюньте, душечка, на нихъ.»

Отчитавши всѣ статьи объ Испаніи, онъ принимался за Францію, по его примѣчанію, больше всѣхъ способствующую Христиносамъ; потомъ отчитывалъ прочія государства и заключалъ Англіею, нелюбимою имъ за подвозъ оружія Карлистамъ. За политикою слѣдовало отчитываніе объявленіи казенныхъ и потомъ частныхъ, все-же по порядку. Когда начиналъ о продажѣ имѣній, то прочитывалъ всѣ объявленія сего раза до конца, и потомъ о продажѣ книгъ, забѣжавшихъ собакахъ и проч. и проч., все же подъ одинъ разборъ.

Въ субботу нарушалось его чтеніе въ «кгабинетѣ.» По заведенному Феннoю Степановною порядку, въ этотъ день должны быть перемыты всѣ полы въ домѣ. Какъ же они съ первыхъ дней супружества дали другъ-другу слово заниматься особыми частями

хозяйства и въ чужія распоряженія не вмѣшиваться и не препятствовать, потому Кирилъ Петровичь съ утра каждой субботы, схватя свои вѣдомости, уходилъ — при благопріятной погодѣ—въ садъ, а въ противномъ случаѣ къ столярамъ, въ рабочую, гдѣ при стукѣ долотъ и молотковъ радовался пораженію Карлистовъ.

Невыгодны были для него подобныя переселенія. Въ кгабинетѣ онъ запиралъ двери на крючокъ и не впускалъ къ себѣ Фенны Степановны ни за что, пока не окончитъ статьи. Въ садъ же и столярную она входила свободно, и безъ дальнихъ приготовленій прерывала мужнино чтеніе. Впрочемъ, причины, по коимъ она приходила къ нему, были, по ея мнѣнію, довольно важны и нетерпящія отлагательства, какъ на прим. слѣдующая.

Въ одну изъ субботъ, Кирилъ Петровичь, проснувшися ранѣе обыкновеннаго и ожидая нашествія поломоекъ съ ведрами и судками, схвативъ Московскія вѣдомости, въ халатѣ, туфляхъ и колпакѣ, вышелъ въ садъ и расположился на скамейкѣ, подъ развѣсистою яблонею. Неожиданно попалась ему статья, извѣщающая о сильномъ пораженіи Карлистовъ. Съ наслажденіемъ перечитывалъ онъ статью въ третій разъ и затверживалъ о числѣ убитыхъ, чтобы подробно пересказать сосѣдямъ при случаѣ, какъ вдругъ приходитъ къ нему Фенна Степановна...

Онъ ее замѣтилъ еще издали и уже тревожился заранѣе, что будетъ прерванъ въ интересномъ мѣстѣ... Она подходитъ и, не обращая вниманія на суровость, видимую уже на лицѣ его, приблизясь къ нему, говоритъ:

«Вотъ куда они забрались! Я васъ, душечка, по всему дому искала.»

Кир. Петр., приставивъ палецъ къ газетамъ, продолжаетъ читать «потеря Карлистовъ простиралась...» *но видя, что жена подошла къ нему и остановилась, слѣдовательно не отойдетъ безъ отвѣта.* Гдѣ же мнѣ въ домѣ усидѣть, когда всѣ полы моютъ?

Фенна Ст. Помилуйте вы меня, гдѣ же моютъ? Проспали канальи долго и только теперь еще приготовляются.

Кир. Петр. Ну ужъ вышелъ, такъ вышелъ, назадъ не пойду. Да что вамъ, маточка, тамъ надо?

Фенна Ст. Дѣло есть, душечка, поговорить.

Кир. Петр. У васъ всегда найдется тутъ дѣло, когда я займуся чѣмъ. Дайте жъ мнѣ, маточка, вотъ немного времени: завязалось сраженіе, и, кажется, будетъ кровопролитное. Дочитаю, займуся съ вами.

Фенна Ст. Да ну-те же полно! Ужъ какъ примутся сражаться, такъ ничѣмъ и заняться не хотятъ. Вспомнили бъ и свои лѣта: куда уже вамъ думать о кровопролитіи?

Кир. Петр. Охъ, какія вы докучливыя! Ну-те уже говорите, что вамъ надобно, да и оставьте меня.

Фенна Ст., вынимая изъ кармана пузырекъ. А вотъ, душечка, что. Не хотите ли принять лекарства?

Кир. Петр. Помилуйте меня, маточка! Я совсѣмъ здоровъ; начто мнѣ лекарство и какое оно?

Фенна Ст. Такъ чтоже, что здоровы? Станете еще здоровѣе; лишнее здоровье никогда не мѣшаетъ. А эта лекарство отъ колики. Нате-ка выкушайте.

Кир. Петр. Да меня нигдѣ не колетъ., *и тутъ, придя въ холерическое состояніе, отодвинулъ отъ себя газеты и началъ говорить съ жаромъ.* Помилуйте меня, Фенна Степановна! Это разореніе съ вами! Что вамъ вздумалось здороваго человѣка лечить?

Фенна Ст. Я вовсе не лечу, а хочу усилить еще больше здоровье ваше. Видите что: прибирая у себя въ шкафѣ, смотрю, баночка съ лекарствомъ. Помните ли, душечка, прошлаго году зимою, я поѣла на ночь буженины съ чеснокомъ, и меня схватила

колпка — чуть душп Богу не отдала: спасибо, Иванъ Ѳомичь тогда прописалъ мнѣ это лекарство....

Кир. Петр. Такъ то же у васъ колика была, а не у меня. Вы же, маточка, тогда буженины на ночь накушалися, а я вчера почитай и не ужиналъ. Оно же прошлогоднее — никакаго дѣйствія не произведетъ. Лучше вылейте его.

Фенна Ст. Помилуйте вы меня, Кирилъ Петровичь! я вамъ не на удивляюся; человѣкъ вы съ такимъ умомъ, а какія нелѣпости представляете. Вылить! Какъ-таки вылить, когда вещь стòитъ рубль двадцать копѣекъ?

Кир. Петр. съ жаромъ. Помилуйте же и вы меня, Фенна Степановна! Я тутъ и въ толкъ ничего не возьму: у человѣка все благополучно и нигдѣ не колетъ, такъ пей прошлогоднее лекарство, чтобъ деньги не пропали! И съ чѣмъ его принимать, съ чаемъ или съ виномъ?

Фенна Ст. И сама пе знаю, что-то забыла, а ерлычекъ оторвался. И того не помню; внутрь ли его принимать, или снаружи мазать? Ей Богу, не помню, хоть сей часъ убейте меня, не помню! *Ласкаяся къ нему.* Да нужды нѣтъ, душечка, тутъ его немного, всего на одинъ пріемъ; любя меня, и не счувствуетеся, какъ проглóтите. Нате-же выкушайте.

Кир. Петр. Умилосердитесь надо мною, Фенна Степановна! Что вамъ за капризъ пришелъ мною какъ шашкою играть? Я, кажется, вышелъ изъ тѣхъ лѣтъ, чтобы мною управлять; я хочу жить своимъ умомъ. Ну, хорошо, я его приму, а оно наружное? Мнѣ оборветъ горло или уста сожметъ, что и хлѣба куска не пропихну въ ротъ. А если еще оно съ Шпанскими мухами, такъ что тогда будемъ дѣлать? Ну, когда вамъ жаль денегъ, такъ отдайте выпить Мотрѣ.

Фенна Ст. Ея ли холопскому горлу глотать по рублю двадцати копѣекъ? Гдѣ вашъ разсудокъ?

Кир. Петр. Такъ идите же себѣ ради Бога! Хоть сами выпейте, хоть собакѣ отдайте, мнѣ все равно. Не мѣшайте мнѣ читать газетъ. *Читаетъ.*

Фенна Ст., отойдя отъ мужа. Такъ! уже и съ собакою меня сравняли! Прекрасно! Ужъ я давно замѣтила, что газеты предпочитаютъ супружескому согласію, и уже не спрашивай, чтобы женѣ угодное что сдѣлать!... Что за чудный нравъ у нихъ дѣлается! Чѣмъ болѣе старѣются, тѣмъ больше во всемъ отказываютъ — и къ нимъ ни приступу... тотчасъ осердятся.

Послѣднія слова она проговорила сквозь слезъ, а пришедши къ себѣ въ комнату, она порядочно

всплакнула и оставила всѣ наблюденія за мытьемъ половъ.

Фенна Степановна была дочь помѣщика съ порядочнымъ состояніемъ. Воспитана, по тогдашнему, и научена всѣмъ частямъ домоводства. Читать могла только утреннія и на сонъ грядущихъ молитвы; далѣе въ молитвенникъ не заглядывала, а о гражданскомъ боялась и помыслить, почитая все глупостію, вздоромъ, грѣховнымъ писаніемъ (какъ будто читала нынѣшнія книги!). Вышедши за-мужъ за Кирила Петровича Шпака̀, она во всей строгости исполняла правила, внушенныя ей въ отношеніи къ мужу: почитала его умнѣйшимъ, совершеннѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ, но тщеславилась, когда могла уличить его въ какой ошибкѣ, недосмотрѣ или неосновательномъ сужденіи въ семейныхъ дѣлахъ. Подъ старость, эта слабость въ ней усилилась, и она при каждомъ случаѣ упрекала его, не разбирая справедливы ли ея замѣчанія. Въ распоряженія его по хозяйству она вовсе не входила, и хотя бы «Кирилъ Петровичъ приказали» зимою пахать, а лѣтомъ оставили траву въ полѣ не косивъ, она не вмѣшивалась, и въ подобныхъ случаяхъ, махнувъ рукою, говаривала: «они мущина, это ихъ дѣло.» Свою же часть, домашнее хозяйство, знала въ совершенствѣ и превосходно все устроивала. Какъ отлично выкармливались у нея кабаны, поросята и вся домашняя птица! Какіе хлѣбы, пироги, вареники, ватрушки, борщи разныхъ

сортовъ, наливки со всѣхъ ягодъ и плодовъ, водки на разныя коренья двоеныя, это прелесть! За пятьдесять верстъ въ окружности и подобнаго не можно было найти. Ужъ подлинно съ удовольствіемъ часто съѣзжавшіеся къ нимъ гости проводили время. Именно окармливаемы были! Во всемъ домѣ чистота удивительная. Малороссійская барыня въ совершенствѣ!

Можно было осудить ее за невниманіе къ туалету; но она у себя дома; притомъ же столько частей нужно было осмотрѣть съ самаго ранняго утра, и потому-то она, лишь пробужалась, схватывала — разумѣется — юпку, на босу ногу башмаки и, прикрывъ свои «роскошныя плеча» большимъ кашемировымъ платкомъ, купленнымъ въ Ромнахъ на ярмаркѣ еще въ 1818 году, приносила утреннія молитвы. Послѣ моленія исходила на дѣла свои. А какая добрая была! При такомъ множествѣ частей хозяйственныхъ, требующихъ ея распоряженій, наставленій, приказаній, она, при неисправностяхъ — гдѣ безъ нихъ бываетъ? — не то, чтобы не сердилась, безъ того не можетъ ни одинъ человѣкъ пробыть, и она сердилась и крѣпко сердилась, но никого не потузила, не дала пощочины и не порвала за волосы и даже за ухо. Въ самомъ сильномъ гнѣвѣ, она иначе не бранила виновную, какъ «какая ты безтолковая!» Если обстоятельства не требовали, она цѣлый день не перемѣняла своего утренняго костюма, къ довер-

шенію коего, я забылъ сказать, она носила на головѣ платокъ темнаго цвѣта, фигурно навязанный и укрѣпленный булавками на сахарной бумагѣ, и этотъ уборъ она, снявъ на ночь, ставила подлѣ себя и вставая прежде всего спѣшила накладывать, всегда готовый и въ порядкѣ, на голову, подбирая подъ него длинные, чорные волоса. Это было у нея правиломъ религіознымъ. Она слѣпо вѣрила, что замужняя женщина, не покрывъ головы и не скрывъ на ней до послѣдняго волоска, призываетъ гнѣвъ Божій — неурожай хлѣба, болѣзни на людей, падежъ скота и т. под. И потому крѣпко береглась, чтобъ «не свѣтить волосомъ.»

Когда же докладывали, что прикащикъ или посторонній кто имѣлъ къ ней надобность, тутъ она, не смотря на время года, вздѣвала па себя матушкину приданую зеленаго штофа съ опушкою сибирокъ епанечку, и допускала къ себѣ требователя аудіенціи, и часто, въ жару разговора или при сильныхъ доказательствахъ, когда ей нужно было размахивать руками, епанечка уходила вся за спину, удерживаясь только на шеѣ завязанными лентами, и для бесѣдующаго съ Фенною Степановною тогда было все равно, если бы она и не вздѣвала епанечки.

Но когда, завидѣвъ ѣдущихъ гостей, извѣщали ее, тутъ шло все иначе. Приказавъ лакеямъ выдать

изъ кладовой нѣмецкіе сапоги и синяго сукна сертукъ и подтвердивъ ключницѣ наблюдать, чтобы они скорѣе одѣлись и были по своимъ мѣстамъ, посылала къ Кирилу Петровичу объявить, чтобы скорѣе «умылися и нарядились», и сама принималась за себя: вздѣвала ситцевой, съ большими разводами, капотъ, покрывала его персидскимъ бѣлымъ платкомъ, снимала съ головы вѣчный уборъ и вздѣвала особо для такихъ случаевъ приготовленный чепчикъ, сдѣланный «мадамою» на Роменской ярмаркѣ въ томъ-же 1818 году: но тогда на немъ были ленты розоваго цвѣта, а теперь, когда Фенна Степановна устарѣла, то перемѣнены на жолтыя.

Она у родителей была единородное дитя, и по смерти ихъ довольно порядочное имѣніе присоединила къ мужнину, но никогда не называла его своимъ, или даже нашимъ имѣніемъ, а всегда говорила: «ваше имѣніе, съ вашего имѣнія пріѣхалъ человѣкъ», доказывая, «когда я ваша, то уже не имѣю собственнаго ничего, все мое—ваше, такъ намъ законъ повелѣваетъ»....

Сколько ни имѣла заботъ по хозяйству Фенна Степановна, но всегда выходили у нея часы свободные, въ которые она, вязавши чулокъ или мотая нитки, могла бы и желала бесѣдовать съ «ними», съ Кириломъ Петровичемъ, но «они,» Богъ знаетъ, какъ пристрастилися къ газетамъ и на нихъ мѣняютъ свою

жену, данную имъ отъ Бога помощницу, сотрудницу и собесѣдницу. »Такъ вотъ же кого они мнѣ предпочитаютъ! И кто выдумалъ эти газеты, такъ желаю, чтобъ ему такъ легко было сочинять ихъ, какъ мнѣ горевать одной. И что тамъ такаго написано? Вздоръ, ересь, расколъ, развратъ! Можно ли человѣку знать, что въ сосѣдствѣ дѣлается, а газетчикъ знаетъ, что и во всемъ свѣтѣ дѣлается: можно ли этому повѣрить! Вѣрно фармазонъ какой нибудь? Да ба; разстроиваетъ наше супружеское согласіе!»

Такъ она горевала почти каждой день, когда Кирилъ Петровичь сражался съ Карлистами за Испанскую королеву; въ этотъ же день, когда онъ рѣшительно отказался выпить лекарство, прописанное Феннѣ Степановнѣ отъ имѣвшейся у нея въ прошломъ году колики, и въ добавокъ примолвилъ, что либо ей выпить или собакѣ отдать, для него все равно — она припомнила все, и что къ ней примѣнили даже собаку... Отъ такой обиды она горько плакала.... какъ вдругъ вошелъ Кирилъ Петровичь.....

«Чего это вы, маточка, плачете? спросилъ онъ ее, перемѣнивъ веселый видъ, съ какимъ вошелъ въ комнату, на смущенный и нѣсколько показывающій сожалѣніе и раскаяніе.

Фенна Ст. Я и сама удивляюсь. Собаки, кажется, никогда не плачутъ.

Кир. Петр. скоро и готовясь самъ заплакать. Какъ, собаки? Что это вы, маточка, говòрите?

Фенна Ст. Такъ, собаки. Вѣдь я и собака для васъ все равно.

Кир. Петр. Эхъ, Фенна Степановна, какія вы? Я показывалъ вамъ мое равнодушіе къ лекарству, хотя собакѣ его отдайте, или... то есть .. какъ-бы это сказать.... вы меня не поняли....я хотѣлъ предложить... чтобы вы его сами выкушали...

Фенна Ст. Говорите, что хотите, а я понимаю такъ, что въ вашемъ разумѣ я и собака все едино.

Кир. Петр. Вольно вамъ такъ понимать. *Молчаніе.*

Кир. Петр., вдругъ вскрикнувъ. Развѣ вы меня не знаете, что я холерикъ? Возмите Брюсовъ календарь, прочтите; тамъ живо описанъ мой характеръ и планета, подъ которою я родился; все васъ увѣритъ, что я настоящій холерикъ, а такаго темперамента человѣкъ вдругъ вспылитъ, словно вино вспѣнитъ, но шумитъ, пока пѣна; а пѣна улеглась, онъ опять тихъ и кротокъ. Сангвино-холерикъ тотъ уже не такъ. Не прочитать ли вамъ, маточка?

Фенна Ст. Богъ съ вами, я не могу и вспомнить про свѣтское писанье.

Кир. Петр. Оно и свѣтское и духовное по-поламъ. Ну да нужды нѣтъ; я только пришелъ вамъ доказать, что я холерикъ.

Фенна Ст. Развѣ же холерику можно жену ругать собакою?

Кир. Петр. Я про то и говорю, что онъ въ холерѣ, т. е. въ запальчивости, наговоритъ въ десять разъ хуже; но какъ онъ холерикъ, вотъ какъ я, то въ минуту отойдетъ и раскаевается и готовъ просить прощенія, вотъ какъ и я.

Фенна Ст. съ прояснившимся взоромъ. Такъ вы готовы просить у меня прощенія?

Кир. Петр. Тысячу разъ готовъ; я не люблю, когда кто имѣетъ неудовольствіе на меня; а вы и подавно. А чтобы васъ формально успокоить, то пожалуйте мнѣ баночку съ лекарствомъ: я при васъ ее и выпью.

И дѣйствительно добрый Кирилъ Петровичь, чтобы успокоить свою еще добрѣйшую Фенну Степановну, готовъ былъ и тутъ же выпилъ бы прошлогоднее лекарство, но Фенна Степановна, получи отъ мужа въ

горести, лекарство, не смотря, что за него заплачено рубль двадцат копѣекъ, вылила на землю, а баночку, въ чемъ оно было, отдала ключницѣ спрятать.

Слово зá слово, супруги приступили къ миру, но Фенна Степановна по обычаю не дала и теперь руки мужу поцаловать. Это въ ея понятіи было »раболѣпство«, а мужу передъ женою раболѣпствовать не пригодно. Громкій, сладкій поцалуй запечатлѣлъ миръ и супружеское согласіе.

Бракъ ихъ былъ награжденъ двумя сыновьями и одною дочерью. Сыновья померли отъ оспы, года черезъ три одинъ за другимъ; осталась въ отраду и утѣшеніе »Пàзинька« , такъ зовомая родителями въ дѣтствѣ и до 18-ти лѣтняго возраста.

До двенадцати лѣтъ, Пазинька, окруженная няньками, сказочницами, шутихами, раскащицами, »бабусями, знающими чѣмъ пособить отъ уроковъ и сглаживанія», ходила въ дѣтской рубашечкѣ, подпоясанная широкою атласною розовою лентою съ большимъ на зади бантомъ. Сосѣдки порицали за это Фенну Степановну, совѣтовали, упрашивали, чтобы она принарядила ее уже въ приличное возрасту платьеце. »От-се́-ше́!—восклицала Фенна Степановна въ отвѣтъ: я у своей матери до пятнадцати лѣтъ такъ ходила. Пусть чувствуетъ, что у нея есть родители, пусть наслаждается свободою во всемъ. Вѣкъ ея длиненъ.

Натерпится и не отъ однѣхъ снуровокъ и завязокъ.« Но обычаи вѣка, правила общежитія потрясаютъ самые упругіе характеры и принуждаютъ ихъ отступить, хотя въ части, отъ своихъ намѣреній и слѣдовать за общимъ мнѣніемъ.

Осипъ Прокоповичъ Опецковскій былъ важный помѣщикъ въ томъ повѣтѣ, не по богатству своему (оно было посредственное), но по высокому росту, величавой фигурѣ, разноцвѣтнымъ фракамъ съ металлическими пуговицами, важно-протяжному разговору и употребленію въ рѣчахъ модныхъ словъ, какъ-то: по поводу чего, принявъ въ соображеніе, устремивъ вниманіе, выведя результатъ и т. под., которыя онъ всегда свѣжія и новыя вывозилъ изъ губернскаго города, куда акуратъ — такъ говорилъ онъ — ѣздилъ два раза въ годъ, удостоивался встрѣчаться съ ихъ превосходительствомъ, почтеннѣйшимъ г. гражданскимъ губернаторомъ и кавалеромъ (слѣдовало имя и полное отчество); былъ отъ него ласково привѣтствованъ и »по видимому,» ихъ превосходительство желали бы меня пригласить къ своему обѣду, но »принявъ въ соображеніе« свои многотрудныя занятія и мои обязанности по дѣламъ, отложили эту честь до будущаго времени; по поводу чего я имѣлъ свободу заниматься дѣлами; но скажу вамъ откровенно, что изъ неоднократныхъ моихъ разговоровъ съ ихъ превосходительствомъ г. губернаторомъ я узналъ важную новость.... жалѣю, что не могу вамъ открыть ее, по поводу того,

что ихъ пр-во ввѣрили мнѣ за тайну; результатъ будетъ тотъ, что вы удивитеся, ибо ихъ пр-во, принявъ въ соображеніе.... но я далѣе не могу открывать.« Такими загадками говорилъ Осипъ Прокоповичь; и когда, хотя мѣсяца черезъ три по возвращеніи его изъ губернскаго города, кто-либо изъ подсудковъ и другихъ членовъ въ повѣтѣ былъ перемѣняемъ и молва объ этомъ быстро переносилась отъ однаго помѣщика къ другому и доходила до Осипа Прокоповича, то онъ прехладнокровно отвѣчалъ: »я объ этомъ результатѣ зналъ прежде: ихъ превосходительство почтеннѣйшій нашъ и проч. губернаторъ изволили мнѣ лично объявить за тайну, когда я въ послѣдній разъ былъ въ губернскомъ городѣ; я вамъ предсказывалъ объ этомъ; моя дипломатика это предвидѣла.«

Какъ же повѣтовому дворянству не уважать было такаго человѣка, а тѣмъ еще болѣе, что у него была карета о шести стеклахъ, вымѣненная имъ за старую на Роменской ярмаркѣ, и какой во всемъ губернскомъ городѣ, даже и при съѣздѣ на выборы, невидно было?

Жена его, Аграфена Семеновна, изъ дочерей помѣщиковъ, уважавшихъ »талантъ и дарованія« г. Опецковскаго. Когда онъ предложилъ ей руку и сердце свое, то всѣ родные ея »вмѣнили себѣ въ особенную честь таковый союзъ» и поспѣшили устроить его, и затѣмъ всѣ они стали важнѣе и надменнѣе противъ сосѣдей по поводу родства съ Осипомъ Прокопови-

чемъ; фамилія его нигдѣ и никѣмъ не была произносима: такъ громко было одно имя его и извѣстно вездѣ. »По поводу чего« не мудрено, что Аграфена Семеновна также надулась какъ и важный супругъ ея. Прежнихъ подругъ своихъ она едва узнавала, и рѣдко удостоивала ихъ своими ласками. Съ нашею Феннoю Степановною она не могла никакъ сладить. Эта добрая, прямая душа была противъ нея всегда одинакова. Онѣ вмѣстѣ росли и играли въ дѣтствѣ. Привыкнувъ звать ее »Горпинькою« съ первыхъ дней, Фенна Степановна такъ называла ее и замужнюю, посреди многочисленнаго собранія, и не примѣчая, что та вмѣсто прежней »Феси« зоветъ Феннoю Степановною и »вы.« Она, не примѣчая ничего, оставалась по-прежнему: »Горпинька да Горпинька» и «ты, душка«. Что прикажете съ нею!

Такимъ важнымъ особамъ, какъ Осипъ Прокоповичъ и Аграфена Семеновна, слѣдовало дѣтямъ своимъ доставить воспитаніе блестящее. По поводу чего сыновей опредѣлили они въ пансіонъ, содержимый гимназическимъ учителемъ въ губернскомъ городѣ, а для дочери выписали изъ Москвы мадамъ иностранку. Madame Torchon, прибывъ въ домъ Опецковскихъ, увидѣла, что ей въ такомъ домѣ, гдѣ живутъ открыто и гдѣ всегда людно, жить можно. Она породою была Русская, прежде работала въ Москвѣ въ модномъ магазинѣ, гдѣ и получила первое основаніе Французскаго языка. Вышедши за-мужъ за mr Tor-

chon, она перебывала съ нимъ во многихъ домахъ, гдѣ мужъ ея былъ камердинеромъ, гувернёромъ, наставникомъ, и наконецъ въ дальнемъ губернскомъ городѣ содержалъ мужской пансіонъ. Пятнадцать лѣтъ такой практической жизни образовали бывшую Аленку, нынѣ m-me Torchon, до того, что она, овдовѣвъ, рѣшилась заняться образованіемъ дѣвицъ въ провинціи и на сдѣланное предложеніе коммисіонера г-на Опецковскаго согласилася немедленно. Дорогà была плата этой »иностранной мадамѣ«; такъ жаловался Осипъ Петровичь, но и придумалъ пособить своему горю. По поводу чего предложилъ онъ своей Аграфенѣ Семеновнѣ пригласить знакомыхъ и »равныхъ съ ними« помѣщиковъ поручить дочерей своихъ образованію m-e Torchon, съ платою за каждую по сту рублей ассигнаціями.

Желающихъ явилось до того, что на обязанности гг. Опецковскихъ лежало только кормить и поить m-me Torchon съ пенсіонерками. А что значило кормить ихъ въ такомъ домѣ, гдѣ и безъ того съѣзжалися частые гости, дабы имѣть честь пообѣдать у Осипа Прòкоповича и услышать, въ какомъ фракѣ ихъ пр-во г. губернаторъ изволили быть «на кушаньѣ» у такаго-то и о чемъ съ кѣмъ говорили?

Аграфена Семеновна, вербовавшая пенсіонерокъ для m-me Torchon, обратила вниманіе на Пазиньку, дочь Феины Степановны. Сколько стоило это Аграфенѣ

Семеновнѣ! Она три дня прожила у г-жи Шпакъ и во всѣ три дня ничего болѣе отъ нея не слыхала, какъ: «ни за что̀ въ свѣтѣ! ни за какіе милліоны! хоть сей часъ убейте меня! Не соглашусь и не соглашусь! Къ чему ей ученіе? Она, благодаря родителямъ... а болѣе одному Кирилу Петровичу, будетъ имѣть болѣе 500 душъ, и при такомъ состояніи должна, какъ раба, сидѣть за книжкою цѣлый день! А что выучитъ, хотя бы и изъ иностраннаго? Обманывать мужа, баловать дѣтей, проматывать имѣніе, ѣсть по постамъ скоромное, держать при себѣ собачку? Вотъ вамъ и наука! Рукодѣлія къ чему ей знать? Мало у нея своихъ рабовъ? Захочетъ, заведетъ и кружевницъ, и коверницъ, и всякихъ сортовъ рукодѣльницъ, а сама, какъ есть имъ барыня, будетъ, ручки сложа, сидѣть, да готовыя работы принимать.»

Много, много подобныхъ сему премудрыхъ причинъ представляла Фенна Степановна, что ученіе для ея дочери вовсе не нужно; но наконецъ должна была повиноваться волѣ и желанію «главы своей,» Кирила Петровича. Онъ начиталъ въ Московскихъ вѣдомостяхъ о пользѣ воспитанія дѣвицъ, и какое имѣютъ вліяніе на общество образованныя женщины. Прочелъ, рѣшился и повелѣлъ супругѣ уступить необходимости. Чего стоило исполненіе того чувствительному сердцу Фенны Степановны!

Какъ бы то ни было, на двенадцатилѣтнюю Пазиньку, сверхъ носимой ею до того рубашечки, надѣли платье, косыночку, прибрали волосы, принарядили во всемъ — вышла дѣвочка хоть куда! Точно обливъ горькими слезами дочь свою, Фенна Степановна проводила ее, взявъ съ Горпиньки страшную клятву не вздѣвать на Пазиньку шнуровки и не завязывать крѣпко ей платьевъ, не кормить въ постъ скоромнымъ и не изнурять ее ученьемъ, а пусть учится тàкъ, «лишь бы день до вечера, негляже.« Изъ иностранныхъ словъ это болѣе нравилось Феннѣ Степановнѣ, и она употребляла его вмѣсто: «безъ вниманія.»

Увезли Пазиньку, привезли въ домъ Опенковскихъ и поручили въ полное завѣлываніе и распоряженіе m-me Torchon. Сія ученая женщина, составивъ пенсіонъ, принялась въ немъ учреждать порядокъ. Прежде всего она обратила вниманіе на имена своихъ учениць: вспомнивъ, какъ это бывало въ модной лавкѣ, гдѣ она узнала свѣтъ и получила образованіе, она поступила по тому правилу и всѣмъ перемѣнила названія. Хозяйская дочь Евгенія Осиповна стала Эвжени; наша Пелагея Кириловна Полина; другія... но какъ до другихъ у насъ не коснется дѣло, то мы и умолчимъ. За тѣмъ приступлено къ ученію и образованію.

Фенна Степановна никакъ не могла привыкнуть къ своему горю. Одною отрадой было ей отправленіе

каждую недѣлю къ Пазинькѣ разныхъ булочекъ, коврижекъ, маковниковъ, разныхъ варенiй и сластей. Бѣдныя пенсiонерки, едва всѣ вмѣстѣ могли съѣдать въ недѣлю, что присылаемо было для одной подруги ихъ Полины! Не прошло полгода, какъ Фенна Степановна пожелала сама навѣстить милую дочку; но за сборами, приборами, недосугами, опасенiями, на кого оставить Кирила Петровича при его сомнительномъ здоровьѣ: «прошедшую ночь они частенько покашливали,» въ такихъ заботахъ и попеченiяхъ, пока также перековали лошадей, перетянули шину у задняго колеса вѣчной коляски, въ которой должно было предпринять путешествiе, долго откладывали поѣздку; наконецъ собралась и поѣхала наша Фенна Степановна къ своей прiятельницѣ, къ Горпинькѣ, чтобы повидаться съ своею Пазинькою.

Но что это?.. Она располагала прогостить у нея недѣли двѣ, пожить подолѣе съ своею дитятею, а тутъ только третiй день, въ который уже Кирилъ Петровичь рѣшительно пропадалъ отъ скуки и уже намѣревался завтра ѣхать къ Феннѣ Степановнѣ, а тутъ — третiй только день — глядитъ, она уже и возвращается! Что это значитъ? Не зная, чѣмъ рѣшить этотъ вопросъ, онъ очутился уже за плотиною, остановилъ коляску, рванулъ дверцы и едва удержалъ бросившуюся къ нему въ объятiя Фенну Степановну здоровую и веселую.

«Слава Богу!... живъ-здоровъ!..» — Благодарю Бога, что встрѣчаю здоровую!.... Каково ѣздила?...« —Какъ поживалъ безъ меня?... Были первыя слова при встрѣчѣ восхищенныхъ супруговъ, три дня не видавшихся. Фенна Степановна поспѣшила обрадовать супруга, крича:« привезла, привезла!»

— Кого привезли, маточка? —

«Пазиньку, нашу Пазиньку вырвала изъ ада!»

И Пазинька, милая блондиночка, прибранная манерно съ убранной головкою, съ голубыми, полными крупныхъ слёзъ глазками, съ краснѣющимися отъ удовольствія щечками, обнимала радостно-удивленнаго отца и съ жаромъ цаловала руки его.

Послѣ первыхъ, но долго продолжавшихся лобзаній, всѣ они уже пѣшкомъ дошли до дому. Мотря ѣздила съ барыней, и такъ приготовленіе чаю для пріѣзжихъ зависѣло не отъ нея, и потому шло очень неудачно. Вотъ Кирилъ Петровичь, отъ радости не зная, какъ угостить свою Фенночку, принялся самъ готовить чай. Какъ же это было съ нимъ въ первый разъ отъ-роду, такъ и надѣлалъ большихъ промаховъ. Занимаясь приготовленіемъ чаю, онъ безпрестанно либо спрашивалъ, либо отвѣчалъ; цаловалъ либо ручку своей Феннѣ Степановнѣ, либо Пазинькины щечки,

а притомъ не сводилъ съ нихъ глазъ, то и положилъ въ чайникъ, вмѣсто чаю, сахару и, отвернувъ кранъ у самовара, забылъ о немъ и далъ всей водѣ вылиться изъ самовара, разлиться по столу, перемочить сухари и проч. и проч. Много было смѣху надъ его ловкостію, и онъ принужденъ былъ оставить несвойственные ему хлопоты и заняться непосредственно Феночкою. Между-прочимъ онъ спросилъ ее, надолго ли она привезла дочь и для какаго случая? Ничьихъ именинъ вблизи нѣтъ; такъ скоро придется и назадъ ее отвозить....

А, чтобъ они не дождали! — вскрикнула Фенна Степановна: — я и послѣдней рабы своей не отдамъ въ этотъ развратный домъ! Выслушайте только, душечка, терпѣливо и посудите своимъ благоразуміемъ, можно ли отдавать на мученіе и на поруганіе единородную дочь свою? Вообразите: они нашу Пазиньку перекрестили — прости Господи! — въ Полину. А припомните, душечка, когда мы были въ Ромнахъ на ярмаркѣ, такъ офицеры говорили про Полину? А кто она была? То-то-же; тьфу, да и только. Потомъ такъ ее снуровали, что ей бѣдненькой и дышать тяжело было. Ростъ ей выгнали, видите какой, да дородства нѣтъ ни капли. Точно какъ спичка! Когда же ее откормить? А сами оканныя и Горпинька туда же жрали круглый годъ скоромное. Ученіемъ заморили какъ на каторгѣ. Чему же учились? Эта мадамъ выдумала какихъ-

то боговъ; они всѣ до единаго списаны на картинкахъ и всѣ — тьфу — голые! А она этимъ невинностямъ и толкуетъ. Прекрасныя наставленія! Да чего? вечеромъ вздумали меня забавить; а я уже и такъ весь день какъ въ адскомъ пламени горю! Вдругъ зовутъ меня на комедію. Вообразите, душечка: изъ нашихъ дворянскихъ дѣвицъ сдѣлали актёрщицъ! Смотрю: начинаютъ представлять. Что же? Помните, какъ въ Ромны на ярмарку пріѣхали изъ Харькова актёрщики, и мы пошли въ комедію, а они перерядившися выпустили намъ мельника. Такъ и тутъ. А всѣмъ этимъ комедіямъ самая главная приводчица и порядчица не кто же, какъ сама мадама. Вообразите, душенька, эта тетёха сама нарядилась въ мужицкую свиту, подвязала бороду, выпачкалася вся въ муку и «вдавала» мельника! Оно живо, спору нѣтъ; настояще какъ пьяный мужикъ, и въ присядку носилась, но женскому полу это уже ни по чему нейдетъ. Мало сама: заставила и благородныхъ дѣвицъ одѣться въ мужицкіе балахоны и, подвязавши также бороды, какъ будто урожденные мужики — есть чѣмъ хвалиться! — распѣвать во все горло. А другія перерядились бабами, дѣвками — да когда бы ужъ благородными, а то просто мужичками: и нашу Пазиньку опозорили мужицкимъ сарафаномъ и велѣли съ собою пѣть. Какъ насъ земля не пожрала? Горпинька такъ и заливается, да потѣшается; а я на-силу высидѣла, и послѣ ужина, призвавъ свою Мотрю, отдала приказъ, чтобы, чуть только станетъ на-свѣтъ заниматься, не разбужая хо-

зяевъ, выѣхать намъ и Пазиньку взять съ собою. Такъ и сдѣлали. Еще всѣ въ домѣ спали, а я, подхватя Пазиньку, не прощаясь ни съ кѣмъ, уѣхала себѣ. Даже и съ мадамою не расчиталась; за нею наши деньги, и нужды нѣтъ, лишь бы дитя вырвать изъ вѣчной погибели! Еще же смѣхъ вамъ покажу. Уже Пазинька не кланяется по-людски, какъ я, и матушка, и бабуша, и весь нашъ родъ искони бѣ кланялися, а уже присѣдаетъ. Пазинька-душка! присядь-ка по-мадамовски передъ батинькою.»

И Пазинька тотчасъ стала въ позитуру, вытянулась, сложила руки, опустила свои длинныя рѣсницы на прелестные голубые глазки—и начала опускаться почти къ самой землѣ...... Старики такъ и покатились сò-смѣху!... Потомъ, судивши и рядивши долго и находя, что и вообще присѣдать неблагопристойно, а по-мадамовски присѣдать скверно, гадко, стыдно, зазарно, зловредно — въ слѣдствіе того единожды навсегда запретили Пазинькѣ отнюдь ни передъ кѣмъ не присѣдать. «Пусть не понимающіе дѣла будутъ тебя осуждать — говорила Фенна Степановна — но ты имъ скажи: мои родители, коихъ я чту паче всего, ни сами ни передъ кѣмъ не присѣдаютъ, и мнѣ формально запретили дѣлать такую непристойность. «Кланяться же, душка, всякому кланяйся, сколько душѣ угодно; такъ намъ и законъ повелѣваетъ, а о присѣданьѣ нигдѣ не постанавлено.»

Кирилъ Петровичь, осудивъ и осмѣявъ такое воспитаніе, похвалилъ рѣшимость Фенны Степановны и отъ души поцаловалъ ее. Пазинька же съ слѣдующаго утра вступила въ помощницы къ матери по всѣмъ частямъ домашняго хозяйства, и года черезъ два она знала, сколько и какаго коренья надобно положить въ лембикъ (кубикъ) для передвоенія такой-то водки, какъ каждую изъ нихъ засластить, какъ варить въ сахарѣ какіе фрукты и ягоды, какъ печь отличные крендели, булочки къ чаю, какъ солить ветчину, выкармливать птицу... Да чего она только по хозяйству не знала? Это — говоря по-учоному — былъ второй томъ Фенны Степановны, только въ красивѣйшемъ переплетѣ.

Пазинька выростала и довольна была своею участію. Утрудясь отъ присмотра цѣлый день за булочницами, пахтаньемъ масла, прачками, поломойками, она вечеромъ была свободна и занималась чтеніемъ книгъ, тихонько доставляемыхъ ей «господиновою», женою священника, «изъ библіотеки отца Алексія Немутнянскаго», какъ надписано было на каждой книгѣ. Съ-начала дружеская услуга «господиновой» не доставляла никакаго удовольствія Пазинькѣ, потому-что приносимыя книги были: «Баумейстерова логика, грамматика Ломоносова, риторика Рижскаго»; но наконецъ «матушка» восхитила Пазиньку, сообщивъ ей «Памелу.» Дѣло пошло въ ходъ. Пазинька, живя въ домѣ Опецковскихъ, училась ме-

жду-прочимъ и Русской грамотѣ. Мирошка въ малолѣтствѣ былъ любимцемъ Осипа Прокоповича Опецковскаго, и по примѣченной въ немъ быстротѣ ума изученъ читать бѣгло и писать чотко. Выростая, онъ распился и расшалился, то и сосланъ на конюшню. Когда учредилось въ домѣ Опецковскихъ ученое заведеніе и какъ m-me Torchon — по какому-то случаю—узнала, что Мирошка бѣгло читаетъ, то и предложила взять его съ конюшни и опредѣлить къ ней въ помощники «по части Русской литературы—»такъ она изъяснялась. Вотъ Мирошка и училъ барышень читать «по-Россійски». Между прочими и Пазинька училась у него и довольно успѣла. Езоповы басни она уже читала прямо по верхамъ, не складывая словъ.

Езоповы-то басни и пріохотили Пазиньку къ чтенію. Живя дома, она скучала безъ книгъ, пока «господинова» не помогла ея горю. Памела была прочитана въ третій разъ — а сколько было пролито слезъ Пазинькою при чтеніи сей трогательной повѣсти, объ этомъ знала ея спальная подушка. И точно, въ третій разъ перечитывая эту усладительную повѣсть, Пазинька плакала болѣе, нежели при первоначальномъ чтеніи, потому-что за третьимъ разомъ она уже свободнѣе разбирала и ясно понимала неудобно до того разбираемыя и понимаемыя ею слова. Узнала бы маменька Пазинькина о ночныхъ ея чтеніяхъ — Боже храни! Досталось бы ей, книгамъ, а всего болѣе этимъ господамъ, что

сочиняютъ книги!... Но она этаго никогда не знала къ спокойствію дочери.

Со-временемъ Пазинька подружилась съ дочерьми однаго изъ сосѣдей своихъ, и завелася съ ними постоянная связь. Сосѣдки присылали ей — и все секретно отъ матери «новѣйшія» (такъ онѣ въ 1835 году разумѣли) книги: «Матери-соперницы, Альфонсину, I и III книжки Матильды, Каролину Лихтвильдъ и нѣсколько подобныхъ имъ, нѣкоторыя вполнѣ, а другія разбитыя въ частяхъ. Пазинькѣ нужды нѣтъ, вполнѣ ли исторія или въ отрывкахъ, она преусердно перечитывала каждую по три раза и плакала много уже и при первоначальномъ чтеніи, потому-что попривыкла бѣгло разбирать и ясно понимать написанное.

Изъ этихъ-то книгъ и изъ разсказовъ по временамъ пріѣзжавшихъ къ ней подругъ Пазинька знала свѣтъ и людей. Сама же родителями не была вывозима въ него, т. е. ни на ярмарку въ Ромны, ни въ губернскій городъ. Такъ она достигла семнадцатилѣтнаго возраста.

Фенна Степановна, подобно всѣмъ, знакомымъ ей, матерямъ, съ четырнадцатилѣтнаго возраста дочери своей, отобрала самые большіе сундуки и начала наполнять ихъ всѣмъ возможнымъ, то изъ домашняго произведенія, то покупая у разнощиковъ — все это

въ приданое дочери. Сундуки наполнялися и дочка росла. Съ пятнадцати лѣтъ ея мать начала тайно ожидать жениховъ, но не смѣла и сама предаться такой утѣшительной мысли. Но когда уже Пазинькѣ исполнилось полныхъ, законныхъ, шестнадцать лѣтъ, тутъ Фенна Степановна въ каждомъ пріѣзжающемъ молодомъ человѣкѣ видѣла жениха, а въ пожиломъ свата: хлопотала о роскошномъ столѣ, приказывала подавать къ обѣду лучшихъ наливокъ и, незамѣтно подходя къ Кирилу Петровичу, шептала ему: «приласкайте, душечка, гостя; мнѣ онъ очень нравится». Но когда гость уѣзжалъ, не сдѣлавъ никакаго намека, не поглядѣвъ на разряженную и тутъ же скромно и молчаливо сидѣвшую Пазиньку, то Фенна Степановна, проводивъ его, предавалася какому-то унынію и почасту вздыхала.

Кирилъ Петровичъ, разбивши въ-пухъ Карлистовъ и оставя чтеніе Московскихъ вѣдомостей — безъ того онъ ихъ не оставлялъ, пока не начитывалъ побѣды Христиносовъ — приходилъ къ Феннѣ Степановнѣ и, видя ее горюющую, спрашивалъ:

«Чего вы это, маточка, такъ задумчивы и часто вздыхаете?»

— Ничего, душечка, такъ. Ох-ох-охъ!

«Не прочитать ли вамъ статьи, какъ знатно Христиносы разбили Карлистовъ? Вамъ веселѣе будетъ.»

— Богъ съ ними. Я бы и вамъ не совѣтовала заниматься такъ много кровопролитіемъ. Было время, теперь пора бы и ускромиться.

Кирилъ Петровичь досадуя въ-тайнѣ за такое хладнокровіе жены къ важнѣйшимъ происшествіямъ въ Европѣ, уходилъ къ себѣ и въ отраду выкладывалъ на «счетахъ,» сколько изъ бывшихъ въ сраженіи Карлистовъ, за убитыми, осталось живыхъ.

Въ одинъ день Кирилъ Петровичь, запершись на крючокъ въ своемъ «кгабинетѣ» и читая объ Испанскихъ дѣлахъ, нашелъ, что у Христиносовъ опять новый главнокомандующій и, по обыкновенію, престранной фамиліи. Онъ, оставя чтеніе, началъ, ходя по комнатѣ, твердить эту мудреную фамилію генерала, какъ тутъ и Феина Степановна стучитъ въ дверь и кричитъ: «а отоприте, душечка, на-часъ.»

Кир. Петр. въ сильной досадѣ. Тьфу ты пропасть! Еще этаго недоставало? *Ходя по комнатѣ...* Эскар...

Феина Ст. Да отоприте же!

Кир. Петр. Да чего вы тамъ! мнѣ не-когда. Эспантонъ...

Фенна Ст. Какое вамъ не-когда? Когда бъ сражались, а то безо всего ходите по комнатѣ и отказываетесь отъ супружеской обязанности. Отоприте же. *Стучитъ еще крѣпче щеколдою.*

Кир. Петр., *съ досадою отворяя.* Ахъ, какія вы несносныя! ну, что вамъ надобно!

Фенна Ст. Уже вы, душечка, сердитесь или нѣтъ, а моя «обовязанность» была притти и спросить васъ: съ вашимъ-ли вѣдомомъ управляющій потребовалъ отъ ключника разной муки четвертями, а отъ ключницы масла, сала, творогу и полотковъ?

Кир. Пет. Съ моимъ, маточка, съ моимъ. Это я приказалъ.

Фенна Ст. Куда же вамъ этакая пропасть продуктовъ?

Кир. Петр. Охъ, надобно, матушка! Знаете мое дѣло съ Тпрунькевичемъ? Онъ, злодѣй, въ послѣдней просьбѣ осмѣлился написать новую клевету на Шпаковъ, моихъ предковъ; такъ надобно отписываться. Хвостикъ-Джмунтовскій, мой повѣренный, обѣщался написать удивительное возраженіе, и за это просилъ кое-чего, такъ я и приказалъ ему отправить.

Фенна Ст. Конечно, вы господинъ въ своемъ имѣніи, но я, какъ закономъ данная вамъ помощница, я чувствую свою «обовязанность» и должна вамъ подать совѣтъ: сколько уже стòитъ намъ это дѣло, такъ ужасъ! Не лучше ли бъ помириться, заплатить за тѣхъ проклятыхъ гусей....

Кир. Петр. съ жаромъ. О, ни за-что! Пусть онъ себѣ, этотъ Тпру-тпру-тпруньkевичь и въ *головахъ не покладаетъ,* чтобы я ему хоть одно перушко изъ тѣхъ гусей воротилъ! Онъ коснулся чести моей и всѣхъ Шпаковъ.

Фенна Ст. Какъ себѣ знаете; гдѣ дѣло коснется до чести, то я уже тамъ никакаго понятія не имѣю и плюю на все. А подумать бы и вамъ со мною надобно. *Тутъ она усѣлась на софѣ и вскорѣ подсѣлъ къ ней и Кирилъ Петровичъ.* Чтобъ не было лишнихъ расходовъ. Вотъ-вотъ придется Пазиньку замужъ отдать, такъ чтобъ было чѣмъ.

Кир. Петр. Да; признаться сказать, время приходитъ, а жениховъ что-то не слыхать. Пріѣзжающихъ я ласкаю, показываю все хозяйственное, часто иного и ночевать оставляю, но все не слышу ни отъ кого и никакаго намека.

Фенна Ст. Это удивительное дѣло, да и полно. Кажется, по всему дѣвка — и по хозяйству, чего она

только не знаетъ? Да нѣтъ, ба! ей суженаго. Я у батиньки и не такъ была богата, какъ наша Пазинька, а жениховъ было что собакъ. А отъ чего? Покойникъ батюшка—о, умная голова была!—поднялся на хитрости: закупилъ всѣхъ смотрителей на сосѣднихъ станціяхъ, чтобы въ одинъ голосъ лгали, расказывая проѣзжающимъ, что у такаго-то помѣщика, то есть, у моего батиньки, дочь, барышня, и богагатая, и красивая, и разумная. Такъ, вѣрьте или нѣтъ, ежеденно не было отъ жениховъ отбою.

Кир. Петр., положивъ ей на плечо руку. На все маточка, судьба. Я ни отъ кого не слыхалъ о тебѣ и незналъ, есть ли ты и на свѣтѣ, а судьба, какъ судьба! Мимоѣздомъ заѣхалъ, да разомъ и влюбился въ тебя по уши... Смотрю, дѣвка кровь съ молокомъ, да подступить не смѣю. Для смѣлости натянулся съ твоимъ батинькой наливки; онъ принялся за гусли, да какъ дернётъ *горлицы*, а я и разносился, да въ присядку.....

Фенна Ст., разглаживая на лбу ему волосы, потомъ обняла его. Эта-то горлица меня и доѣхала! Вы носитесь въ присядку, а я такъ и таю... *Цалуетъ его въ лобъ.*

Кир. Петр. Ужъ какъ, что было въ тотъ вечеръ, ничего не помню, а назавтра проснулся твоимъ женихомъ... *Цалуетъ ее.*

Такъ разговаривая и вспоминая прежнее, былое, старички забывали о устроеніи счастья своей дочери, а предоставляли это судьбѣ, которая и ихъ свела для ихъ же блага.

И точно, судьба принялась устроить участь Пазинькину. По близости, въ имѣніи Кирила Петровича, какъ и во всѣхъ близлежащихъ деревняхъ, расположены были квартирами роты пѣхотныхъ баталіоновъ. Въ селѣ нашего Шпака квартировалъ ротный камандиръ, капитанъ Иванъ Семеновичь Скворцовъ, въ формѣ пѣхотный офицеръ: молодъ, строенъ, красивъ, ловокъ, уменъ, смѣтливъ, образованъ, какъ воспитанникъ кадетскаго корпуса, но бѣденъ и не имѣлъ въ виду ни откуда получить что-либо, кромѣ небольшаго домишка въ Русскомъ губернскомъ городѣ, если прежде него умретъ родной дядя, отставной генералъ-маіоръ. Въ этомъ обнадеживалъ дядюшка своего племянника и сверхъ того обѣщевалъ отказать ему и всю движимость, какая останется послѣ него въ домѣ, съ условіемъ только, чтобы племянникъ не женился «безъ расчету»—яснѣе, безъ приданаго.

И такъ видимое дѣло было, что Ивану Семеновичу иначе нельзя устроить своей участи, какъ выгодною женитьбою на достаточной деревенской барышнѣ. При частыхъ перемѣнахъ квартиръ онъ находилъ и достойныхъ невѣстъ также часто; первое дѣло—влю-

бить въ себя деревенскую дѣвицу—онъ успѣвалъ скоро; и которая бы изъ нихъ уклонилась отъ этой сладости? Года два не видавъ ничего порядочнаго, вдругъ увидѣть красиваго, ловкаго, молодаго офицера и услышать отъ него льстивыя похвалы.... какъ тутъ устоять? И такъ, сдѣлавъ первое дѣло, онъ приступалъ ко второму: какъ почтительный племянникъ, а не какъ жаждущій получить въ наслѣдство старинькій домикъ о пяти комнатахъ, онъ писалъ къ дядѣ, просилъ позволенія на бракъ съ такою. Получивъ согласіе, приступалъ къ третьему: относился къ родителямъ дѣвушки, отъ коихъ всегда получалъ отказъ. Эти родители ужасные люди! Имѣя красивыхъ дочерей съ достаточнымъ приданымъ, иначе не хотятъ выдать ихъ, какъ за богатыхъ, а о бѣдномъ и думать не хотятъ.

Иванъ Семеновичь получая на всѣхъ квартирахъ отказы, не терялъ надежды на будущее, и потому, занявши квартиры въ селѣ Кирила Петровича и услыша, что у него одна дочь, наслѣдница такаго имѣнія, которое превышало имѣнія тѣхъ невѣстъ, на коихъ онъ когда-либо сватался — тутъ было о чемъ подумать и расположить планъ атаки — онъ поспѣшилъ засвидѣтельствовать свое почтеніе хозяину деревни и былъ имъ радушно принятъ. Умный, образованный собесѣдникъ въ деревнѣ находка и не одному Кирилу Петровичу.

Не прошло полныхъ трехъ дней, какъ Иванъ Семеновичь выслушалъ всѣ выигрыши Христиносовъ, зналъ потери Карлистовъ, затвердилъ имена генераловъ обѣихъ партій и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда Изабелла, истребивъ всѣхъ мятежниковъ, станетъ покойно владычествовать. Хвалилъ масла и медовыя варенья Фенны Степановны (сахарными еще его не потчивали, потому-что онъ гость не изъ важныхъ: отъ наливокъ же онъ съ перваго раза отказался, подъ предлогомъ, что не начиналъ еще пить ничего крѣпкаго — условіе необходимое для желающаго войти въ довѣренность родителей), хвалилъ — и просилъ научить его, какъ это все такъ отлично дѣлается, а онъ бы научилъ тому тётушку свою, генеральшу....

Такъ вашъ дядюшка генералъ? спрашивалъ Кирилъ Петровичь.

Да-съ.

И послѣ того Кирилъ Петровичь не садился прежде Ивана Семеновича, и во всемъ сдѣлался къ нему «политичнѣе.»

На Пазиньку онъ и не смотрѣлъ никогда, и въ первый разъ, когда она вошла, Иванъ Семеновичь и не приподнялся со стула, чтобы ей поклониться, да уже Кирилъ Петровичь сказалъ: «это дочь наша.»

Тутъ только онъ привсталъ и сухо поклонился. Далѣе такихъ поклоновъ дѣло не шло очень долго.

Какъ между-тѣмъ онъ же, Иванъ Семеновичь, самымъ точнымъ образомъ сшивалъ газеты Кирилу Петровичу, а сидя въ спальнѣ Фенны Степановны, всколачивалъ въ большой бутыли сметану на масло, или наблюдалъ за жаромъ жаровни, на коей варилось медовое яблочное «павидло»; потомъ уже бѣгалъ по кладовымъ и отыскивалъ Мотрю къ барынѣ, кличущей ее.

Однимъ словомъ, не прошло и мѣсяца, какъ Иванъ Семеновичь, въ домѣ Шпаковъ, не только былъ какъ свой, но сдѣлался необходимымъ. Кирилъ Петровичь и Фенна Степановна скучали, если Иванъ Семеновичь по службѣ отлучался на нѣсколько дней, или если даже къ ужину не приходилъ; а объ обѣдахъ и говорить нечего; онъ обѣдалъ каждый день у Шпаковъ, и уже посуда поставлялась не фаянсовая, а простая, и прислуга была не въ синихъ сертукахъ и не въ нѣмецкихъ сапогахъ.

Уже онъ свободно разговаривалъ и даже зашучивалъ съ Пазинькою; она оставила обыкновенную свою робость, и не только свободно отвѣчала, но иногда относилась къ нему съ вопросами, на прим. «не прикажете ли подать вамъ покушать ягодокъ какихъ? и т. под. Онъ началъ-было называть ее Пелагеею Кири-

ловною, но Фенна Степановна противъ этаго возстала и сказала: «да ну тебя! (дружественное ты онъ пріобрѣлъ почти съ перваго знакомства) «еще и такую дѣвчонку величать; она дитя противъ тебя, да ты же и капитанъ; Пазинька, да и Пазинька, по-нашему.»

И Иванъ Семеновичь со всѣмъ усердіемъ величалъ ее Пазинькою; а въ отсутствіе родителей прибавлялъ: «милая Пазинька.»

«Любите ли вы читать книги, милая Пазинька?» спросилъ онъ ее, когда они, вычищая изъ вишенъ косточки для варенья, остались одни.

— О, какъ же! Очень люблю. —

«Какой у васъ любимый сочинитель?

— Люби, Гари и Поповъ. Я только этаго сочинителя и читала.

Такому отвѣту не удивился Иванъ Семеновичь; онъ слыхалъ часто подобные. Ему нужно было съ этой точки начать свою атаку къ невинному сердечку Пазинькиному — и такъ онъ, къ слову пришлось, предложилъ ей книжечекъ, еще новѣйшихъ сочинителей.

«Ахъ, сдѣлайте милость, одолжите! «просила Пазинька, и пожалуста какихъ пожалче, я люблю жалкія исторіи. Только знаете что? Когда будете давать книжки, то какъ можно посекретнѣе, чтобъ маменька не видала.»

Ивану Семеновичу очень не противно было такое условіе, и Фенна Степановна, точно никогда не замѣтила, когда онъ приносилъ и передавалъ дочери ея книжечки въ премиленькихъ переплетцахъ. Всѣ лучшія творенія нашихъ извѣстныхъ писателей Пазинька уже прочла, оплакала страдавшихъ героевъ въ нихъ, восхищалася ихъ счастіемъ; читала лучшія стихотворенія, и не только читала, но и понимала, разумѣется не красоты и не изящность въ нихъ, а содержаніе; довольно и того для «Пазиньки, дочери Кирила Петровича и Фенны Степановны Шпаковъ и ученицы madame Torchon и конюха Мирошки.»

Однаго не могла понять Пазинька: отъ чего это Иванъ Семеновичь, когда отдаетъ ей книги, то непремѣнно пожметъ ея руку и такъ ей быстро смотритъ въ глаза, что ее даже начнетъ морозить со спины; а вотъ недавно началъ при врученіи книгъ уже просить, чтобъ она ему улыбнулась; она исполняла просьбу его, но не понимала для чего это ему? Повѣривъ свою улыбку въ зеркало, она, не найдя въ ней ничего особеннаго, осталася при своемъ недоумѣніи. Какъ вотъ въ какомъ-то романѣ начитала, не то,

что бы подобное тому, но объяснившее, для чего *онъ* это дѣлаетъ!... Ага! бѣдная Пазинька, разгадавши эту штуку, бросила книгу; лежала, думала; щечки ея разкраснѣлися, глазки мутилися, иногда проскакивали слезки... думала, а между-тѣмъ свѣчка все горитъ, хоть солнце и давно уже взошло...

Въ тотъ день встрѣча Пазиньки съ Иваномъ Семеновичемъ была, какъ должно въ подобномъ положеніи: лишь она слышала приближающіеся шаги его, то, какъ птичка, быстро убѣгала въ свою комнату и дрожала всѣмъ тѣломъ; когда же непремѣнно должна была находиться въ присутствіи его, то не видѣла свѣта Божьяго, не разслушивала приказаній матери и отвѣчала все напротивъ. А *онъ*, Иванъ Семеновичь, и ничего! Еще все веселѣе былъ, нежели вчера, охотнѣе бѣгалъ по всѣмъ посылкамъ Ѳенны Степановны, а на Пазиньку и не глядитъ. «Спасибо ему, что хоть при маменькѣ не смотритъ на меня!» думала Пазинька.

Окончивъ вечернія приказанія, что должны сдѣлать женщины завтра, Пазинька спѣшила раздѣться и заняться романомъ, дочитать самое интересное, а она остановилась вчера на самомъ прелестномъ мѣстѣ... Нетерпѣніе, внутреннее волненіе, предчувствіе удовольствія отъ чтенія такой произвели въ щечкахъ ея румянецъ, что Дуняша, раздѣвая ее, замѣтила и даже вскрикнула:

«Ахъ, барышня, какія вы хорошенькія! Ну, какъ бы увидѣлъ васъ теперь Иванъ Семеновичь!

— Такъ что же? — вскрикнула Пазинька, поспѣшно закутываясь вся въ одѣяло, какъ будто бы Иванъ Семеновичь вотъ-вотъ и войдетъ.

«Такъ то, барышня, что мы всѣ, дворовые, думаемъ: какъ бы онъ васъ посваталъ, а вы бы за него пошли, то-то бы парочка была! Вы хорошенькія, и онъ красавчикъ. Какъ бы васъ теперь увидѣлъ, то вѣрно завтра бы и посваталъ.»

— Богъ знаетъ что̀! Иди себѣ; я спать хочу, сказала Пазинька и начала жмурить свои прелестные, смутившіеся глазки.

А неправда же, Пелагея Кириловна: вы вовсе не хотите спать; вы встали съ постели; изъ шкафика своего, отъ котораго ключь у васъ на снурочкѣ виситъ на шейкѣ, достали милую книжечку и принялись-было читать.... но что-то вы читаемаго не понимаете; у васъ въ ушахъ раздаются послѣднія слова Дуняшины.... вотъ вы положили книжечку; ручки свои скрестили на бѣлой, прелестной груди вашей; задумалися.... А о чемъ вы думаете, Пелагея Кириловна, а?... Ну, какъ Фенна Степановна узнаетъ ваши мысли?... Уфъ! это предположеніе васъ испугало, вы вскочили.... Ахъ, Боже мой! уже

солнце взошло!... Опять вы провели ночь странно, необыкновенно!...

День за день, случай доставлялъ часто встрѣчаться Пазинькѣ съ Иваномъ Семеновичемъ, быть съ нимъ вмѣстѣ, переливать заслащенныя водки изъ однаго штофа въ другой и — ничего; какъ будто ничего и не было между ними. Иванъ Семеновичь, доставляя Пазинькѣ книги, проситъ ее улыбнуться, она улыбнется, а наконецъ уже начала и приговаривать: «къ чему.... для чего вамъ это?...»

«Для моего счастья!» скажетъ Иванъ Семеновичь и уйдетъ скоро. Богъ знаетъ, къ чему онъ это говоритъ?...

Въ одинъ день Иванъ Семеновичь, вручая книги Пазинькѣ, не говоря ни слова, вдругъ поцаловалъ ея ручку.... Какое-то облако покрыло Пазиньку.... она зашаталася, чуть не упала; облако медленно прошло, *его* нѣтъ, а она долго не могла сойти съ мѣста. Ручки же своей, на которой то мѣсто, гдѣ *онъ* поцаловалъ, горѣло какъ послѣ ляписа, она боялась выставить на глаза матери и все прятала ее. Почему бы Феннѣ Степановнѣ узнать, что Иванъ Семеновичь поцаловалъ руку дочери ея, да подите же вы съ Пазенькою! Она этаго ожидала и въ необыкновенномъ положеніи провела весь этотъ день.

Скоро послѣ того Пазинька возвратила книжки Ивану Семеновичу и онъ опять поцаловалъ ручку ея. Принесъ новыхъ книгъ, отдаетъ, опять цалуетъ ручку—и уже такъ пошло, что Пазинька, отдавая или принимая книжки, навѣрное знаетъ, что онъ поцалуетъ ей руку; а, если правду сказать, чуть ли она уже и не стала ожидать того и даже желать....

Однажды, видно въ разсѣяніи, Иванъ Семеновичь, вмѣсто бѣленькой ручки, да поцаловалъ Пазиньку въ розовыя губки.... и какъ молнія исчезъ... «Что это такое?... Что изъ этаго будетъ?..» чрезъ полчаса только могла Пазинька подумать и думала объ этомъ весь день, думала противъ воли; губки ей напоминали о томъ: онѣ горѣли какъ будто послѣ.... нѣтъ не ляписа, а какъ будто послѣ перваго поцалуя любви. Помните ли, сударыня, какъ онѣ горятъ? Ну, вотъ такъ онѣ горѣли и у Пелагеи Кириловны.

«Что изъ этаго будетъ?» думала весь день Пазинька. А вотъ что будетъ. Въ древности, или какъ приговариваютъ наши старики, «еще не за нашей памяти», когда Амуры, Венеры и проч. подобные имъ были у людей въ почтеніи и имъ строили храмы, то при храмѣ Венеры, или чистой, брачной любви, воздвигаемо было преддверіе, посвященное «Надеждѣ»: въ жертву ей приносили чистый, непорочный поцалуй. Совершившіе такую жертву, тогда уже могли

входить «и въ храмъ любви» для принесенія жертвы, требуемой обрядомъ. Въ подобномъ чѣмъ-то это правило дошло и до насъ. Если поцалуй первый данъ, *должно* уже приступить къ браку, или, по крайней мѣрѣ, условиться на счетъ его.

Такъ поступилъ и Иванъ Семеновичь. Чрезъ нѣсколько дней послѣ перваго поцалуя, когда полагалъ, что губки Пазинькины уже перестали горѣть, онъ вызвался Феннѣ Степановнѣ, озабоченной какими-онъ суетами, итти къ пруду, гдѣ особенно устроено было заведеніе для молодыхъ утятъ. Прудокъ этотъ обсаженъ былъ вѣтвистыми деревьями, разросшимися до того, что въ тѣни ихъ такъ было темно и мрачно, что и при ясномъ солнечномъ сіяніи нельзя было различить предметовъ. Прудокъ этотъ былъ огороженъ и къ водѣ пущена одна калитка, куда утятъ выгоняли изъ воды на ночь. Иванъ Семеновичь принялъ на себя обязанность повѣрить утятъ, старыхъ утокъ, насѣдокъ, осмотрѣть, есть ли у нихъ кормъ въ достаткѣ и т. под. Подобныя слѣдствія онъ, желая облегчить заботы Фенны Степановны, часто принималъ на себя и исполнялъ ихъ со всею точностію и къ удовольствію Фенны Степановны.

Иванъ Семеновичь пошелъ. Но посмотрите: не дѣлаетъ ничего, не ревизуетъ, не осматриваетъ, а стоитъ-себѣ преклонясь къ дереву и жадно смотритъ на калитку. Онъ зналъ обычаи Пазиньки, что если

матери не время осмотрѣть какую часть по хозяйству, а для осмотра всего были установленные дни и почти часы, то шла сама и исполняла вмѣсто матери. Теперь, увидѣвъ, что маменька занялася повѣркою и пріемомъ мотковъ, приносимыхъ сельскими пряхами, она не захотѣла оставить утятъ безъ наблюденія, какъ слѣдовало въ это время дня, а потому, не сказавшись матери, пошла къ пруду....

Отъ пруда воротилась скоро, чрезъ часъ съ четвертью, весела, жива, проворна, говорлива, но матери не сказала, что она ходила навѣстить утятъ. Чрезъ полчаса пришелъ Иванъ Семеновичь и отдалъ полный, удовлетворительный отчетъ о благосостояніи всего утинаго общества и получилъ отъ Феппы Степановны благодарность. Странное дѣло, что и Иванъ Семеновичь, возвратясь изъ слѣдствія, былъ какъ не тотъ: глаза его горѣли, голосъ былъ мягкій, нѣжный и онъ самъ какъ-будто исполненъ какой-то гордости. Пазинька не отлучалася къ себѣ, весь день пробыла *съ своими*, не только говорила, но и шутила съ Иваномъ Семеновичемъ, чего давно за нею не было, и—чего никогда за нею не было—ударила его по рукѣ, когда онъ за ужиномъ насыпалъ перцу въ ея тарелку съ молочною кашею.

Чего же они обое такъ развеселилися? Еще-таки Иванъ Семеновичь, тотъ никогда не утихалъ, только не затрогивалъ Пазиньки, а теперь такъ

и моритъ ее со смѣху. Она же какъ вдругъ перемѣнилася: изъ скромной, застѣнчивой, вдругъ вышла такая говорунья и хохотунья, что ее и не узнаешь. Отъ чего же это?

А вотъ, изволите видѣть, отъ чего. Иванъ Семеновичь, какъ пошелъ оглядѣть утятъ, да, пришедши на мѣсто, не думалъ и о старыхъ уткахъ, а стоялъ, какъ сказано, у дерева надъ прудомъ и быстро, внимательно смотрѣлъ на калитку. Сія, виноватъ—эта... нѣтъ, нѣтъ — извините, оная.... Тьфу пропасть! я такъ занимаюся спорами на счетъ этихъ словъ, что боюсь употребить которое-нибудь изъ нихъ, чтобы и не прогнѣвить противниковъ.... И такъ грѣхъ пополамъ: калитка отворилася и изъ-за нея мелькнуло бѣлое платьице.... Иванъ Семеновичь уже близъ него, взялъ это платьице за руку, удержалъ его, потому-что оно хотѣло вырваться и убѣжать.... Платьице осталось, а Иванъ Семеновичь началъ говорить... Какъ онъ прекрасно, сильно говорилъ! Безъ слезъ нельзя было слушать его трогательныхъ и нѣжныхъ рѣчей! Жаль только, что никто не слыхалъ и не знаетъ, что онъ говорилъ! Даже и та, которая была въ бѣленькомъ платьицѣ, а это была не другая кто, какъ Пазинька, такъ и она не могла ничего понять изъ прекрасныхъ его и трогательныхъ рѣчей (да врядъ ли и самъ онъ понималъ что-либо!). Ей только и слышались слова: «люблю, любить, любя», и она, слушая ихъ цѣлые полчаса, до того наслушалась,

что и сама — сначала робко, едва выговаривая, а потомъ уже очень внятно — произносила: «люблю, любить».... а тамъ они оба уже, сладивши дѣло, заговорили вмѣстѣ: «люблю, любить, любимъ, любить...» Болѣе у нихъ ни о чемъ и помину не было и, кажется, забыли считать утятъ, зачѣмъ пришли. Эти слова они говорили и стоя, и ходя по дорожкѣ, и когда онъ цаловалъ — что дѣлалъ почасту — ручку ея; потомъ замолчали оба, по той причинѣ, что онъ ее поцаловалъ, потомъ она его, и наконецъ обое вмѣстѣ поцаловалися страстнымъ, долгимъ поцалуемъ, и тутъ она убѣжала къ дому, и Иванъ Семеновичь тихо, важно, радостно пошелъ за нею, и пришли, какъ сказано, не вмѣстѣ. Вотъ отъ-чего они были такъ веселы послѣ того. Не мудрено. Помните ли, какъ вы были веселы въ тотъ день.... знаете?... Я живо помню все; и было отъ чего быть веселу!

На другой день Иванъ Семеновичь пришелъ очень серьёзный и также серьёзно просилъ Кирила Петровича и Фенну Степановну поговорить съ нимъ особо. Говорили-говорили, часа два говорили.... а Пазинька все это время, въ ближней комнатѣ, то стояла прислушиваяся, то, теряя силы, садилась блѣдная, то вдругъ раскраснѣется и начнетъ ходить по комнатѣ, безъ жалости ломая свои бѣлыя ручки; нерѣдко утирала она и слезки, стараясь скрыть состояніе души своей, если позовутъ ее родители.... Она этаго нетерпѣливо ждала, но объ ней никто и не вспо-

миналъ... Нѣтъ, вспоминали-то очень, и даже безпрестанно о ней и говорили, но кликать къ себѣ не кликали .. бѣдненькая!.. А она очень того желала и надѣялась.

Часа черезъ два Иванъ Семеновичь оставилъ Шпаковъ; вышелъ же отъ нихъ совершенно разстроенъ, смущенъ, огорченъ, однимъ словомъ съ крайнимъ отчаяніемъ на лицѣ. Но все еще могъ увидѣть Пазиньку, подошелъ къ ней, обнялъ ее и, сквозь слезъ, сказалъ: «другъ мой! родители твои несогласны... у нихъ жестокія сердца... но нѣтъ силы, которая бы насъ разлучила... ты будешь моею!...» и съ симъ словомъ поцаловалъ онъ ее такъ, какъ обыкновенно любовники цалуются при разставаніи надолго....

«Такъ не успѣешь же ты, развратникъ, въ своемъ зломъ намѣреніи! »раздался при такомъ поцалуѣ любящихся грозный голосъ раздраженнаго до чрезвычайности Кирила Петровича, который вслѣдъ за Иваномъ Семеновичемъ вышелъ изъ «кгабинета» и видѣлъ всѣ дѣйствія и слышалъ слова его....

«Вонъ изъ нашего дома и не смѣй глазъ къ намъ показывать, когда ты рѣши....» Тутъ Кирилъ Петровичь крѣпко закашлялся, гнѣвъ захватывалъ духъ у него...

«Что это вы съ собою, душечка, дѣлаете?» кричала Фенна Степановна мужу: берегитесь, чтобы чего не приключилось. У васъ же такая слабая натура! Совсѣмъ испортите свою комплекцію... ну-те его въ болото!..»

Кир. Пет. Да какой онъ дерзкій? Слышали вы, маточка, какъ онъ сказалъ, что его родъ ничѣмъ не хуже нашего?

Фенна Ст. А слышали вы, душечка, какъ онъ сказалъ Пазинькѣ, что у насъ жестокія сердца?.. Это значитъ возставлять дѣтей противъ родителей! Прекрасно! А пусть докажетъ, когда и надъ кѣмъ и какую жестокóсть мы сдѣлали? Хоть сейчасъ умереть и будь я анаѳема-проклята, когда противъ кого была жестока.

Кир. Петр. Да какъ онъ смѣлъ разсуждать, что богатство ничего не значитъ, и что хотя онъ бѣденъ, но также благороденъ, какъ и я.... Также!... сравнялъ себя со Шпаками....

Фенна Ст. Вотъ вы, душечка, тратитесь и убыточитесь на дѣло съ Тпрунькевичемъ объ этихъ проклятыхъ гусяхъ, а лучше подайте на него, на этаго офи́цера, жалобу, что онъ васъ обругалъ....

Кир. Петр. Дѣло, дѣло. Вотъ пріѣдетъ мой повѣренный, Хвостикъ-Джмунтовскій: я ему поручу сочинить прошеніе, какъ онъ обругалъ весь родъ мой, какъ при мнѣ, отцѣ, и при тебѣ, матери, цаловалъ единородную дочь нашу, противъ нашей воли....

Фенна Ст. И какія грѣховныя слова говорилъ ей; нѣтъ-де такой силы, чтобъ насъ разлучили.... Ахъ, онъ безбожникъ! А небесныя силы куда онъ дѣвалъ? у него нѣтъ ничего святаго, онъ фармазонъ!...

Вотъ какое гоненіе возстало на Ивана Семеновича отъ тѣхъ людей, которые наканунѣ еще любили его до того, что души въ немъ не слышали! И все это за то, что осмѣлился свататься за ихъ дочь. Хорошо бы, если бы Иванъ Семеновичь, выслушавши благоразумныя возраженія Кирила Петровича—что онъ бѣденъ, а въ супружествѣ нужно равенство состояній, бѣдность же однаго есть язва, вредъ общественный: будутъ дѣти и будетъ ихъ много; чѣмъ раздѣлятся? всѣ будутъ недостаточные, и за это маленькое будутъ болѣе питать любви къ тому лицу изъ родителей, кто имъ доставилъ имѣніе, а другаго лица и уважать не будутъ; это порча нравственности; что фамилія Ивана Семеновича и родъ его уже конечно ни почему не могъ сравняться съ фамиліею и родомъ Шпаковъ, древнимъ, знаменитымъ, славнымъ, какъ свидѣтельствуютъ выписки

изъ архива Малороссійской коллегіи; дѣти, рожденныя отъ такаго неравнаго брака, понесутъ на себѣ пятно и унизятъ, посрамятъ знаменитость рода Шпаковъ — хорошо бы, если бы Иванъ Семеновичь, выслушавши все это, неограниченно во всемъ сознался, извинился бы въ своей дерзости и просилъ бы, забывъ проступокъ, продолжать къ нему прежнія милости, а то куда! Началъ опровергать благоразумныя заключенія Кирила Петровича и настоятельно доказывать, что при супружествѣ не должно смотрѣть на имущество, что богатство вздоръ (экой чудакъ!), что можно и малымъ быть довольну, что людей уважаютъ не по богатству, а по внутреннимъ достоинствамъ (настоящій фармазонъ). А когда дошло до рода Шпаковъ и Ивана Семеновича, такъ онъ, не обинуяся, сказалъ, что, можетъ быть, родъ его важнѣе всѣхъ Шпаковъ и больше принесъ пользы.... Тутъ Кирилъ Петровичь, будучи холерическаго темперамента, не могъ уже выдержать — и кто бы и выдержалъ? попросилъ Ивана Семеновича оставить ихъ, «поколѣ они не пригласятъ его паки.» Конечно, это былъ отказъ отъ дому, но отказъ вѣжливый, пристойный, и Иванъ Семеновичь, хотя и крѣпко смущенный, но вышелъ учтиво—и все пошло бы современемъ очень хорошо, попрежнему; но онъ встрѣтилъ Пазиньку, обнялъ ее, поцаловалъ и выговорилъ ужасныя слова: «у родителей жестокія сердца» и нѣтъ власти, могущей ихъ разлучить. Идущіе же за нимъ вслѣдъ, Кирилъ Петровичь и

Фенна Степановна, все это видѣли и слышали!... Весьма естественно, что Кирилъ Петровичь и самъ по себѣ пришелъ въ вящше холерическое раздраженіе, а тутъ и Фенна Степановна усилила его своими тонкими и справедливыми замѣчаніями на счетъ дерзкихъ словъ дерзкаго Ивана Семеновича. Вотъ потому то и отказали ему навсегда отъ дому. Бѣдный Иванъ Семеновичь! Бѣдная Пелагея Кириловна!

Кирилъ Петровичь, какъ самъ свидѣтельствовалъ, былъ холерической комплекціи; это онъ, какъ извѣстно, начиталъ въ Брюсовомъ календарѣ и, повѣривъ планету, подъ коею родился, нашелъ всесовершеннѣйше справедливымъ. Слѣдовательно, посердяся на Ивана Семеновича нѣсколько часовъ, а много день, наконецъ простилъ бы его и, взявъ съ него слово, не цаловаться болѣе съ Пазинькою и не произносить подобныхъ дерзкихъ словъ, принялъ бы его въ прежнюю ласку и убѣдилъ бы къ тому и Фенну Степановну. Все это было бы, я знаю, непремѣнно, если бы Иванъ Семеновичь замолчалъ и предоставилъ бы времени уладить все; но онъ не замолчалъ, не оставилъ дѣла, а принялся дѣйствовать.

Благоразумные и осторожные родители, проводивъ Ивана Семеновича, призвали къ себѣ Пазиньку и, не подозрѣвая, чтобы онъ ей говорилъ что-либо о замужствѣ, и не предполагая никакъ, чтобы они имѣли свиданіе у пруда, гдѣ водятся утенки, не раз-

спрашивали ее ни о чемъ, а только строго запретили, чтобы она уклонялась отъ всякой встрѣчи съ Иваномъ Семеновичемъ, не слушала бы словъ его, если бы онъ паче чаянія вздумалъ говорить о чемъ.

«А цаловаться — и сохрани тебя Богъ! примолвила Фенна Степановна. Иное дѣло, противъ твоей воли, какъ поцаловалъ тебя Иванъ Семеновичь: тутъ ты невластна. Это было и со мною: я еще была въ дѣвкахъ; проходили чрезъ наше село легкоконцы и къ батинькѣ собралось офицеровъ тма тмущая. Я боялась къ нимъ и глаза показать; сижу въ своей горницѣ, какъ вотъ и вошелъ ко мнѣ одинъ офицеръ и говоритъ: «ахъ, какая хорошенькая барышня! поцалуйте-де меня». Я чтобы отвернуться отъ него, а онъ меня и поцаловалъ, да раза три, и все насильно, да и пошелъ отъ меня «негляже». И кто онъ такой—я и по сей день не знаю, только помню, что очень красивый былъ. . . .»

— Какія вы, маточка, нелѣпости расказываете, да еще и при дочери, сказалъ хмурящійся Кирилъ Петровичь.

«А что же, душечка: что правда, то правда. Я это въ наставленіе ей пересказываю. Иное дѣло насильно, а другое дѣло цаловаться по согласію: я ей это строжайше запрещаю.

— Не поцалуи и свиданія только, замѣтилъ Кирилъ Петровичь, но опасна и всякая переписка и пересылка. Подтвердите ей и вы маточка — да и сами прилѣжно присматривайте, чтобъ не было какаго шпіонства, подобно-какъ въ арміи Христиносовъ. Это ужасъ, что тамъ дѣлается! Если бы не предатели, давно бы уже ни однаго Карлиста не осталось. Я вамъ, маточка, раскажу одинъ примѣръ. Когда Христиносы. . .

«Да полно, душечка, съ вашими мериносами... или какъ они у васъ! . . . я вамъ, Кирилъ Петровичь, не наудивляюся; человѣкъ вы съ такимъ умомъ, а всегда говорите нелѣпости. Что намъ нужды до чужаго государства, которое, я думаю, на краю свѣта, и въ которомъ, навѣрное, намъ никогда и быть недостанется. Да пусть они хоть всѣ перерѣжутся! Намъ своя бѣда ближе. Лишь бы любовнаго свиданія не было, а за переписку я не боюсь: хорошо я сдѣлала, что исхитила Пазиньку изъ разврата, взяла изъ дому Опецковскихъ: тамъ она не только писать, да и читать, что умѣла, вѣрно позабыла. По мнѣ.»

Пазинька внимательно слушала разсужденія матери своей, а думала свое. Она очень хорошо читала и даже рукописное, привыкши разбирать чоткую руку Ивана Семеновича, когда онъ ей переписывалъ какіе стишки; а если ей нравилась въ книгѣ какая пѣсенка, любовныя изъясненія, такъ она выпи-

сывала ихъ къ себѣ, сначала удивительно безобразными буквами, а далѣе-далѣе, занимаяся безпрестанно и подражая почерку Ивана Семеновича, начала писать уже такъ, что, хотя и съ трудомъ, но разобрать написанное ею можно было.

И такъ, слушая родительскія наставленія и слѣдуя совѣту сердца своего, въ первый разъ любящаго и уже испытывающаго жестокія гоненія, Пазинька поставила себѣ правиломъ: не отыскивать Ивана Семеновича, а если онъ встрѣтитъ ее самъ, она невиновата. При такомъ случаѣ самой не цаловать его; а если онъ поцалуетъ, она не виновата: такъ маменька разсудила. О перепискѣ же, какъ не было рѣшительнаго запрещенія, то Пазинька предоставила это обстоятельствамъ и случаю, который вскорѣ и открылся.

Пришедши къ себѣ въ комнату, она очень грустила, что нескоро, а можетъ, и никогда не увидитъ Ивана Семеновича; она поплакала; потомъ оторвала отъ однаго письма, къ отцу ея писаннаго, чистые поллисточка; за неимѣніемъ карандаша начертила булавкою двѣ линѣйки, пріискала выкинутыя изъ отцовскаго кабинета порченыя перья и начала писать по линѣйкамъ слѣдующее:

«Ваня мой! Я всё пла̀чу, а все видѣть васъ хочу. Какъ бы намъ увидѣться? а то я умру!»

И безъ трехъ клаксь на этихъ двухъ строчкахъ, трудно было всякому прочесть ихъ отъ множества ошибокъ, недописокъ, неправильнаго переноса словъ; но Иванъ Семеновичь прочелъ ихъ. Какъ же онъ получилъ это любовное посланіе? Самымъ обыкновеннымъ образомъ.

Пазинька, хотя и крѣпко измучилась, уладивши написать эти двѣ строки, но придумала средство доставитв ихъ по-принадлежности. Призвала свою Дуняшу и чистосердечно открыла ей свои мученія и необходимость доставить эту записку милому Ванѣ. «Отдавши записку секретно — такъ приказывала невинная и неопытная Пазинька — чтобъ ни батинька, ни маминька и никто не видали, скажи ему, чтобъ черезъ тебя сказалъ, живъ ли онъ еще, такъ же ли плачетъ какъ и я, и какъ думаетъ со мною увидѣться? Пусть на словахъ все скажетъ, а не пишетъ; я писаннаго не разберу, и попадется кому, такъ бѣда. Услужи мнѣ въ этомъ, Дуняша, и посекретничай. Я, вышедши за-мужъ за моего Ваню, возьму тебя съ собою и выдамъ за-мужъ за славнаго жениха.»

Дуняша, обольщенная такою лестною наградою, и почитая, что она уже непремѣнно будетъ за подмѣченнымъ ею унтеръ-офицеромъ, Плескачевымъ, красивѣе коего она во всей ротѣ не находила, поспѣшила услужить барышнѣ своей — и взявъ отъ нея

любовную цидулочку, пошла чрезъ садъ съ тѣмъ, чтобы, выйдя изъ саду, перейти плотину и тамъ, за рѣкою, у квартирующихъ солдатъ доспроситься пана-капитана и вручить ему посланіе.

Надобно сказать, что у Кирила Петровича близъ дому находился садъ —- или лучше сказать — фруктовый лѣсъ. Въ немъ напичкано было деревьевъ лучшихъ сортовъ и разныхъ наименованій яблокъ, грушъ, сливъ, черешень, вишень, смородины, аргусу (крыжовнику), малины и всего прочаго. Этотъ садъ былъ на семи десятинахъ; кромѣ деревьевъ съ плодами, въ немъ было нѣсколько прудовъ, гдѣ содержалася отличная рыба на случай пиршествъ, или пріѣздовъ отличныхъ гостей въ постные дни. На другихъ прудахъ пребывали гуси и утки, какъ уже объ одномъ такомъ прудѣ намъ извѣстно по встрѣчѣ Пазиньки съ Иваномъ Семеновичемъ. Въ саду этомъ не было ни аллей, ни куртинъ, ни гротовъ, ни бесѣдокъ, а только протоптаны были узенькія дорожки отъ главнаго входа въ садъ къ рѣкѣ прачками, къ прудамъ птичницами, къ банѣ, къ голубятнѣ и къ нѣкоторымъ развѣсистымъ яблонямъ, въ тѣни коихъ были простыя некрашеныя скамейки и безъ спинокъ. На этихъ скамейкахъ, изгнанный поломойками изъ дому, Кирилъ Петровичъ каждую субботу рѣшилъ судьбу Испаніи, проклиная Карлистовъ, когда начитывалъ въ газетахъ торжество ихъ.

Чрезъ этотъ-то садъ пробиралась Дуняша, какъ вдругъ столкнулась съ Иваномъ Семеновичемъ, въ мрачныхъ мысляхъ бродившимъ по многочисленнымъ дорожкамъ, протоптаннымъ въ разныхъ направленіяхъ. Онъ, бѣдненькій, загоревался у себя въ квартирѣ также, какъ и Пазинька въ домѣ, и пошелъ въ господскій садъ бродить, ожидая, не встрѣтится ли съ нимъ кто, могущій передать Пазинькѣ о страданіяхъ его. . . Какъ вотъ Дуняша, къ отрадѣ его, вручила ему письмо барышни своей.

Кромѣ врученнаго письма, Дуняша со всею точностью передала всѣ вопросы Пазинькины: «живы ли вы? плачете ли по барышнѣ, какъ онѣ по васъ? и какъ вы думаете съ ними увидѣться? Только не пишите ничего, а все мнѣ перескажите, а я барышнѣ передамъ.»

Иванъ Семеновичъ и началъ поручать Дуняшѣ свои горести, печали, и предлагалъ Пазинькѣ средство, какъ вечеромъ, незамѣтно ни отъ кого, пробраться въ садъ, гдѣ онъ «увѣритъ ее въ сильнѣйшей страсти своей, лютомъ отчаяніи, и поговоримъ о средствахъ къ преодолѣнію всѣхъ горестей. . . .»

— Не донесу всего, ей Богу, не донесу! — перервала его Дуняша: вы мнѣ такаго наговорили, что я и *въ пять годъ* не раскажу.

«Что же мнѣ дѣлать? вскрикнулъ Иванъ Семеновичь.

— Какъ себѣ знаете, такъ и дѣлайте, а я не могу всего пересказать, сказала Дуняша и хотѣла уже возвратиться домой.

«Постой же и выслушай внимательно хоть это и перескажи барышнѣ, что я къ ней все напишу обстоятельно и завтра пришлю рано письмо. А ты ожидай моего денщика здѣсь.»

— Вотъ это понимаю и перескажу барышнѣ, а завтра, какъ солнце взойдетъ, такъ и присылайте письмо: я здѣсь, подъ этою яблонею, буду ожидать.»

Съ тѣмъ они разстались, и посланница пересказала подробно о всѣхъ условіяхъ съ Иваномъ Семеновичемъ.

«Смотри же, Дуняша, не проспи!» сказала Пазинька и отворотилась къ стѣнкѣ, не съ тѣмъ, чтобы спать, а прогоревать и проплакать всю ночь, что и исполнила во всей точности. Бѣдняжечка!

Не во снѣ провелъ и Иванъ Семеновичь эту ночь! Нѣтъ, онъ также вовсе не спалъ, а приготов-

лялъ письмо къ своей возлюбленной. Сперва надобно было письмо сочинить такъ, чтобы она поняла его, а потомъ и переписать, чтобы она прочла его свободно. Много было трудовъ Ивану Семеновичу, но онъ достигъ своей цѣли и окончилъ письмо гораздо ужѐ по восхожденіи солнца.

У Ивана Семеновича, въ числѣ денщиковъ, былъ одинъ по прозванію Шельменко. Въ казенномъ селеніи бывъ умнѣе всѣхъ и грамотенъ, онъ добился до того, что попалъ въ волостные писари. Тутъ-то онъ показалъ всѣ свои способности! Не было хитрѣе его на всѣ пронырства и лукавства. Всѣ засѣдатели земскаго суда, *въ дѣлахъ важныхъ*, относились къ нему за совѣтами и руководствомъ — и Шельменко такъ велъ дѣла, что все оканчивалось чисто и гладко. Мужики — которые побогаче — кряхтѣли, уплачивая раза по четыре однѣ и тѣже подати; но Шельменко увѣрялъ, что такъ должно быть, пришло предписаніе отъ начальства о сборѣ на новый предметъ, и потому донять столько-то и столько-то, при чемъ читалъ бумагу, имъ же составленную, и всѣ, вѣря ему, платили безотговорочно. Бѣдныхъ же, въ этомъ случаѣ, оставлялъ въ покоѣ, и вездѣ, по денежнымъ взысканіямъ, оговаривалъ и отклонялъ ихъ отъ платежа, доказывая полученными предписаніями, или высчитывая на счетахъ, тамъ на примѣръ: «Вотъ съ тебя (богатаго) слѣдовало бы получить три рубля, но ты уже уплатилъ два рубля, то вотъ и положимъ

къ тремъ рублямъ два, вотъ и выходитъ пять. Такъ-ли?»

«Такъ, панъ-писарь!... Да только что-то много...»

— Конечно много, я самъ вижу, а заплатить надобно. Отсчитывай же деньги скорѣе, у меня нужнѣйшія дѣла есть.»

И бѣдный мужичокъ, кряхтя и почесывая затылокъ, платилъ деньги по назначенію Шельменка, не переставая удивляться, отъ-чего тамъ много пришлось ему платить.

И какъ онъ бѣдныхъ не обсчитывалъ въ деньгахъ, то они любили его и вѣрили расчетамъ его по другимъ предметамъ; а отъ того, на починку мостовъ, гатей, дорогъ и на всѣ общественныя работы, выходили одни бѣдные, а богатые, занимаясь своими дѣлами, хвалили способности Шельменка въ разчисленіи — и лучшаго писаря не желали.

Шельменко умѣлъ изо всего извлекать свои выгоды: рѣдкій день, чтобы онъ не содралъ чего съ ищущихъ правосудія въ волостномъ правленіи. Когда же выходилъ «застой», какъ онъ говорилъ, и ссорящихся и спорящихъ не было, тутъ онъ, тонкимъ образомъ, вовлекалъ въ ссоры и споры, часто за бѣздѣлицу, и привлекалъ ихъ къ своему суду, бралъ съ

нихъ что хотѣлъ, и заставлялъ голову рѣшить дѣло по своему желанію. Доходили жалобы на него и въ земскій судъ; но тамъ были всѣ *его рука*, и потому онъ же получалъ отъ жаловавшагося на него за безчестье и убытки по своему назначенію.

Какъ уже ни былъ богатъ, но хотѣлъ еще болѣе пріобрѣсть. Открылся рекрутскій наборъ; онъ схватилъ однаго сына у богатой матери и поспѣшилъ отвезти его въ городъ для отдачи. Представляемый въ рекруты былъ Никифоръ; онъ велѣлъ ему называться «Никитою», увѣряя, что это одно и тоже имя и проч.; все такъ поддѣлалъ и представилъ его въ послѣдніе дни набора, зная, что тутъ не такъ прилѣжно разсматриваютъ, поспѣшая, чтобы наборъ къ сроку кончить. Въ поданной имъ въ присутствіе бумагѣ бѣдный Никифоръ былъ написанъ изъ большой сказки, гдѣ всѣ отмѣчены переселившимися на Кавказъ; но онъ все это подчистилъ и такъ заправилъ, что бѣдный малый чуть-было не поступилъ на службу, какъ явившаяся тутъ же мать его рѣшительно и ясно открыла всѣ плутни Шельменка—и ему, за всѣ его злоупотребленія, въ тоже время забрили лобъ, не смотря на всѣ его извороты и наклепанныя на себя болѣзни.

Поступивъ на службу, Шельменко хотѣлъ и тутъ хитрить: прикинулся пошлымъ дуракомъ, не понимающимъ ничего; не зналъ, куда руки дѣвать; не пони-

малъ правой и лѣвой стороны; его учили, штрафовали, но онъ все переносилъ терпѣливо, полагая, что потеряютъ съ нимъ терпѣніе и его отпустятъ совсѣмъ домой. Въ самомъ дѣлѣ съ нимъ потеряли всякое терпѣніе и въ полку почитали его глупымъ, дуракомъ: такъ удачно умѣлъ онъ притвориться; какъ же былъ весьма непоказной наружности, то его и выписали въ денщики. Тутъ-то онъ поступилъ къ капитану Скворцову, нашему Ивану Семеновичу.

Иванъ Семеновичь скоро разгадалъ его и употреблялъ въ разныя дѣла по способности. Въ теперешнемъ горестномъ положеніи своемъ онъ рѣшился сдѣлать Шельменка довѣренною особою, открыть ему все и потребовать его содѣйствія. На сей конецъ онъ, окончивъ письмо къ Пазинькѣ, призвалъ къ себѣ Шельменка и имѣлъ съ нимъ разговоръ.

И. С. Скажи ты мнѣ, Шельменко, по всей справедливости: бывалъ ли ты влюбленъ?

Шельменко, при уродливой наружности, вытянувшись неловко передъ капитаномъ, принявъ на себя глупый видъ, между-тѣмъ со всѣмъ вниманіемъ смотритъ ему въ глаза, чтобы понять, съ какимъ намѣреніемъ спрашиваютъ его. Черта Малороссіянина. Что бы тò будучи-какъ, ваше благородіе?

Разбогатѣвшій или поступившій на должность Малороссіянинъ начинаетъ важничать, говоритъ отборными словами, и нѣкоторыя слова въ особенности, имъ избранныя: будучи, примѣромъ сказать, выходитъ, стало быть, и т. под., употребляетъ безпрестанно къ дѣлу и напротивъ, и всегда произноситъ ихъ протяжно, нараспѣвъ. Шельменко, бывъ еще писаремъ, важничалъ и принялъ слова: «будучи» и «стало быть.»

И. С. Ну, любилъ ли ты кого нибудь?

Шельм. Охъ, ваше благородіе! Будучи—не куда грѣха дѣвать. Любилъ и — стало быть — еще и теперь крѣпко люблю!

И. С. Это для меня новость. Кого же ты любилъ и какъ? вѣрно до солдатства еще?

Шельм. И до солдатства и — будучи — въ солдатствѣ, любилъ, люблю и буду повѣкъ любить!

И. С. Скажи же мнѣ, кого ты такъ страстно любишь?

Шельм. Деньги, ваше благородіе! Будучи — ихъ-то люблю страшно!

И. С. Скотъ — и больше ничего.

Шельм. Такъ-таки — скотъ, ваше благородіе! Ей истинно сказали — стало быть — скотъ, именно скотъ, и самъ вижу.

И. С. Дуракъ! Любилъ-ли ты какую дѣвушку?

Шельм. А чтобъ онѣ — будучи — не дождали, чтобъ ихъ Христіанскій родъ любилъ!

И. С. Почему же?

Шельм. Убыточно ихъ любить, ваше благородіе! Хоть ихъ, какъ хочешь—будучи люби, а она все требуетъ — стало быть — подарковъ. Оттого-то я всегда удалялся отъ нихъ.

И. С. Нечего же съ тобою и говорить: ты ничего не понимаешь. Пошли ко мнѣ Усачова: тотъ лучше сдѣлаетъ, что я прикажу.

Шельм. Помилуйте, ваше благородіе! Зачѣмъ же я—будучи—не сдѣлаю! Я все сдѣлаю въ десять разъ лучше Усачова. Прикажите мнѣ—стало быть—что нужно.

И. С. То-то же, Шельменко; смотри, услужи мнѣ въ этомъ дѣлѣ; ты и не ожидаешь, какъ я

тебя награжу: засыплю деньгами, твоими любезными.

Шельм. И отставка будетъ, ваше благородіе?

И. С. Само по себѣ. Это прежде всего.

Шельм. Когда такъ изволите—будучи—приказывать, ваше благородіе! На дно моря пойду, въ огонь полѣзу, а все исполню по приказу.

И. С. Ну, вотъ видишь что. Я люблю дочь здѣшняго помѣщика. Видалъ ли ты ее?

Шельм. Какъ уже — будучи—не видать? Что за красавица! Волосы какъ смоль, толстенькая — стало быть—плотненькая.....

И. С. Врешь, она блондинка.

Шельм. Имени ея не знаю, въ-первое отъ васъ —будучи—слышу: но намъ не до имени ея дѣло, а до ея чорныхъ глазъ....

И. С. Еще не до нея и не до глазъ ея, а вотъ это письмо неси, и въ господскомъ саду найдешь ея дѣвушку, она дожидаетъ тебя, отдай ей только это письмо и спроси, когда за отвѣтомъ приходить?

Шельм. Слушаю, ваше благородіе! Счастливо оставаться.

При чемъ онъ хотѣлъ оборотиться по-солдатски, запнулся, спотыкнулся, пошатнулся и чуть не упалъ. «А, что мнѣ эта служба!» проговорилъ онъ.

И. С. Видишь ли? Примѣта дурная. Смотри, дѣйствуй осторожно; не отдай кому письма безъ толку — слышишь?

Шельм. Рады стараться, ваше благородіе. Дѣвствовать буду—будучи—осторожно и — стало быть — исполню все.

С. И. Исправно отдашь письмо—три вины твои оставлю безъ наказанія; а если что испортишь—палки. Ты знаешь меня.

Шельм., запрятывая письмецо. Рады стараться, ваше благородіе!

Обернулся уже осторожно и помаршивалъ изъ комнаты, по обычаю, съ правой ноги.

»Палки! а все палки!—такъ разсуждалъ Шельменко самъ съ собою, идучи къ саду Кирила Петровича. Думалъ ли ты, панъ-Шельменко, когда былъ волостнымъ писаремъ — не теперь вспомнить!

думалъ ли ты, чтобы кто тебѣ посулилъ палокъ? Тогда вся волость меня трепетала, и я всѣхъ разсылалъ, куда хотѣлъ, и не только грозилъ, но и наказывалъ кого и какъ хотѣлъ. Теперь самъ разноси инструкціи и приказы по другимъ волостямъ.... Не послушай же, не отнеси, или отдай не въ тѣ руки, куда слѣдуетъ, то уже капитанъ *не сбрешитъ*, отпуститъ сотъ нѣсколько палокъ.... я знаю его!... Вотъ точно такая бѣда и съ этимъ проклятымъ письмомъ: не отдай — отъ капитана вѣрныя палки; отдай же, да тебя на дѣлѣ схватятъ — такъ тутъ помѣщикъ, даромъ что онъ панъ-Шпакъ и настоящій таки шпакъ, а такъ угоститъ, что ну! Тотчасъ заѣдетъ въ *Харьковскую* губернію (указываетъ на правую щеку), да въ Рожественскій уѣздъ (указываетъ на лѣвую и, снявъ фуражку, схватываетъ себя за волосы, приговаривая), а оттуда въ *волостное* правленіе, да въ *нижній* земскій судъ (нагибаетъ себя къ землѣ и показываетъ, какъ будутъ бить его), да какъ начнетъ угощать толчениками, буханцами и тому подоби. лакомствами, такъ будешь помнить его, и это письмо, и барышню, кажется по имени «блондина»: всѣхъ ихъ скоро забудешь!... Бѣдный, бѣдный Шельменко!... Что же мнѣ мѣшаетъ и тутъ также дѣйствовать, какъ капитанъ называетъ, какъ я дѣйствовалъ и въ волости? Буду стараться письмо отдать осторожно и не выдамъ капитана; поймаетъ же меня панъ-Шпакъ— тутъ я всю бѣду сведу на капитана и раскажу, какъ онъ мнѣ пригрозилъ и послалъ съ письмомъ. Я че-

ловѣкъ служивый, отговариваться не смѣю; вотъ Шпакъ, принявъ отъ меня письмо, подаритъ что-нибудь!.... Такъ и нужды нѣтъ: если съ одной стороны будутъ палки, а съ другой были бы деньги, то мы рады стараться, ваше благородіе!»

Въ такихъ размышленіяхъ и предположеніяхъ вошелъ онъ въ садъ Кирила Петровича, но тутъ уже обстоятельства измѣнились. Это былъ день субботній, день мытія половъ во всемъ домѣ Шпаковъ, и потому вся женская дворня приготовляла ведра, судки, воду и все, что нужно для мытья, и сзывались всѣ женщины и дѣвки въ одно мѣсто для принятія отъ Фенны Степановны приказаній, кому какую комнату мыть. Собирались всѣ, кромѣ Дуняши. Искали и отыскали ее въ саду и привели для работы. Потому-то Шельменко, войдя въ садъ, какъ ни искалъ, но не встрѣчалъ дѣвки, которой велѣно было отдать письмо.

Пробираясь по излучистымъ дорожкамъ сада, Шельменко дошелъ уже до самаго дома, все невстрѣчая никого какъ вдругъ попадается ему Мотря.

Эта Мотря взята была Фенною Степановною во дворъ лѣтъ четырнадцати и, по замѣченной въ ней расторопности, смѣтливости, усердію къ господскому добру, научена всему, что только знала Фенна Степановна. Когда Мотря пережила за двадцать лѣтъ и въ ней замѣчалось болѣе и болѣе достоинствъ, желае-

мыхъ барынею, то ей отданы были всѣ ключи отъ всѣхъ кладовыхъ, и все хозяйство Фенны Степановны поступило въ полное ея вѣдѣніе. Она была отличная хозяйка: если и сама Фенна Степановна приказывала отпустить для стола два фунта масла, то она отпускала только одинъ и доказывала барынѣ, что очень достаточно будетъ. Кирилъ же Петровичь и не думай приказать отпустить кому, или подать даже и себѣ чего; она смѣло отвѣчала ему: «помилуйте, у насъ этаго нѣтъ; хотя и есть *немножечко*, такъ я держу для барыни». И уже ни за что не выдастъ чего лучшаго, хотя бы сама барыня приказывала. Одинъ отвѣтъ у нея былъ: «хорошо вамъ раздавать или тратить; а не станетъ, гдѣ возьмемъ?» А очень часто, скупясь раздать что изъ кладовой, увидѣвши согнившимъ, выкидывала вонъ тихонько, чтобы и барыня не видала. Бѣда ей была, когда наѣзжали гости, и должно было подавать и сего и того. Она даже плакала, когда не могла изворотиться, чтобы не отпустить чего-нибудь. Особливо при разливкѣ чаю и кофе и подачѣ сахарнаго варенія, вещей, стоящихъ значительныхъ денегъ, она уже выходила изъ себя. Кромѣ того чудесная была смотрительница за работами дѣвокъ и всегда задавала уроки вдвое противъ того, что приказала барыня. Всѣ въ домѣ улягутся, а она все собираетъ оставленныя корки хлѣба, огарки сальные, недопитой квасъ, все приберетъ, спрячетъ, и тогда уже идетъ къ Феннѣ Степановнѣ, окончившей молитвы на сонъ гряду-

щихъ, отдаетъ отчетъ за прошедшій день, принимаетъ приказанія назавтра, расказываетъ всѣ происшествія, случившіяся во дворѣ, кто съ кѣмъ бранился, кто что разбилъ, укралъ, говорилъ и проч. и проч. Когда уже Фенна Степановна, при всякомъ отдыхѣ Мотри, переставала издавать свое: «ну!» тутъ Мотря догадывалася, что барыня уже *започивали*, выходила отъ нея и сама ложилась; но вставала всегда прежде всѣхъ, будила и заставляла приниматься за свои дѣла. Рѣдкая, золотая женщина! На сто верстъ кругомъ всѣ ключницы брали съ нея примѣръ.

Какъ ни любила Мотря Ивана Семеновича за то, что онъ не прихотничалъ, кушалъ, что ни подадутъ, и отъ лакомствъ, предлагаемыхъ ему Фенною Степановною, всегда отказывался; когда оставалось на тарелкахъ варенье послѣ гостей, онъ приносилъ это къ Мотрѣ и вмѣстѣ съ нею выкладывалъ назадъ въ банки при недосугахъ Мотри; самъ за нее ходилъ въ кладовую и выдавалъ повару масла еще меньше, нежели бы она отпустила, и много такихъ похвальныхъ качествъ видѣла въ немъ Мотря: но когда отказали ему въ Пазинькѣ, она очень одобряла такую рѣшимость господъ своихъ.

«Что намъ съ него, барыня? говорила она. На рубль амбиціи, а на грошъ аммуниціи. Только что золотые подсолпечники на плечахъ отдуваются, а карманы приплющены какъ досточки. Намъ надоб-

но такаго зятя, который бы къ намъ привозилъ, а не отъ насъ вывозилъ.

Въ это утро Мотря, не имѣя кого надежнаго послать въ садъ для собранія упавшихъ сырыхъ и вовсе незрѣлыхъ яблокъ для пирожковъ, кои очень жаловалъ Кирилъ Петровичъ, вышла сама подбирать, и тутъ-то нашелъ ее Шельменко.

Не зная, чьей стороны она держится, онъ расположился дѣйствовать осторожно, и потому, подступя къ ней, поклонился со всею ловкостію, и послѣ первыхъ привѣтствій въ пожеланіи добраго дня и по выслушаніи «взаимно и вамъ также», онъ повелъ аттаку.

Шельменко, посматривая на Мотрю, подбирающую съ земли яблочки. Какія вы полненькія!... Какія вы полновидныя!... Какія стройныя, да какія проворныя!

Мотря, безъ вниманія къ нему, продолжаетъ свое. Такую меня Богъ создалъ.

Шельменко. Знаете что? Я васъ — будучи — крѣпко полюбилъ....

Мотря. Какое же мнѣ до того дѣло?

Шельм. Какъ какое? Я васъ — стало быть — такъ крѣпко полюбилъ, что въ день — будучи — не сплю, а въ ночь ничего не ѣмъ и все даже на стѣну дерусь, а васъ — будучи — вспоминаю.

Мотря. Деритесь вы себѣ куда хотите, мнѣ нужды мало.

Шельм. Какъ нужды мало! Будучи — полюбите и вы меня также.

Мотря. Полюбить не долго, да какой изъ того толкъ будетъ?

Шельм. А такой толкъ, что — будучи — мы себѣ — стало быть — одружимся.

Мотря. Боже меня сохрани, чтобы я за солдата свою голову утопила!

Шельм. Какой я — стало быть солдатъ? Былъ когда-то — будучи — солдатомъ, но какъ себѣ такой храбрый, что только *завижу* Турка, то такъ его и срубаю, такъ за то меня и пожаловали чиномъ денщика, и уже я изъ простыхъ вышелъ, а уже я — будучи — капитанскій денщикъ.

Мотря. Такъ вы уже и благородные?

Шельм. съ равнодушною важностію. Эге!

Мотря. И жена ваша, по васъ, станетъ благородная?

Шельм. Вотъ-таки точнехонько какъ и я. Чего добраго, можетъ — будучи — дослужуся и до генеральскаго денщика. Г-мъ! У насъ такъ.

Какъ бѣсъ искуситель Шельменко, льстивыми своими расказами, возбудилъ въ Мотрѣ тщеславіе до того, что она, забывъ свое долговременное дѣвическое состояніе, полную довѣренность къ себѣ Фенны Степановны и неограниченную власть свою надъ дворнею господъ своихъ, не читавъ никогда табели о рангахъ и не слыхавъ, въ какомъ классѣ денщики офицерскіе и генеральскіе, повѣрила льстивымъ увѣреніямъ искусителя Шельменка, допустила въ себѣ зародиться желанію стать благородною, а потому, оставя собирать яблоки, начала осматривать жениха со всѣмъ вниманіемъ, и спросила съ удивленіемъ:

«Дослужитесь до генеральскаго?.... Когда такъ, то хотя вы и очень не хороши собою, пыкаты, мордаты и пузо у васъ нелюдское, но нужды нѣтъ, я, хоть и несчастлива буду съ вами, но пойду за васъ, чтобъ стать благородною· Когда же вы пришлете старостъ сватать меня?

Шельм. Знаете что? Будучи — иногда паны ваши васъ не отдадутъ за меня, такъ мы прежде такъ сдѣлаемъ, чтобъ мой капитанъ — стало быть — на вашей барышнѣ женился.

Мотря. Мои господа ни за что въ свѣтѣ не отдадутъ ее за него. Онъ гольтепа̀, бѣдный.

Шельм. Такъ мы — будучи — такъ смастеримъ, чтобъ они — стало быть — одружились. Ее не отдаютъ, такъ мы хотимъ ее украсть, а вы намъ — будучи — помогайте. Вотъ письмецо отъ моего капитана къ вашей — будучи — барышнѣ; отдайте его секретненько; тутъ все написано.

«А чтобъ вы не дождали съ вашимъ капитаномъ, чтобъ я вамъ помогала противъ моей барыни...» вскричала Мотря, увидѣвъ, что исканіе руки ея былъ только предлогъ, чтобы чрезъ нее дѣйствовать ко вреду Фенны Степановны.

На бѣду Шельменка, въ самое это время, Кирилъ Петровичъ, какъ это была суббота, поломойками былъ выгнанъ изъ своего кгабинета, и схвативъ Московскія вѣдомости, ушелъ въ садъ и явился у самой той яблони, гдѣ Шельменко льстиво изъяснялся въ любви Мотрѣ, сѣлъ на скамейку и расположился читать о подвигахъ Христиносовъ....

Увидѣвъ барина, Мотря пришла въ большое замѣшательство, опасаясь, что онъ замѣтитъ ее, скромную до сего и цѣломудренную Мотрю, гнавшую и искоренявшую самый призракъ разврата, увидитъ въ тѣни, подъ яблонею, съ молодымъ денщикомъ. Что подумаетъ баринъ про нее и даже барыня, когда узнаетъ? И такъ она рѣшилась лучше притаиться подъ деревомъ, пока уйдетъ баринъ домой, а Шельменку начала махать рукой, чтобъ онъ удалился...

Шельменко былъ въ большой бѣдѣ. Вытти изъ-подъ яблони ему невозможно было: Кирилъ Петровичь увидитъ, навѣрное схватитъ — и сбудутся тогда всѣ его опасенія. Не придумывая, какъ бы выпутаться изъ бѣды, почесалъ затылокъ и не выдержалъ, проговорилъ: «вотъ теперь, жучку, попался пану въ ручку!»

Мотря, сколько можно, тише. Да убирайтесь-себѣ къ чорту съ вашимъ сватовствомъ, пропадайте и съ вашею любовью. Пролѣзайте черезъ кусты, чтобъ баринъ не увидѣлъ...

Но этаго уже нельзя было сдѣлать. Кирилъ Петровичь, услышавъ легкій шумъ въ гущѣ деревъ, подумалъ, что кто-нибудь пришелъ красть яблоки, и желая прекращеніемъ такаго зла угодить Феннѣ

Степановнѣ, потому-что эта часть принадлежала къ ея хозяйству, оставя сражающихся Христиносовъ, поспѣшилъ на шумъ и, открывъ скрывающихся, вскричалъ: «А чего вы это забрались сюда? Что это значитъ? Не куры ли какія, а?»

Шельм. Да такъ — таки, точно такъ. Знаете? Будучи—наша курочка—стало-быть—вонъ тамъ, такъ я—будучи—спрашивалъ.... не можно ли ее... будучи... стало быть...

Кир. Петр. Я тебѣ дамъ курочку! Живаго тебя не выпущу. Ты, Мотря, зачѣмъ здѣсь? Это любовныя шашни? а?

Шельм. Да она... Знаете?... она тутъ со мною... будучи... та́къ...

Кир. Петр. Я не тебя спрашиваю, съ тобою раздѣлаюсь послѣ. Ты, Мотря, зачѣмъ здѣсь! Говори мнѣ всю правду.

Мотря. У меня нѣтъ никакой правды, ни неправды, я вся передъ вами. Я собирала упавшіе зеленые яблочки, вамъ же на пирожки, а онъ и пришелъ, и уговаривалъ меня, чтобы я помогала капитану взять барышню за себя, а подъ-часъ и увезти ее. Вотъ и письмо отдалъ къ барышнѣ.

Кир. Петр. А ты и взяла?

Мотря. Взяла, чтобъ вамъ отдать. Вы знаете меня.

Кир. Петр. Хорошо. Подай сюда письмо. А ты, бездѣльникъ! что теперь скажешь?

Шельм. Я за тѣмъ — будучи — и пришелъ сюда, чтобъ всю правду сказать вамъ, ваше благородіе.

Кир. Петр. Во-первыхъ, не смѣй меня величать ваше благородіе! Я хоть и прапорщикъ въ отставкѣ, но я сынъ бунчуковаго товарища; а этотъ чинъ равняется съ чиномъ коллежскаго ассессора, а тотъ съ чиномъ сухопутнаго майора. Такъ видишь ли, что меня нельзя равнять съ благородными.

Шельм. Я — будучи — только увидѣлъ васъ, то и самъ это же подумалъ. Куда вамъ до благородныхъ, ваше высокоблагородіе!

Кир. Петр. То-то же. Сейчасъ открой мнѣ всю правду. Видишь ли? ты въ моихъ рукахъ. Мотря, покличь сюда конюховъ.

Шельм. Да зачѣмъ ихъ безпокоить, ваше высокоблагородіе! Имъ — будучи — некогда. Я и вамъ все раскажу. Пускай и Мотря идетъ пирожки готовить.

Кир. Петр. Хорошо; Мотря, поди раскажи все барынѣ, а я и самъ скоро приду къ нимъ. *Пробѣжавъ письмо, а между-тѣмъ Шельменко расположилъ въ умѣ роль свою.* Ахъ, онъ бездѣльникъ!..... Ну, говори ты; что-то ты скажешь?

Шельм. Мнѣ — будучи — не долго расказать, потому-что я правду раскажу. Вотъ что я в. в-ю раскажу. Какъ меня взяли..... стало быть — какъ я пошелъ охотою въ солдаты, вотъ уже будетъ семь лѣтъ...... Нѣтъ, брешу; это было въ Филиповку, въ тотъ годъ.....

Кир. Петр. Да что ты мнѣ путаешь? Говори, зачѣмъ ты здѣсь?

Шельм. Съ ротою, в. в-е, капитанъ мой пришелъ съ ротою, такъ и я — будучи — при капитанѣ.....

Кир. Петр. Да не то! Я знаю, что васъ нелегкая принесла сюда на мое мученіе. Но зачѣмъ ты здѣсь въ саду.

Шельм. Э! въ саду? Такъ вамъ это желается знать? Извольте. А какъ я въ службу — будучи — вступилъ, этаго не хотите слушать?

Кир. Петр. Пропадай твоя голова! мнѣ это не нужно. Ты скажи мнѣ, какъ ты смѣлъ войти въ мой садъ и приносить письмо къ моей дочери.

Шельм. Эхъ, ваше высокоблагородіе! Что бы вы дѣлали, какъ бы — будучи — не я, Шельменко, пошелъ съ этимъ письмомъ? Капитанъ уже посылалъ Усачева; а тотъ, я знаю, не только письмо отдалъ бы самъ въ руки барышнѣ, да и ее увелъ бы къ капитану, да не только ее, и самую барыню укралъ бы у васъ. Это чортъ, а не человѣкъ! Вотъ я вижу, что вамъ готовится бѣда, жаль мнѣ стало васъ..... всплакнулъ немного.... *будто плачетъ.*

Кир. Петр. Чего же тебѣ такъ жаль стало?

Шельм. Помилуйте! Какъ не жалѣтъ—будучи— такаго добраго барина? Я, ваше в-е, такъ васъ—будучи—улюбилъ, что готовъ за васъ и на смерть и на муку!

Кир. Пет. Спасибо тебѣ, добрый Шельменко! Вотъ тебѣ на первый случай поцалуй руку мою, а будешь больше служить, я больше награжу.

Шельм., цалуя руку его. Мнѣ и это великая награда!

Кир. Петр. Ну, расказывай далѣе.

Шельм. Вотъ я, чтобъ лучше — будучи — вамъ услужить, вызвался самъ отнести. Расказалъ капитану, что у меня всѣ знакомые во дворѣ, и что я и такъ и сякъ поступлю и письмо отдамъ. А капитанъ, какъ дуралей — будучи — развѣсилъ уши и слушаетъ, словно вотъ какъ теперь вы, и вѣритъ всему.

Кир. Петр. То ужъ подлинно дуралей! А тебѣ проводить дураковъ и не въ-первое.

Шельм. Ого! лишь бы попался. Иногда — вотъ какъ и теперь — будучи брешу безъ милости, а тотъ дуралей, что слушаетъ—вотъ какъ и вы—всему вѣритъ, да еще и хохочетъ.

Кир. Петр. хохочетъ отъ чистаго сердца. Ну, далѣе что?

Шельм. И далѣе все — будучи — слушаетъ, вѣритъ и хохочетъ. Да, про письмо? Такъ вотъ я и получилъ письмо и хотѣлъ прямо нести къ вамъ, да повстрѣчался съ Мотреею; она мнѣ будучи — и скажи, что вамъ некогда и вызвалась сама письмо отдать. Я же, чтобъ — стало быть—еще больше привлечь на

свою сторону, такъ я тутъ — знаете?..... извѣстно, наше молодецкое дѣло, какъ обыкновенно служивый... Ну... тее-то....

Кир. Петр. Понимаю, понимаю! Я и самъ служилъ и молодъ былъ. Ай да молодецъ, Шельменко!

Шельм. Вотъ и хорошо, что вамъ только намекни, а вы будучи—и понимаете. И такъ только что.. стало быть.... а вы тутъ и вошли.

Кир. Петр. Хорошо-же. Теперь ты скажешь капитану, что письмо отдалъ самой барышнѣ....

Шельм. Да уже меня, ваше в-е, не учите, какъ людей одуривать... Я.... будучи такаго ему нагорожу, а онъ все выслушаетъ, повѣритъ и станетъ благодарить, вотъ какъ и вы.

Кир. Петр. Какъ же, какъ же. Я тебѣ очень благодаренъ.

Шельм., вытянувшись. Прощенія просимъ, ваше высокоблагородіе!

Кир. Петр. Прощай, любезный Шельменко! Когда новое что узнаешь, приходи прямо ко мнѣ и раскажи; я особенно буду тебя благодарить.

Шельм. Рады стараться, ваше в! . . Не извольте сомнѣваться во мнѣ и людямъ прикажите не трогать меня. Я здѣсь часто буду бродить и хочу заманить сюда капитана. Какъ онъ—будучи—придетъ сюда, а я вамъ подамъ знакъ, стану кашлять громко, а вы и выйдете къ нему и тутъ выговорите ему, устыдите его.....

Кир. Петр. Я его устыжу по-своему. Я проучу его возставлять дочь противъ родителей. Я ему все припомню тогда.

Шельм. Какъ знаете, такъ и сдѣлаете. На то воля вашего в — я.

Уладивши все дѣло, Шельменко пошелъ къ капитану, придумывая дорогою, какъ бы отолгаться и у него.

Кирилъ Петровичъ, успокоенный мудрымъ своимъ распоряженіемъ къ отвращенію всѣхъ злонамѣренныхъ дѣйствій Ивана Семеновича и обольщенный обѣщаніями честнаго Шельменка, принялся дочитывать оставленную имъ газетную статью и потомъ пошелъ къ Феннѣ Степановнѣ, но, идучи дорогою, придумалъ «позабавить ее маленькою оллегоріею,» какъ онъ выражался.

Кир. Петр., войдя въ комнату Фенны Ст. Знаете ли, маточка, что я придумалъ? И, кажется, оно будетъ хорошо!

Фенна Ст. считаетъ въ простомъ моткѣ нитки, въ полголоса. Шестнадцать, семнадцать..... *Мужу, громко.* А что вы, душечка, придумали? Ужъ конечно будетъ хорошо, когда вы это своею головою придумали.... *Тихо:* восемнадцать, девятнадцать.... *Мужу.* Скажите же, что такое?

Кир. Петр. А вотъ такое. Я думалъ о нашемъ Иванѣ Семеновичѣ. Мнѣ жаль его; онъ отъ глупости влюбился въ Пазиньку и съ бухты-барахты, не расчитавъ невозможностей и не видя различія между собою и нами, рѣшился свататься. Конечно, мы отказали ему, какъ и слѣдовало, но кто знаетъ, чего не знаетъ? Можетъ быть, онъ теперь и самъ раскаевается въ своей дерзости, желалъ бы поправить дѣло, да не знаетъ, какъ приступить, потому-что мы отказали ему отъ дому. Такъ не послать ли пригласить его, выговорить ему порядочно и, запретивъ, чтобъ уже не смѣлъ любить Пазиньки, оставить его у насъ на прежней ногѣ.

Фенна Ст. Тридцать девять, тридцать десять — сорокъ. Вотъ же вы прекрасно выдумали и никогда еще такъ умно не разсуждали; я и сама безъ него, какъ безъ рукъ. Онъ мнѣ много помогалъ. Теперь

водку перепускаю безъ него, некому за штофами смотрѣть, уже Ваську колченогую посадила... Сорокъ одинъ, сорокъ два...

Кир. Петр. А Мотря была у васъ?

Фенна Ст. Приходила съ какими-то расказами, но не до нихъ теперь. Много бабъ сошлось съ мотками, поручила уже ей принимать; сама, ей Богу, не управлюсь... Пусть же ввечеру раскажетъ, что тамъ такое она подмѣтила? Пошлите же, душечка, за Иваномъ Семеновичемъ; мнѣ онъ очень нуженъ. Скажите ему, что, когда онъ кается...

Кир. Петр., показывая письмо? А прочитайте-ка, вотъ онъ какъ кается!

Фенна Ст. Вы же знаете, душечка, что я не умѣю скорописи. Прочитайте мнѣ. Когда же очень жалко, то не читавши раскажите, а то при жалкомъ я тотчасъ расплачуся.

Кир. Петр. въ гнѣвѣ. Вотъ какъ жалко, тутъ онъ пишетъ, что у насъ жестокія сердца...

Фенна Ст. оставляетъ свой счетъ, вскрикиваетъ. У насъ? — сердца?

Кир. Петр. Что дочь не обязана слушать родителей, когда противное предлагаетъ ей сердце.

Фенна Ст. Противное сердце? — у насъ?

Кир. Петр. И что въ такомъ положенiи она должна съ нимъ бѣжать.

Фенна Ст. Съ положенiемъ? — бѣжать?

Кир. Петр. И это письмо писано къ Пазинькѣ.

Фенна Ст., вскрикнувъ громко. Къ Пазинькѣ?!... *Работа выпадаетъ у нея изъ рукъ, и она, всплеснувъ руками, стоитъ въ оцѣпенѣнiи.*

Кир. Петр. Да, къ Пазинькѣ, нашей единородной дочери. Тутъ онъ назначаетъ время и мѣсто, куда они должна вытти, а онъ подъѣдетъ и увезетъ.

Фенна Ст. Увезетъ?! — Охъ, Мати Божiя! — И Пазинька согласна? — А можетъ и уѣхала?

Кир. Петр. Куда ей уѣхать? Я перехватилъ письмо, и она не знаетъ про него. Теперь вы только наблюдайте за всякимъ шагомъ дочери, а капитанъ у меня въ рукахъ; что захочу, то съ нимъ и сдѣлаю.

Фенна Ст. Знаете, душечка, что? Зазовите его, подъ видомъ ласки, къ себѣ, да тутъ такъ его отпотчуйте, чтобъ не только о дочери, но и о послѣдней кухаркѣ нашей не думалъ.

Кир. Пет. Нѣтъ, это не хорошо. Онъ будетъ жаловаться.

Фенна Ст. А вы отговоритесь своею холерическою комплекціею. Но какъ же вы себѣ хотите, а взыскать на комъ-же нибудь надобно. Дайте мнѣ волю надъ Пазинькою: я ее такъ доведу, что она и черезъ сорокъ лѣтъ не влюбится ни въ кого.

Кир. Петр. И это не годится. Чѣмъ бѣдное дитя виновато, что въ нее влюбляются? А тутъ, чтобы истребить это зло, надобно тонко поминистровать. Не говорите Пазинькѣ ничего, чтобъ она и подозрѣнія не имѣла, а только наблюдайте, какъ она выйдетъ въ садъ, чтобъ не сошлась съ капитаномъ: а за нимъ я уже буду стеречь. Только смотрите, чтобъ молодые не провели васъ. Вспомните и себя, какъ, можетъ быть, обманывали присмотрщицъ своихъ!

Фенна Ст. Вотъ уже чего не было. И родилась и выросла, и въ-дѣвкахъ сколько пробыла, а ни въ кого не влюблялась, и что то есть за любовь, не знаю

и никакаго понятія объ ней не имѣю. Цуръ ей отъ меня! Въ кого и Пазинька родилась такая, не знаю.

Такимъ образомъ супруги расположили дѣйствовать, а колченогой Васькѣ приказали наблюдать за барышнею, и какъ скоро она выйдетъ въ садъ, тотчасъ дать знать Феннѣ Степановнѣ.

Иванъ Семеновичь, не видя возвращенія Шельменка изъ экспедиціи, крѣпко безпокоился отъ неизвѣстности. Наконецъ, потерявъ всякое терпѣніе, схватилъ по какому-то расчету — на случай встрѣчи съ Кирилом Петровичемъ — киверъ, шпагу, и пошелъ прямо въ садъ.

Не успѣлъ войти въ него, какъ тутъ ему пырь въ глаза самъ Шельменко. Онъ шелъ въ большихъ мысляхъ, придумывая, какъ бы отолгаться передъ капитаномъ, какъ вдругъ наткнулся на него и отъ нечаянности вскрикнулъ обыкновенное свое: «тю!»

Ив. Сем. Шельменко! Что ты это?

Шельм. Испу... испугался, ваше благородіе!

Въ самомъ дѣлѣ онъ крѣпко испугался какъ отъ нечаянности, такъ и отъ того, что не придумалъ, какой отчетъ дать въ успѣхѣ посольства, а тутъ еще уви-

дѣлъ капитана во всей формѣ, то до того потерялся, что, ставши въ позитуру, едва могъ дышать.

Ив. Сем. Говори скорѣе, есть ли какой успѣхъ?

Шельм. въ замѣшательствѣ. Все.... все благополучно, ваше благородіе! Нѣту-те — будучи — никакаго успѣха.

Ив. Сем. Какъ это? Почему же ты не исполнилъ моего порученія?

Шельм. Я все—будучи—исполнилъ исправно.

Ив. Сем. Отыскалъ дѣвку въ саду?

Шельм. Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!

Ив. Сем. Можетъ быть, самую барышню видѣлъ?

Шельм. Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!

Ив. Сем. Стало п исьма не отдалъ?

Шельм. Никакъ нѣтъ, ваше благородіе!

Ив. Сем. Зачѣмъ же ты не отдалъ?

Шельм. Не могу знать, ваше благородіе.

Ив. Сем. Почему же ты не исполнилъ? Вѣдь я тебѣ приказалъ?

Шельм. Эге! пожалуй; ваше благородіе приказали, такъ чтоже? Собака за плетнемъ — будучи — крѣпко залаяла, такъ я — стало быть — и драла назадъ.

Ив. Сем. Ахъ, ты трусъ! Собаки испугался?

Шельм. Собаки, ваше благородіе! Вѣстимо, видимая смерть страшна.

Ив. Сем. Я тебя еще не такъ напугаю! Прикажу тебѣ отпустить обѣщанныхъ сто палокъ.

Шельм. Ваше благородіе! Будьте милостивы какъ командиръ и начальникъ. А то, что обѣщали, Богъ съ нимъ, пусть остается, я согласенъ и оставить. Только повѣрьте моему слову, такъ испугался собаки, а тутъ и васъ, ваше благородіе! Слова не могу проговорить. Теперь мнѣ не много отлегло, такъ я все припомнилъ и все раскажу. Будучи — ваше благородіе — какъ пошелъ я, да стало быть — и пошелъ въ садъ: анъ тамъ барышня — будучи — все ходитъ, да плачетъ, да — будучи — васъ вспоминаетъ; а я подошелъ и говорю: не плачьте, ваше благо.... нѣтъ, говорю, ваше высокоблагородіе; она вѣдь, ваше бла-

городіе — будучи — дочь сына отца бунчуковаго товарища, такъ регула велитъ величать ваше высоко...

Иванъ Сем. Все равно, все равно̀. Ты мнѣ говори про дѣло. Ты отдалъ ей письмо?

Шельм. Нѣтъ, ваше благородіе—будучи—еще не отдавалъ, а говорю: «не плачьте, ваше высокоблагородіе! вотъ вамъ письмо» и тутъ уже и подалъ.

Ив. Сем. Что же? она прочитала его?

Шельм. Какъ же, прочитала и тутъ же заплакала, да такъ жалко, что и я всплакнувъ.... *Будто плачетъ.*

Ив. Сем. Спасибо тебѣ, добрый Шельменко!

Шельм. Рады стараться, ваше благородіе!

Ив. Сем. Что же? барышня обѣщала прислать отвѣтъ?

Шельм. Никакъ нѣтъ, ваше благородіе! А сказала—будучи—чтобъ вы ходили въ саду, около дому; она увидитъ и къ вамъ выйдетъ и обо всемъ переговоритъ.

Ив. Сем. Это лучше всего.—И скрылся въ саду, пробираясь къ дому, а Шельменко доволенъ, что выпутался изъ бѣды, наговоривъ небывальщины, пошелъ въ другую сторону, предполагая, если капитанъ встрѣтится съ барышнею, тогда явиться къ нимъ для услугъ; но если вмѣсто барышни встрѣтится Кирилъ Петровичь, то бѣжать и, кашлемъ объявивъ о присутствіи капитана, предать его въ руки раздраженнаго Кирила Петровича и тѣмъ отплатить капитану за прежнія и будущія палки.

Фенна Степановна, какъ обыкновенно, занята была чѣмъ-то важнымъ по хозяйству. Не помню настояще, наблюдала ли за выборомъ самыхъ зеленыхъ и здоровыхъ огурцовъ для соленія, или присутствовала, какъ домашній башмашникъ изъ большой воловей кожи выкраивалъ для горничныхъ башмаки, и она присматривала, чтобы не прирѣзалъ онъ чего въ пользу свою, какъ вдругъ колченогая Васька вбѣжала къ ней съ донесеніемъ: «барысня посли у садъ и усё оглядивалися, цтобъ никто не увидалъ.»

— Хорошо же, сказала Фенна Степановна и мигомъ составила планъ помѣшать свиданію любовниковъ.

Судьба однако же имъ поблагопріятствовала. Они скоро сошлись, и пересказано было все, кто что

вытерпѣлъ, что и какъ будетъ терпѣть впередъ въ доказательство сильной, вѣчной любви. Иванъ Семеновичь, объяснивъ чисто и ясно, что не выдадутъ ее за него ни за какія блага, предлагалъ, какъ предлагаетъ всегда страстно любящій богатую наслѣдницу, уѣхать тихонько и явно обвѣнчаться съ нимъ....

Пазинька, какъ прилично не воспитанной, а здраво мыслящей дѣвушкѣ, слышать о томъ не хотѣла. Иванъ Семеновичь возражалъ, убѣждалъ, умаливалъ, упрашивалъ; Пазинька стояла въ своемъ и ни за что не соглашалася, какъ вотъ подошелъ и Шельменко.

Замѣтивъ любовниковъ сошедшихся, онъ прилѣжно высматривалъ, нѣтъ ли въ саду Кирила Петровича или кого изъ людей. Не замѣтивъ нигдѣ и никого, онъ — и все-таки съ осторожностію — подошелъ къ нимъ и сказалъ: «да сдѣлайте милость — будучи — меньше говорите, а скорѣе дѣло оканчивайте. Вотъ какъ сдѣлаемъ: мы договоримъ священника, чтобъ насъ обвѣнчалъ, подъѣдемъ вонъ къ той калиткѣ, подадимъ вамъ знакъ, а вы, барышня Кириловна, тогда, смотрите, всякое дѣло — будучи — бросьте, да бѣгите къ коляскѣ, да въ коляску, да къ церкви, да какъ свѣнчаемся, тогда....»

«А что это такое? раздался за нимъ голосъ раздраженной Фенны Степановны. Чему это ты научаешь? . . Что у васъ за умыслы? Увозить мое дитя?... Не стыдно ли вамъ, Иванъ Семеновичь: за нашу хлѣбъ—соль платите такою неблагодарностью!

Ив. Сем., оправясь нѣсколько отъ перваго смущенія. Одна сильная любовь къ вашей дочери извиняетъ меня за такое рѣшительное намѣреніе, и повѣрьте, сударыня....»

Фенна Ст. Не смѣйте меня такъ называть!..... Что я вамъ за сударыня далась? Благодаря Бога, я имѣю имя и отчество, и я мужнина, законная жена, а не сударыня какая-нибудь.... Сильная любовь, говорите вы? По этому, какое бы зло вы намъ ни сдѣлали, такъ все будете отговариваться сильною любовью?

Шельменко, собравшись съ духомъ. Вотъ что̀! Писаніе глаголетъ: на волка поговорка. Сами—будучи—во всемъ виноваты, да на любовь сворачиваете? О, чтобъ васъ (дѣлаетъ знакъ капитану)!

Фенна Ст. А ты, плутъ, зачѣмъ мѣшаешься? Не ты ли тутъ давалъ совѣты, какъ уходить?

Шельм. Хе, хе, хе, хе! О, чтобъ васъ! Не знаютъ ничего, да будучи и говорятъ. Жаль мнѣ, что

не можно—стало быть — всего при всѣхъ расказать. Вотъ пойдемъ, пани, подъ ту яблоню, тамъ я вамъ будучи все раскажу.

Фенна Ст., все больше и больше сердясь. Еще онъ смѣетъ меня дурачить и звать на секреты? Вонъ изъ моего саду и не смѣй ни здѣсь, ни во дворѣ показываться; велю дубьемъ прогонять. А вамъ, Иванъ Семеновичь, однажды навсегда сказано, что она вамъ не суженая. Оставьте насъ въ покоѣ, и ее не смущайте болѣе.

Пазинька. Умилосердитесь, маменька! составьте мое счастіе!

Ив. Сем. Я умру, если вы меня разлучите съ нею!

Фенна Ст. Я вамъ опять повторяю, оставьте насъ навсегда и скорѣе. Мужъ мой если увидитъ васъ здѣсь, то, не прогнѣвайтесь, нанесетъ вамъ непріятностей. Пазинька! иди домой, я тебя съ глазъ не спущу.

Ив. Сем. Знай, милая Пазинька, что если отвергнешь мое предложеніе, то завтра же узнаешь о моей смерти. *Ушелъ.*

Шельм. А я и отрепортую.

Пазинка, уходя. О Боже! кто наставитъ меня!...

Фенна Ст. Ты зачѣмъ здѣсь остаешься? Вонъ и ты!

Шельм., увидѣвъ, что капитанъ уже далеко зашелъ, начинаетъ кашлять. Кахи, кахи, ках-кахи!

Фенна Ст. Онъ еще и раскашлялся! Вонъ, говорю я. Тебя не долго: велю и въ дубьё принять.

Шельм. все громче кашляетъ. Да кахи, кахи, кахи! А говъ, кахи, кахи, кахи!

Фенна Ст. Онъ меня бѣситъ своимъ кашлемъ. Убирайся вонъ, или я пришлю людей выпроводить тебя.

Шельм. Да кахи, кахи, кахи.... Насилу и онъ.

Кир. Петр., поспѣшая. Что тутъ? А, это ты, Шельменко! что тебѣ надобно?

Фенна Ст. Ему тô надобно, что онъ здѣсь славныя дѣла завéлъ; вызвалъ Пазиньку, да и свелъ ее съ капитаномъ, и научалъ, какъ имъ уйти.

Кир. Петр. Шельменко, что я слышу?

Шельм. хладнокровно. То—будучи—слышете, что пани вамъ расказываетъ.

Кир. Петр. Такъ ты уже съ капитаномъ заодно?

Шельм. Это имъ такъ показалось.

Фенна Ст. Какое показалось? Я пришла, душечка, сюда, а они всѣ трое совѣтуются, какъ имъ Пазиньку увезти; но она не соглашалась, чтоже? не хочу брать грѣха на душу, не соглашалась. Такъ онъ тутъ и присталъ: «подговоримъ священника, подъѣдемъ, а вы выйдете, уѣдете, и свѣнчаемся.» Какъ я тутъ и отозвалась. Какъ же онъ, увидя меня, поблѣднѣлъ, испугался, что плутни его открылись. А? не такъ ли? Чтоже ты молчишь?

Шельменко въ мысляхъ сказалъ. Теперь молчу, а послѣ отбрещусь. *Громко.* Молчу, что не такъ это было.

Фенна Ст. Какъ не такъ? Не ты ли здѣсь стоялъ?

Шельм. Стоялъ.

Фенна Ст. Не сказывалъ ли ты, какъ смеркнетъ...?

Шельм. Сказывалъ.

Фенна Ст. Не говорилъ ли ты, что вы подъѣдете къ калиткѣ?

Шельм. Говорилъ.

Фенна Ст. Не говорилъ ли ты, что дашь знать Пазинькѣ....

Шельм. И сказывалъ, и говорилъ и все это расказывалъ, такъ что же? Оно все — будучи — такъ, да — стало быть — и не такъ.

Кир. Петр. Нѣтъ, Шельменко; какъ я вижу, это похоже на мошенничество!

Шельм. Будучи — похоже, ваше высокоблагородіе.

Кир. Петр. Такъ прочь же съ глазъ моихъ, бездѣльникъ! Ты думалъ меня обмануть, будто взявши мою сторону противъ капитана, да не на того напалъ. Я сейчасъ замѣтилъ, что ты, какъ Литовскій цѣпъ, въ обѣ стороны молотишь. Не удастся тебѣ провести меня. Вонъ отсюда; не смѣй мнѣ на глаза показаться.

Шельменко, вытянувшись. Прощенія просимъ, ваше высокоблагородіе; счастливо оставаться.... *и вдругъ зарыдалъ притворно.*

Кир. Петр. Чего ты разрюмился?

Шельм., все плача. Жалко.... будучи — такаго отца и родителя.... покидать! Я думалъ, будучи, усердно служитъ вамъ.

Кир. Петр. Думалъ, да спотыкнулся, а?

Шельм. Не спотыкался, ваше благо—или бишь, ваше высокоблагородіе, ни разу ни на ученьѣ, ни передъ вами, а маршировалъ, стало быть, прямо, ровно и все въ ногу, лѣвой, правой, лѣвой, правой. И для васъ дѣлалъ какъ лучше.

Фенна Ст. Хорошо лучше, когда-было совсѣмъ увезли Пазиньку, еслп бы не я. Скажи, не правда ли моя?

Шельм. Да оно такъ: будучи — и чистая правда, да немного—стало быть — заржавѣла.

Фенна Степ. Какъ заржавѣла? Смѣешь такъ говорить? Вонъ отсюда!

Кир. Петр. Постойте, маточка, не горячитесь: прогнать всегда можно. Послушаемъ, что онъ скажетъ въ свое оправданіе.

Фенна Ст. Что его слушать; онъ наговоритъ, что и на вербѣ груши родятся, такъ ему и вѣрить? Я же сама слышала....

Шельм. Пожалуй, вы и слышали, что я — будучи — говорилъ вотъ этимъ языкомъ; да не были у меня — будучи — на душѣ, не знаете моихъ мыслей!

Кир. Петр. Что же у тебя было на душѣ? расказывай, да знай, что уже меня больше не проведешь, и я тебѣ на волосъ не повѣрю.

Шельм. Куда уже мнѣ васъ обманывать! Мнѣ жаль и смотрѣть на васъ, что вы — будучи — чуть-чуть и сами не майоръ, да вѣрите тому, что неправда. А мнѣ хоть вѣрьте, хоть совсѣмъ не вѣрьте, но я есть солдатъ, присяжный человѣкъ, долженъ всю правду сказать. Вотъ какъ я, по приказу вашего высокоблагородія, присматривалъ, не увижу ли гдѣ капитана, какъ, глядь! они—будучи—и сошлись. Мнѣ такъ жаль стало, что такаго, важнаго и добраго пана, будучи, бунчуковаго товарища, что совсѣмъ на майора сдается, да кто же обманываетъ? капитанъ, не больше. Гай, гай! вотъ я подошелъ къ нимъ

и началъ имъ всякій вздоръ молоть, чтобъ его задержать, а самъ все силюся кашлянуть по нашему условію съ вами, и уже самъ не помню, что говорю, а самъ все кашляю, все кашляю.... какъ тутъ и пришла барыня, и сцѣпилась со мною. Тутъ надобно — будучи — и ей отвѣчать и къ вамъ кашлять, а тутъ капитанъ и ушелъ отъ меня. Такъ вотъ что вы, пани, надѣлали! Капитанъ ушелъ изъ рукъ, а я во всей винѣ виноватъ. О горе мнѣ!

Кир. Петр. Ахъ, маточка, что же вы это надѣлали? Помѣшали Шельменкѣ выдать капитана руками. Всегда беретесь не за свое дѣло. Дать было ему волю: онъ бы славно все кончилъ. Я васъ прошу, маточка: что будете слышать или видѣть, отойдите прочь, не вмѣшивайтесь.

Фенна Ст. Это преудивительные порядки выходятъ! У матери хотятъ похитить ея рожденіе, а она не должна мѣшать! Вы, Кирилъ Петровичъ, хотя и мужъ мой и почитаетесь умнѣе меня, простой бабы, но я вамъ единожды навсегда скажу, что онъ васъ обманетъ. Не съ вашимъ умомъ этаго не видѣть.

Кир. Петр. уже съ досадою. Не съ вашимъ же умомъ дѣлать мнѣ наставленія. Я все предвидѣлъ, расчиталъ, устроилъ и никому не вѣрю больше, какъ Шельменку. Идите, маточка, къ своему дѣлу и своимъ вмѣшиваніемъ не портьте здѣсь....

Фенна Ст. Прекрасно!... Благодарю васъ, Кирилъ Петровичь! Заслужила двадцатилѣтнею моею съ вами жизнію, угождая и покоряясь вамъ во всемъ, заслужила, что меня мѣняете на пришлеца, бродягу, мошенника, плута... Отъ вашего ума не ожидала такой себѣ пощечины!

Кир. Петр. Охъ, Фенна Степановна, не принимайте всего прямо къ сердцу. Я дѣйствую осторожно, не всѣмъ открываю, чтобы не было разболтано.

Фенна Ст. Такъ.... я стала у васъ и болтунья, и безсмысленная, и безтолковая. Давно ли было, какъ я была и душечка, и голубочка, и распрекрасна, и преразумница, а теперь — тьфу! Благодарю васъ: оцѣнили мою любовь и вѣрность! Оставайтесь же себѣ съ Шельменкомъ!... Заслужила честь... благодарю васъ.... премного благодарю.

Ушла въ большой досадѣ.

Еще никогда не была такъ огорчена Фенна Степановна, и Кирилъ Петровичь видѣлъ это. Ему было досадно на себя: онъ нѣсколько разъ почесалъ голову лѣвою рукою, обдергалъ халатъ свой правою, призадумался, но, вспомнивъ, что онъ имѣетъ холерическій темпераментъ, успокоился и занялся съ Шельменкомъ. Расказалъ ему всѣ бывавшіе переговоры съ Фенною Степановною во все время супружеской

ихъ жизни, по какому предмету были размолвки, какъ долго продолжалися и чѣмъ оканчивались. Тутъ необходимо было для ясности расказа присоединить полную исторію процесса съ Тпрунькевичемъ и въ какомъ положеніи находилось это дѣло въ повѣтовомъ судѣ. Вспомнивъ о всѣхъ обидахъ, нанесенныхъ Тпрунькевичемъ знаменитымъ Шпакамъ, Кирилъ Петровичь выходилъ изъ себя, клялся отомстить ему за весь свой родъ, и тутъ же, обращаясь къ Шельменку, просилъ его придумать, какъ нанести Тпрунькевичу такую обиду, которой бы онъ не забылъ, и отъ которой бы не утѣшился во всю жизнь свою.

Шельменко, не переставая подтакивать во всемъ его высокоблагородію и одобряя всѣ его дѣйствія и намѣренія, на послѣдній предметъ, подумавъ, тотчасъ нашелъ средство и сказалъ: » я, ваше высокоблагородіе — будучи — разсуждаю по простотѣ. Иное дѣло одинъ, а иное два. Вдвоемъ удачнѣе вамъ дѣйствовать противъ однаго. Такъ я и разсуждаю: пристаетъ мой капитанъ, чтобъ вы отдали за него свою дочь — сгинь его голова: отдайте уже за него, пусть вамъ не скучаетъ, да тогда вдвоемъ скорѣе приберете въ свои руки пана Тпру.... какъ вы его назвали? »

Кир. Петр. Этаго ты мнѣ не говори, я и слышать не хочу. А съ Тпрунькевичемъ я и одинъ слажу, и хоть не прямо ему, а черезъ дочь его, которая у него одна и есть, и которой онъ ни за кого не

выдаетъ, такую ему штучку подведу, что онъ меня цѣлый вѣкъ не забудетъ. Хотя же бы я видѣлъ къ исполненію сего намѣренія и явную помощь отъ капитана, но дочери за него не отдамъ. Кто онъ? Скворцовъ! Можетъ быть, предокъ его торговалъ скворцами. А я Шпакъ и отъ Шпака происхожу. Когда, не помню какой-то, ясневельможный нашъ гетьманъ сидѣлъ у Ляховъ въ темницѣ, то мой родоначальникъ, изъ усердія и преданности, приходилъ къ той темницѣ и подъ окномъ выпѣвалъ подобіемъ шпака, въ чемъ онъ очень искусенъ былъ, разныя штуки и мелодіи, и тѣмъ много утѣшалъ въ скорби горестнаго ясневельможнаго добродѣя. Гетьманъ, по освобожденіи своемъ, подарилъ ему большія маетности, далъ шляхетство и гербъ, (въ гербѣ изображенъ поющій шпакъ), повелѣвъ ему и роду его именоваться въ вѣчныя времена Шпаками. Я въ прямой линіи происхожу отъ этаго Шпака. Вотъ что!

Шельм. Вотъ теперь и я знаю, какаго вы знатнаго рода. Я—будучи—только догадывался, что вы не простая птица, а теперь вижу, что вы точный, настоящій шпакъ. Куда же моему капитану съ вами равняться? Вы жупанъ, а онъ свита.

Въ подобныхъ разговорахъ два пріятеля долго проводили время и заключили на томъ, что Шельменко долженъ подвести капитана своего такъ, чтобы онъ папался въ руки Кирила Петровича—и если мож-

но, сегодня или завтра. За то же Кирилъ Петровичь обѣщевалъ, поговоря съ полковникомъ, Шельменку выхлопотать увольненіе, а на его мѣсто поставить однаго или и двухъ рекрутъ. Шельменко увѣрилъ его, что это очень возможно сдѣлать. Для удобнаго же дѣйствія Шельменкѣ дозволено приходить во всякое время, не только въ садъ, но и въ самый дворъ Кирила Петровича. На томъ пріятели и разстались.

Оставшись одинъ, Кирилъ Петровичь тотчасъ вспомнилъ о причиненной имъ обидѣ законному другу своему, сожительницѣ нѣжной, никогда его не огорчавшей, а теперь, можетъ быть, плачущей отъ его сильныхъ выраженій; и какъ холерическій припадокъ уже у него затихъ и погасъ, то онъ и рѣшился, расположивши какъ и что говорить, итти къ Феннѣ Степановнѣ, какъ вдругъ увидѣлъ ее подходящую къ себѣ съ встревоженнымъ лицемъ, показывающимъ, что *нѣчто* произошло и безпокоитъ ее.

Обрадовавшись такому неожиданному случаю, Кирилъ Петровичь поспѣшилъ встрѣтить ласково супругу свою и, употребивъ самыя нѣжныя наименованія, заставить забыть случившееся. На сей конецъ онъ спросилъ: «а что случилось у васъ, душаточка?» словцо, употребляемое имъ въ первые дни брака, а послѣ какъ-то вышедшее изъ употребленія.

Фенна Ст. Тутъ чудеса, душечка! А гдѣ бы вы думали находится Осипъ Прòкоповичь съ Горпинькою?

Кир. Петр. Какъ гдѣ? Извѣстно, онъ поѣхалъ въ Петербургъ.

Фенна Ст. Да; подите же за нимъ. Поѣхалъ, да и пріѣхалъ.

Кир. Петр. Ну такъ: теперь заважничаетъ еще больше. А какъ вы думаете, маточка, не поѣхать ли мнѣ поздравить его съ благополучнымъ возвращеніемъ?

Фенна Ст. Богъ знаетъ, что вы, душечка, выдумали? Вамъ, въ вашемъ чинѣ, съ вашимъ состояніемъ, съ вашимъ умомъ и ѣхать къ нему? Онъ долженъ прежде побывать. Онъ помнитъ долгъ свой и самъ будетъ сегодня къ вечеру съ Горпинькою и съ дочкою. Вотъ пишетъ къ вамъ.

Кир. Петр. читаетъ письмо. Возвратясь изъ столичнаго города Санктпетербурга, гдѣ я провелъ три мѣсяца, располагаю навѣстить васъ съ моимъ семействомъ. При чемъ будетъ и еще одинъ мой родственникъ, любопытствующій видѣть ваши агрономическія учрежденія и, если благопринято вами будетъ, присоединить свои познанія къ вашимъ и усовершен-

ствовать благосостояніе семейства вашего. До свиданія, мой почтеннѣйшій!» Ого! уже называетъ» мой почтеннѣйшій! «Вотъ каково побывать въ столицѣ! И сколько, въ немногихъ строкахъ, наставилъ модныхъ словъ? Теперь къ нему ни приступу. Когда еще собирался только выѣхать въ Петербургъ, такъ уже всегда носилъ манишку съ большими складками и блестящею пуговкою, а теперь у него—полагать должно—и не одна такая пуговка. Что же, маточка? будемъ ожидать.

Фенна Ст. Конечно будемъ ожидать: отказать нельзя. Такъ послать бы за Шельменкомъ; онъ все знаетъ лучше, нежели я. Такъ онъ бы....

Кир. Петр. И, полно уже, душаточка! не вспоминайте того.....

Кирилъ Петровичь, взявъ за руку Фенну Степановну, повелъ ее къ дому. Она положила къ нему на плечо свою голову, и отъ того они шли тихо, и что говорили, не слышно было: только и видно, что онъ почасту цаловалъ руку ея, а изрѣдка цаловалъ въ голову или щеку, не умѣю сказать—неясно было видно.

Сколько хлопотъ нашей Феннѣ Степановнѣ! А Мотрѣ еще и больше! Прежде всего отпущена на кухню вся должная провизія для ужина. Фенна Степа-

новна безпрестанно «кухарю» подтверждала, чтобъ все было изготовлено чисто, вкусно и жирно, и для того приказывала неоднократно Мотрѣ не скупиться и выдавать всего вдоволь; но Мотря была себѣ на умѣ: обвѣшивала и обмѣривала кухаря какъ и всегда; окороки, масло коровье и прочее такое, кромѣ учету, отпускала не первой доброты и на возраженія кухаря отвѣчала: «такъ что же, что барыня приказала отпускать лучшее? не у барыни на рукахъ, а у меня. Онѣ поприказываютъ, а на мнѣ спросятъ, какъ не станетъ. Пускай какъ пріѣдутъ лучшіе гости, тогда и будемъ выдавать лучшее. Для этихъ «Опецковъ» и это годится; они и дома того не ѣдятъ.»

Я и говорю, что Мотрѣ было больше хлопотъ, нежели самой барынѣ. Та думала только о настоящемъ, а Мотря смотрѣла вдаль и расчитывала на послѣдующее и предбудущее. Фенна Степановна, какъ радушная хозяйка, цѣнила одинаково всякаго гостя, одолжающаго ее своимъ посѣщеніемъ, а Мотря различала достоинства ихъ, соображала состоянія гостей, а болѣе расчитывала, могутъ ли пріѣзжіе одинаковымъ образомъ угостить барыню ея? Если она находила, что «куда имъ противъ насъ!» то отпускала окороковъ не такъ удачно выспѣлыхъ, птицу не совсѣмъ откормленную, масло не изъ меньшей кадочки, гдѣ было чистое, майское, безъ всякой примѣси, а выдавала изъ большой кадки, гдѣ было *всякое*, сборное, для своихъ господъ.

Фенна Степановна только приказываетъ, а Мотря исполняетъ: выдаетъ лакеямъ сертуки, сапоги; надсматриваетъ, чтобы заранѣе одѣлись; отбираетъ вчерашніе огарки — и однаго не досчитывается! Злодѣй Кузьма, буфетчикъ, даже изъ-подъ глазъ ея, успѣлъ одинъ утянуть, и пока она отыскивала по горячимъ слѣдамъ, онъ уже употребилъ его на смазку сапогъ своихъ и подѣлился съ Трошкою, бариновымъ камердинеромъ. Постойте же вы, канальи! Она вамъ этаго никогда не забудетъ! А между-тѣмъ ей досадно, что ее обманули, а тутъ вездѣ хлопоты: чистятъ двойные подсвѣчники ординарные, вправляютъ въ нихъ сальныя свѣчи домашняго приготовленія; онѣ тускло, но за то долго горятъ. Мотря провела и самую Фенну Степановну, распорядившую сдѣлать тонкія свѣтильни, а Мотря убавила еще одну нитку, и дѣло ладно было: одной свѣчи становилось на три вечера; а что неясно горѣли, не бѣда! какая бы ни была свѣча, все не солнце, такъ и ничего. Въ другомъ мѣстѣ мальчишки, недавно взятые во дворъ, чистятъ столовые ножи, но не тѣ Нѣмецкіе, что баринъ еще къ свадьбѣ своей купили въ Ромнахъ на ярмаркѣ, тѣ назавтра, къ обѣду, а теперь пойдутъ Тульскіе, что вымѣнены у разнощика за двѣ четверти овса. Мальчишки усердно отчищаютъ показавшуюся кое-гдѣ ржавчину, и какъ сухой песокъ неудачно отчищаетъ, то препроворно они увлаживаютъ его. А тамъ посуду перемываютъ; въ комнатахъ съ мебели сняты чехлы, свѣчи разставлены

но незажжены. Третій самоваръ кипитъ воды, чашки приготовлены, ложечки вынуты, сухари, сливки, все готово.

Фенна Степановна, облачившись въ свой распашной капотъ и взложивши на голову имѣющійся для такихъ необыкновенныхъ случаевъ чепчикъ, съ глинянымъ подсвѣчникомъ въ рукѣ, въ коемъ пылалъ догорающій сальный огарокъ, ходила по гостиной и осматривала, вся ли мебель въ порядкѣ, сняты ли затрапезные чехлы и нѣтъ ли пыли или чего нечистаго на ситцевыхъ подушкахъ. Поминутно посылала колченогую Ваську послушать, не ѣдутъ ли гости: видѣть же не можно уже было, потому-что былъ темный вечеръ. Васька возвращалась и все съ одинаковымъ донесеніемъ: «нѣту, барыня, не слысно.» Одинъ только разъ она дополнила свой рапортъ замѣчаніемъ: «только и слысно, сто брешутъ поповы собаки; такъ они такъ, на кого нибудь, такъ заразъ и бресуть. Тамъ такія злыя, что не можно! Одному целовѣку недавно усю свиту порвали.»

«Пойди, еще послушай» прервала Фенна Степановна и продолжала разсуждать сама съ собою.... «Это, Богъ знаетъ, на что похоже! Сколько чайной воды изошло на самовары, и все не ѣдутъ. А ну, какъ не будутъ? Куда дѣвать этотъ ужинъ?... Кирилъ Петровичь, идите сюда, душечка! Полно вамъ съ Мериносами воеваться; идите сюда: мнѣ что-то сум-

но. А ты, Пазинька, когда Ивги Осиповны, барышни, не будетъ, такъ ты раздѣнься и лягъ спать; тебѣ нечего тутъ слушать.»

Кирилъ Петровичь, окончивши газеты, вышелъ въ гостиную и уже наряженный. Онъ надѣлъ свой длинный, безъ разрѣза назади, сертукъ и застегнулъ его на всѣ пуговицы, чтобы скрыть неполноту туалета: онъ въ лѣтнее время одѣвался полег че; на шеѣ же былъ у него завязанъ платокъ. Все было пристойно. Даже и коса его, увитая черною лентою, торчала вверхъ изъ-за высокаго воротника сертука.

Вотъ какъ они сидятъ чинно и ожидаютъ гостей, вдругъ вбѣгаетъ колченогая Васька и запыхавшись доноситъ: «ѣдутъ, барыня; ей Богу ѣдутъ! Тамъ такъ нюкаютъ на лосадей, сто не то сто, азъ страсно! А собаки и поповскія, и у Миросника, и у Пархоменка такъ бресутъ....»

Фенна Степановна уже не слышала сихъ подробностей; она во весь голосъ закомандовала: «ѣдутъ! Зажигайте всѣ свѣчи! Мотря клади чай въ чайникъ... Свѣтите лакеи на крыльцо: тамъ одна доска проваливается, такъ чтобъ не упалъ кто....» Шумъ, крикъ на лошадей, стукъ экипажей, хлопаніе бичей возвѣстили о пріѣздѣ долго ожидаемыхъ гостей.

Хозяева приняли радушно и со всѣми ласками Осипа Прокоповича Опецковскаго и Аграфену Семеновну, жену его. Всѣ неудовольствія Фенны Степановны за оскорбленія Пазинькѣ давно были забыты. Они послѣ того видѣлись неоднократно, объяснились и дѣло кончено. Вотъ и теперь хозяева встрѣтили ихъ со всѣмъ усердіемъ. Но гости, Осипъ Прокоповичь и супруга его, что-то не отвѣчали на ласки ихъ. Осипъ Прокоповичь былъ надмененъ болѣе обыкновеннаго и, какъ-будто снисходя, отвѣчалъ Кирилу Петровичу, а Аграфена Семеновна съ насмѣшливымъ видомъ осматривала Фенну Степановну и отворачивалась отъ нея, когда та, по-старинному, величала ее Горпинькою.

Съ ними пріѣхала и Эвжени, дочь ихъ. Свидѣвшись съ прежнею подругою своею, Полиною, Пазинькою тожъ, она съ радостію схватила ее за руку и пошла ходить съ нею по «залѣ», гдѣ былъ накрытъ столъ для ужина. Съ первыхъ словъ Эвжени расказала подругѣ, какъ она была въ Ромнахъ на ярмаркѣ, кого видѣла, кого замѣтила, кто ее замѣтилъ, кто что сказалъ, кто, проходя мимо ея, что шепнулъ; какъ она была въ собраніи, съ кѣмъ танцовала, какіе офицеры тамъ были, описала подробно ихъ наружность и каждое слово ими сказанное на счетъ ея. Наконецъ, какъ водится, чистосердечно призналась, какъ *онъ*, чуть ли не князь, а вѣрно графъ, богатый и пребогатый, молоденькой, да красивѣйшій всѣхъ,

теперь еще корнетъ, но скоро будетъ полковникъ (онъ самъ это говорилъ), такъ онъ-то въ первомъ собраніи пожалъ ей руку и вздыхая открылся въ любви; во второмъ, какъ она ему пожала руку и сказала: «да». Потомъ какъ онъ выпросилъ у нея колечко, какъ обѣщался пріѣхать къ нимъ въ деревню, за тѣмъ... «за тѣмъ... ну, сама знаешь зачѣмъ...»

Между-тѣмъ мы и забыли, что съ Опецковскими былъ еще одинъ пріѣзжій, молодой и очень порядочный человѣкъ. Онъ былъ во фракѣ свѣтлосиняго сукна, съ зеленымъ бархатнымъ воротникомъ; пуговицы парламутовыя въ одинъ рядъ; жилетъ оранжеваго рытаго бархату съ черными костяными пуговками; на шеѣ бѣлый галстукъ, довольно пристойно навязанный; длинные его концы прикрывали манишку, а жаль: кромѣ того, что она была чиста, но сложена, канальство! очень манерно. Онъ не зналъ, что длинные концы галстука закрывали изящество манишки, а то бы онъ ихъ запряталъ подалѣе. О прочемъ его нарядѣ, что было изъ планжевой нанки, мы умолчимъ, равно и о гусарскихъ его сапожкахъ съ кисточками. Съ руками онъ не зналъ, куда дѣваться. Еще-таки, когда держалъ въ рукахъ свой картузъ, хитросплетенный изъ бѣлыхъ конскихъ волосъ, такъ и ничего; но когда Осипъ Петровичъ положилъ въ уголъ свою круглую пуховую шляпу, а на него глядя, и этотъ молодой человѣкъ долженъ былъ тоже сдѣлать, такъ уже вовсе терялся съ сво-

ими руками. Положитъ ихъ, какъ слѣдуетъ франту, въ нанковые карманы: на него взглянетъ Аграфена Семеновна—и онъ поспѣшитъ вынуть; положитъ одну за жилетъ, другую опуститъ на колѣно: Осипъ Петровичъ глядитъ—надобно перемѣнить положеніе. Бѣда да и только! Къ спокойствію его, хозяева не обращаютъ на него никакаго вниманія, а особливо хозяинъ. Но вотъ все оживилось и въ пользу его.

Фенна Степановна подошла къ мужу и шепнула ему: «займитесь, душечка, гостемъ; это не простой гость.»

— А! —подумалъ Кирилъ Петровичъ, и только-лишь располагалъ встать и подойти къ нему, какъ вотъ и Осипъ Прокоповичъ что-то пошепталъ ему долгонько, всталъ и, подошедъ къ гостю, подвелъ его къ хозяину и сказалъ: «позвольте, почтеннѣйшій Кирилъ Петровичъ, рекомендовать вамъ родственника моего, Тимоѳея Кондратьевича Лопуцковскаго. Онъ хотя и молодой человѣкъ, но признательно скажу вамъ, что въ Петербургѣ, подобныхъ ему, я мало встрѣчалъ.»

Тимоѳей Кондратьевичъ шаркая кланялся и говорилъ бойко, безостановочно: «Честь имѣю себя рекомендовать: я Тимоѳей Кондратьевъ сынъ Лопуцковскій. Прошу меня любить и жаловать; я же съ моей стороны употреблю все стараніе, чтобы почте-

ніемъ моимъ и преданностію пріобрѣсть ваше доброе расположеніе, столь лестное для меня во всякомъ случаѣ.»

Кирилъ Петровичь также пустился-было на комплименты, и началъ произносить форменную рекомендацію своего времени, но на третьемъ словѣ какъ-то сбился и чуть не съѣхалъ на пѣсню: » чѣмъ тебя я огорчила, ты скажи мой дорогой! Онъ продолжалъ что-то отчитывать, пока договаривалъ свое Лопуцковскій; тутъ онъ спохватился, что не на то попалъ; хотѣлъ начать снова, но уже вовсе ничего не вспомнилъ, поскорѣе обнялъ гостя (такъ требовалъ церемоніалъ: послѣ рекомендаціи обняться) и, сѣвъ самъ, усадилъ его подлѣ себя и началъ разговоръ: «въ деревнѣ изволите жить?

Лопуцк. Большею частію, такъ-съ.

Кир. Петр. Имѣете фамилію?

Лопуцк. Какъ же; я Лопуцковскій, какъ и докладывалъ вамъ.

Кир. Петр. Да... то есть семейство?

Лопуцк. Нѣтъ еще-съ; холостъ, не женатъ.

Кир. Петр. Знаю. Но родителей, родныхъ?

Лопуцк. Родныхъ много, но родителей имѣлъ, теперь нѣтъ-съ, померли.

Кир. Петр. Родные, то есть, братцы и сестрицы, съ вами живутъ?

Лопуцк. Никакъ нѣтъ-съ. Я у покойныхъ моихъ родителей одинъ сынъ.

Кир. Петр. Занимаетесь хозяйствомъ?

Лопуцк. Возвратясь изъ вояжу, я еще не принимался.

Кир. Петр. Вы вояжировали? а куда?

Лопуцк. Изъ Чернигова въ Воронежъ.

Кир. Петр. И только?

Лопуцк. Нѣтъ, извините-съ: потомъ изъ Воронежа въ Черниговъ обратно, и все на своихъ, въ собственной колясќѣ.

Кир. Петр. Замѣтили что любопытное на пути, а?

Лопуцк. Какъ же-съ? Много любопытнаго! Иной день мѣстоположенія бывали отличныя. Смотришь и

видишь: весь небесный «гардеробъ» усѣянъ звѣздами, словно рябое лицо отъ оспы, а тутъ вдругъ станетъ солнце на всходѣ и свѣтло-свѣтло! Чудесныя мѣстоположенія!

Кир. Петр. А замѣчали ли вы разность въ жителяхъ, обычаи, различіе въ цѣнахъ!

Лопуцк. Какъ же-съ! По Воронежской губерніи на постоялыхъ все дорого, приступу нѣтъ! А вотъ Французскій хлѣбъ въ Воронежѣ, хоть и одна цѣна съ Черниговомъ, но хлѣбъ больше. Въ Харьковѣ напротивъ, фрукты, какъ-то: икра, балыкъ, швейцарскій сыръ дешевле, нежели въ Воронежѣ и даже въ Черниговѣ.

Кир. Петр. Преполезныя свѣдѣнія. Занимаетесь политикою?

Лопуцк. Какъ это-съ?

Кир. Петр. Читаете ли Московскія вѣдомости, или что другое?

Лопуцк. Это все обманъ. Пишутъ то, чего не бывало. лишь бы съ насъ деньги стянуть, но меня не поддѣнутъ. Да если бы и правду писали, какая мнѣ нужда до Англіи, до Турецін? У меня и по своему хозяйству много дѣла.

Кир. Петр. Напротивъ, очень пріятно, напримѣръ, изъ Московскихъ вѣдомостей узнавать, какъ храбрые Христиносы поражаютъ....

Фенна Степ. Вотъ уже пошли сражаться! Просите, душечка, гостей выкушать водки, да закусить, чѣмъ Богъ послалъ. Это лучше, нежели ваше кровопролитіе. Пожалуйте выкушайте. Вотъ мятная, вотъ зоревая, а это золототысячниковая, самая здоровая. Я только ею отъ живота и спасаюсь. Выкушайте.»

Послѣ дороги, гости сдѣлали уваженіе просьбамъ хозяйки, поочистили закуску порядочно; какъ вдругъ подаютъ тѣ же водки и просятъ выкушать передъ ужиномъ....

Агр. Сем. Помилуйте, что за ужинъ, послѣ такой огромной закуски?

Фенна Ст. И! что это за закуска? такъ только перекусили. Покорно прошу къ ужину. «На лакомый кусокъ сыщется уголокъ!» Покорно прошу, пожалуйте.

Агр. С. Это странный обычай, ужинать! «У насъ въ Петербургѣ» вовсе не ужинаютъ.

Фенна Ст. Что тамъ у васъ за городъ такой, что не ужинаютъ? Стало быть, тамъ можно умереть съ голоду?

Агр. С. Ахъ, какой городъ, какой городъ!

Лопуц. Когда я вояжировалъ изъ Чернигова въ Воронежъ, то на постоялыхъ дворахъ всегда ужиналъ. Оно какъ-то здоровѣе.

Какъ ни отговаривались гости, но усѣлись за столъ, и пошло угощеніе.

И Кирилъ Петровичь не дремалъ: онъ прихваливалъ каждое блюдо и упрашивалъ больше кушать; для возбужденія же аппетита предлагалъ пить чаще вино. Осипъ Прокоповичь, отвѣдавъ первой рюмки, съ удивленіемъ спросилъ: почтеннѣйшій Кирилъ Петровичь, что это у васъ за вино?

Кир. Петр. Алопское, Осипъ Петровичь: отличное, цѣльное; подъ него поддѣлаться нельзя.

Осипъ Пр., прихлебнувъ изъ рюмки. Признательно вамъ скажу, что, въ бытность мою въ Петербургѣ, я на всѣхъ обѣдахъ, куда былъ часто приглашаемъ, такаго вина не пилъ. У насъ все тамъ Французскія. А вотъ попрошу у васъ портера.

Кир. Петр. Портера? Я его не держу.

Осип. Пр. Очень жаль. Въ бытность мою въ Петербургѣ я только его и пилъ.

Фенна Ст. Нашли же напитокъ! И называется портиръ — испорченное пиво. У моей Мотри часто бываетъ его много, какъ додержитъ боченокъ съ пивомъ до того, что испортится.

Аграф. Сем. Однако жъ, моя любезная, «у насъ въ Петербургѣ» безъ него не бываетъ ни одинъ столъ.

Фенна Ст., докушивая съ аппетитомъ молочную кашу. Какъ я посмотрю, такъ вашъ славный городъ Питербурхъ не стоитъ и нашего Пирятина: не ужинаютъ, пьютъ порченное пиво и все Французское въ модѣ.... тьфу! просимъ не прогнѣваться. *Встаютъ.* Не взыщите за нашу убогую трапезу.

Отъ стола гости были проведены въ назначенные имъ покои. Кириллъ Петровичь остался на часокъ у Фенны Степановны и началъ говорить:

«Это, душечка, женихъ къ нашей Пазинькѣ.»

Фенна Ст. Знаю, маточка: мнѣ Горпинька тотчасъ сказала, и говоритъ, что мужъ ея васъ предувѣдомилъ еще въ запискѣ.

Кир. Петр. Онъ и мнѣ это говорилъ; но я и перечитывалъ записку, а все ничего не понялъ. Чудное дѣло! Осипъ Прокоповичь, побывавши въ столичномъ городѣ, сталъ еще умнѣе; не то, что умнѣе, а замысловатѣе началъ говорить. Я цѣлый вечеръ слушалъ его, а ничего не понялъ.

Фенна Ст. Да и Горпинька туда же. Но Богъ съ ними. Какъ вы думаете, отдавать ли Пазиньку за этаго жениха?

Кир. Петр. Боже сохрани! Duракъ пошлый и ничего не знаетъ, что происходитъ въ Европѣ.

Фенна Ст. Намъ же что до Европы? Хоть бы она себѣ и пропала! Намъ свое семейное дѣло важнѣе. И почему бы не отдать? Онъ молодой, красивый собою, одѣвается благопристойно; вотъ узнаю, сколько у него чего именно и добрый ли онъ? Поручила Мотрѣ все выспросить.

Кир. Петр. Такъ тогда же и скажите свое рѣшеніе, чтобы и мнѣ дѣйствовать заодно А теперь прощайте. *Обнявъ ее, цалуетъ.*

Фенна Ст. Пустите же меня, пустите. Мнѣ еще много приказывать Мотрѣ.

И Кирилъ Петровичь ушелъ, а Фенна Степановна начала читать молитвы на сонъ грядущихъ во ожиданіи Мотри съ донесеніями.

«Совсѣмъ ли ты управилась, Мотря?» спросила Фенна Степановна вошедшую Мотрю, снимая свой парадный чепчикъ и поспѣшая покрыть бумажнымъ платкомъ свою голову, чтобъ ложиться въ постель.

Мотря. Совсѣмъ. Хорошо вы дѣлаете, барыня, что не часто такіе банкеты даете, а то бъ силъ моихъ не стало.

Фенна Ст., лежа и закутываясь въ одѣяло. А что развѣ?

Мотря. А то, что съ этимъ народомъ бѣда.

Тутъ она подробно расказывала, какъ и въ чемъ Афроська ее не послушала, Парашка нагрубила, Домашка чай разсыпала, Тимошка двѣ котлеты укралъ и проч. и проч. Отдала отчетъ, какія кушанья отдала гостинымъ людямъ, какія спрятала на-даль и, слыша отъ барыни уже только одно «хорошо,» безъ дальнѣйшихъ замѣчаній, боялась, чтобы она не уснула совсѣмъ, и потому прямо приступила

къ цѣли. «А что, барыня, отдадите барышню за этаго жениха?»

Фенна Ст. А какъ ты думаешь?

Мотря. А почему бы и не отдать? Какаго намъ еще ждать? Вотъ послушайте, что люди про него расказываютъ.

Фенна Ст. А ты таки-выспросила? Что же они говорятъ?

Мотря. А то говорятъ, что, говорятъ, добрый, плохой, говорятъ, и смирной. Какъ расказываютъ, такъ, говорятъ, живетъ по-нашему. Говорятъ, какъ одинъ, такъ, говорятъ, мало чего и ѣстъ; рѣдко, говорятъ, ему и готовятъ; а гостей, говорятъ, не очень жалуетъ; а людямъ, говорятъ, у него хорошо жить; кормитъ, говорятъ, хорошо и не наказываетъ. Какаго его лучшаго хотѣть?

Фенна Ст. Я и сама такъ думаю, такъ вотъ же Кирилъ Петровичъ!

Мотря. А чего вамъ на нихъ смотрѣть? И будто вы не знаете, какъ съ ними управляться? Затужите, да заплачьте, да начните жаловаться, что вамъ никогда ни въ чемъ воли нѣтъ, то они и подадутся. Они еще васъ и до сихъ поръ любятъ и жалѣ-

ютъ; а какъ заплачете, то все для васъ сдѣлаютъ. Помните, какъ продавалась мельница, а они не хотѣли купить, а вы, по моему совѣту, заплакали, такъ они и купили. Сдѣлайте и теперь такъ, то и увидите, что будете мнѣ благодарить. А женихъ, право, годится.

Фенна Ст. О, и очень. Да такой красивенькой и учтивенькой. Не заговорилъ бы съ нимъ Кирилъ Петровичь, такъ онъ бы цѣлый вечеръ молчалъ. И говорилъ все такое разумное: гдѣ побывалъ, и гдѣ, что, почемъ продается, все знаетъ.

Мотря. Отдавайте же, отдавайте, хоть и завтра. Гости такъ и хотятъ. Чуть посватаете, такъ и подъ вѣнецъ, а свадьба хоть и черезъ годъ. Да чего и дожидать? У насъ все готово. Мало у насъ сундуковъ? И всѣ полнехонькіе. Покуда будете думать, а тутъ офицеръ чтобъ чего не выкинулъ. Ой мнѣ этотъ офицеръ!

Фенна Ст. А что развѣ?

Мотря. А то, что тутъ мнѣ некогда, а тутъ его солдатъ, Шельменко ли онъ, или цѣлая шельма, все тутъ и шнырялъ. Я приказывала его въ шею гнать; такъ, говоритъ, баринъ подозволилъ. А баринъ очень знаетъ, что можетъ случиться? Они муж-

ской полъ, а у васъ материнское сердце. Не давайте имъ и въ этомъ воли.

Фенна Ст. И! Богъ съ ними, Мотря! Сегодня помѣшалась не много, да и жизни своей нерада была. Я у нихъ и дура, и ничего не знаю, и все разболтаю, а съ Шельменкомъ всё шушу, да шушу. Къ чему-то онъ доведетъ, а я рукой махнула.

Мотря. А имъ того и надо. А послѣ доведете до того, что они все по своей волѣ будутъ дѣлать, а вы станете на все изъ рукъ смотрѣть. Послушали бы вы, что другія барыни дѣлаютъ съ своими мужьями? Не далеко сказать и наша казначейша, что въ Москвѣ, или гдѣ тамъ взялъ себѣ: такъ, говорятъ, что хочетъ, то мужъ, говорятъ, и дѣлаетъ для нея; а чуть что, говорятъ, не уважитъ, такъ, говорятъ, упала на полъ и начнетъ ее, говорятъ, корчить....

Фенна Ст. Сила крестная съ нами, чтобы я наслала на себя корчи! Хоть онъ тутъ себѣ что хочешь, такъ я не поддамъ себя грѣху.

Мотря. Да это она притворно дѣлаетъ. Ну, а вы, барыня, когда боитесь того, такъ плачьте и жалуйтесь на какую болѣзнь.

Фенна Ст. Я и сама давно уже знаю, что чуть я въ слезы, такъ они тотчасъ не тѣ станутъ и поддадутся; а тутъ и мнѣ пхъ жаль станетъ, и я отступаюсь отъ своего. Болѣзнь же наслать на себя не смѣю, боюсь грѣха!

Мотря. И, барыня, что въ томъ за грѣхъ? Вы для своей пользы это дѣлаете. А черезъ такое притворство устроите барышнино счастье. А говорятъ, какіе подарки приготовилъ вамъ! Всю дворню хочетъ дарить; а ключницѣ, это бы-то мнѣ, говорятъ, ситцу на платье подаритъ. Богъ съ нимъ! Я о себѣ не думаю, лишь бы моимъ господамъ было хорошо.

Въ подобныхъ сему разсужденіяхъ и совѣтахъ Мотря истощалась до того, что наконецъ барыня ея, вмѣсто отвѣтовъ, издавала только: «мъ — мъ — мъ.» Тутъ Мотря, знавъ, что пора оставить засыпающую, не докончивъ фразы, умолкла и пошла себѣ спать.

Уже и Мотря уснула, а она засыпала послѣдняя во дворѣ, но барышни, въ своей комнатѣ, еще и не думали уснуть. До ужина Эвжени объяснила причину пріѣзда родителей, и прямо сказала, что Тимоѳей Кондратьичь, по наслышкѣ, смертельно влюбился въ Пазиньку и пріѣхалъ сватать ее. Все сообщивъ ей это, она совѣтовала Пазинькѣ разсмотрѣть его хорошенько за ужиномъ, а потомъ сказать свои

мысли. Улегшись въ постели и выславъ служанокъ, они начали между разговоръ собою.

Эвжени. Ну, моя «милая машеръ», разсмотрѣла ли ты своего жениха?

Пазинька. Я на него и не смотрѣла.

Эвжени. Пуркуа же?

Пазинь. Говорите со мною по-Русски, а то я васъ и не пойму.

Эвжен. Ахъ, моя машеръ! Я же не могу, и такъ привыкла говорить все по-Французски, что мало чего и понимаю на «вашемъ» языкѣ. Пуркуа твоя «машермеръ» взяла тебя отъ насъ: ты бы также была образована, какъ и я. Пуркуа, то есть, для чего ты не смотрѣла на него?

Пазинь. Такъ.

Эвжени. Не нравится видно?

Пазинь. Я и не примѣчала его.

Эвжени. И хорошо дѣлала. Вѣдь онъ штатской, а въ нихъ что за толкъ? Военный совсѣмъ другое дѣло. Я насмотрѣлась на своихъ сосѣдей: это умора!

Какъ же пріѣхала въ Ромны, увидѣла этихъ купидончиковъ, съ усиками, съ эполетами.... да говорятъ какъ? засыплютъ словами. Да какіе влюбчивые? Не успѣлъ взглянуть на тебя, тотчасъ и влюбленъ страстно, пламенно! Слышишь отъ него, какъ онъ страдаетъ; ну какъ не сжалиться надъ нимъ? Скажешь ему что-нибудь въ отраду. Тамъ глядишь, другой и еще сильнѣе страдаетъ—и того утѣшишь. Да пока кончится собраніе, такъ залюбишься и налюбишься въ-волю.

Въ такомъ тонѣ продолжался расказъ Эвжени гораздо за-полночь. Пазинька слушала, но мало интересовалась всѣми сообщаемыми новыми для нея свѣдѣніями. Она сличала, и находила, что ея Иванъ Семеновичь не такъ ее любитъ, и она любитъ его совсѣмъ не такъ, какъ Эвжени своихъ кадрильныхъ кавалеровъ. Чуть-чуть не призналась-было ей въ своихъ отношеніяхъ къ Ивану Семеновичу, но удержалась-пока до случая. Пріѣздъ жениха очень безпокоилъ ее, и она только надѣялась на совѣты подруги. Если начнутъ меня принуждать, думала она, не слушая вовсе расказовъ Эвжени, тогда откроюсь ей и буду просить ея совѣта..... Но уѣхать тихонько.... бѣжать.... ахъ, страшно! И чтобы скрыться отъ этой мысли, испугавшей ее, она завернулась поспѣшно въ одѣяло и запрятала головку свою далеко въ подушки.

Эвжени говорила долго, расказывала всѣ свои приключенія въ мазуркахъ, котильёнѣ; предсказывала, какъ она будетъ счастлива, вышедши за-мужъ за того кавалера—кто онъ, она не знаетъ, но онъ ей очень нравится...... Но не слыша отвѣта подруги своей, замолчала и сама вскорѣ уснула.

Тимоѳей Кондратьевичь уснулъ — какъ счастливый любовникъ и почти обнадеженный женихъ — прежде всѣхъ. Началъ-было расчитывать: ну что, если завтра придется ему вѣнчаться съ Пазинькою? Но тутъ невольно вспомнилъ о своемъ вояжѣ въ Воронежъ, началъ пересчитывать станціи и разстояніе одной отъ другой, да, не доѣхавъ мысленно и до Харькова, предался покойному сну.

На другой день, утромъ..... Ахъ, этотъ день былъ важный и замѣчательный для Кирила Петровича Шпака, и едва ли не важнѣе дня, когда онъ въ холерическомъ припадкѣ перебилъ тринадцать гусей Никифора Омельяновича Тпруньκевича! День важный для Кирила Петровича настал̆ъ, а онъ еще покоится въ глубокомъ снѣ. Правда, онъ ничего не предчувствуетъ и потому спитъ покойно. И не только онъ, какъ хозяинъ, спитъ, но и всѣ въ домѣ спятъ, даже сама Мотря спитъ, потому-что еще очень-очень рано.

Такъ, рано. Но Иванъ Семеновичь, не смотря, что еще очень рано, уже и вскочилъ и потребовалъ къ себѣ Шельменка выслушать отъ него донесеніе, что происходитъ въ домѣ Шпаковъ и что за гости къ нимъ пріѣхали?

Шельм. Это гости, ваше благородіе — будучи оченно важные!

Ив. Сем. Кто же такіе? и почему они важные?

Шельм. Важные, ваше благородіе, очень важные: карета вся въ окошкахъ; двѣ барыни и шестёрка лошадей везутъ ее; а тамъ бричка и четыре дѣвки ѣдутъ, а тамъ еще бричка, такъ тамъ уже люди. Думаю—будучи, ваше благородіе, что тò либо губернаторъ, либо нашъ полковой лекарь, потому-что очень важные.

Ив. Сем. Чего же они пріѣхали и куда ѣдутъ?

Шельм. Ѣдутъ, в. б., сюда, а пріѣхали барышню сватать.

Ив. Сем. Этаго еще недоставало! За кого же сватать, и кто женихъ?

Шельм. Неизвѣстно, в. б., только онъ въ кафтанѣ, и у него бѣлая фуражка, и сидѣлъ тамъ, гдѣ шестёрка лошадей.

Ив. Сем. Понимаю. Почему же извѣстно, что это женихъ?

Шельм. Неизвѣстно, в. б., ни почему, а только недаромъ къ ужину готовили два соуса, а сегодня къ обѣду будетъ — стало быть — четыре и сладкій пирогъ; такъ люди и говорятъ, что навѣрное сегодня и сватанье запьютъ.

Ив. Сем. Что же барышня?

Шельм. Плачетъ смертельно, ваше благородіе.

Ив. Сем. Всѣ надежды пропали! Сегодня сговоръ... Пазинька, плачетъ... бѣдная! Видно чувствуетъ свое несчастіе и не хочетъ за предлагаемаго жениха!

Шельм. Никакъ нѣтъ, в. б., она — будучи — оченно желаетъ.

Ив. Сем. Какъ же это? желаетъ и плачетъ? Вѣрно ли тебѣ пересказали?

Шельм. Мнѣ никто ничего не говорилъ, потому — будучи — что я никого не спрашивалъ, да они всѣ отгоняли меня, чтобъ я и не смотрѣлъ.

Ив. Сем. Съ чего же ты взялъ, что она желаетъ итти за этаго жениха и будто плачетъ? Какъ это согласить?

Шельм. Да она уже—будучи—и такъ согласна. Какая бы барышня за-мужъ не хотѣла? А когда хочетъ, такъ стало-быть и плачетъ. Это уже не отъ насъ, в. б. Такъ я это будучи самъ-себѣ и разсудилъ, когда женихъ пріѣхалъ, такъ вѣрно сегодня и просватаютъ.

Ив. Сем. Экой болванъ! Нагородилъ пустяковъ и меня потревожилъ. Ступай опять во дворъ, старайся все узнать. А если будутъ прогонять, дойди къ самому барину и проси его о защитѣ себѣ. Бывши тамъ, найди случай сказать барышнѣ, чтобы въ два часа ровно вышла къ тому пруду, куда выгоняютъ утятъ. Я тамъ буду ожидать ее. Слышишь?

Шельм. Слушаю, ваше благородіе.

Ив. Сем. Понимаешь все?

Шельм. Понимаю, в. бл.

Ив. Сем. Этаго недоставало къ моему горю?

Шельм. Слушаю, в. бл.

Ив. Сем. Кромѣ этаго болвана, некому препоручить.

Шельм. Понимаю, ваше благородіе, все понялъ.

Ив. Сем. Пошелъ же скорѣе и дѣлай, что приказано.

Шельм. Счастливо оставаться, ваше благородіе.

И Шельменко, сдѣлавъ, съ обыкновенною своею ловкостью, налѣво кругомъ, пошелъ исполнять препорученіе. Онъ не отъ глупости путалъ вздоръ въ донесеніяхъ; онъ не былъ глупъ; напротивъ, онъ видѣлъ, что капитану уже не оставалось никакой надежды за пріѣздомъ съ такою пышностью жениха, и всѣ капитанскія препорученія ему крѣпко надоѣли, тѣмъ болѣе, что онъ въ вознагражденіе не предвидѣлъ ничего, кромѣ непріятностей себѣ или отъ капитана, или отъ Кирила Петровича. А потому онъ и рѣшился донесеніями своими отнимать у капитана всякую надежду, а, въ случаѣ его настоянія, навести на него самаго Кирила Петровича и предоставить ему дѣйствовать по собственному благоразумію. И теперь, хотя и отправился, будто бы и совсѣмъ усер-

діемъ для развѣдыванія, но вмѣсто того, избравъ въ саду густую тѣнь и мягкую траву, расположился на ней и уснулъ.

Тѣмъ временемъ, въ домѣ Шпака, проснулись хозяева, а потомъ и гости. По обычаю, собрались около стола для выпитія двухъ чашекъ чаю и столько же кофе и все съ густыми сливками и вздобными кренделями, сухарями и разными хлѣбами. Случай попрепятствовалъ Феннѣ Степановнѣ окончить всю эту процессію. Она начала ее со всѣмъ усердіемъ и неумолкно упрашивала гостей выкушать еще по чашечкѣ: много-де приготовили и чаю и кофе, куда же его дѣвать? Но вдругъ должна была выбѣжать изъ комнаты навоздухъ. Изволите видѣть, ее встошнило, и голова кругомъ пошла, какъ будто въ молодыв годы. Фенну Степановну это очень смутило, и она уже начала-было вздыхать; но вспомнила, что дурнота приключилась ей отъ проклятаго табаку, что курилъ при ней за чаемъ Осипъ Прокоповичь.

Онъ прежде никогда не курилъ табаку; но, возвратясь изъ Петербурга, курилъ сигары, когда бывалъ въ гостяхъ, или когда гости бывали у него—а одинъ никогда. Теперь, при чаѣ, онъ закурилъ, но отъ непривычки, потянувъ много дыму, крѣпко закашлялся.

Кир. Петр. Вамъ конечно вреденъ табакъ? Вы прежде не куривали.

Опецк. Я же, почтеннѣйшій Кирилъ Пет... Пет... (кашель мѣшаетъ ему говорить) Петровичь и въ Петербургѣ не бывывалъ, но послѣ былъ... Во время пребыванія моего въ столичномъ городѣ Санктпетербургѣ я очень ясно видѣлъ, что всѣ вообще занимаются куреніемъ сигаръ отъ мала до велика и во всякое время. Притомъ же, если изслѣдовать вещь «субьективно», то мы получимъ «результатъ», что это не табакъ, а существенно сигара.

Кирилъ Петровичь, пораженный мудреными словами, о которыхъ онъ и не слыхивалъ, а понимать вовсе не могъ, махнулъ рукою и сказалъ: по мнѣ все равно. Но видно, эта трава противна вашей натурѣ; вы безпрестанно кашляете.

Опецков. Это отъ «объективнаго» раздраженія горла. Ничего.

И чтобъ предохранить себя отъ кашля, онъ началъ проворнѣе выпускать дымъ, а чрезъ то такъ накурилъ, что бѣдная Фенна Степановна не могла высидѣть и выбѣжала. Мѣсто ея заняла Мотря, потому-что Пазинька должна была заниматься съ Эвжени.

Позже всѣхъ вышелъ Тимоѳей Кондратьичъ. Онъ, какъ женихъ, наряжался долго, да и нарядился изящнѣе, нежели вчера.

Мотря, желая его угостить, и чтобы отличить его, какъ жениха своей барышни, спросила его смягченнымъ голосомъ и унѣживая слова: «вамъ, паныченько, чего угодно: чайку или кофейку?»

И чайку и кофейку, и со сливочками и съ булочками — отвѣчалъ женихъ и расположился у стола.

Тутъ вбѣжала колченогая Васька и отворила всѣ окна въ залѣ. Феона Степановна ее прислала, чтобы перемѣнить тамъ воздухъ и истребить зловредный табачный духъ. Оправясь послѣ дурноты, вошла Феона Степановна и просила гостей къ завтраку.

Филька отворилъ двери въ гостиную, гдѣ на большомъ столѣ уже уставленъ былъ огромный завтракъ. Чего тамъ не было! Разнаго рода и вкуса пироги, пирожки, пирожочки, ватрушки, блины, блинки, яичница, копченые языки, полотки, разнаго рода марированье— и начали подносить водку разныхъ цвѣтовъ и вкусовъ, въ четырехъ карафинахъ, уставленныхъ на лоткѣ особаго устройства, называемомъ «кабачекъ». Но что это за водки были! Едва Осипъ Прокоповичъ у

первой снялъ пробку, какъ по всей комнатѣ пошелъ ароматъ!..

Хозяева вступили въ исправленіе своихъ должностей. Кирилъ Петровичъ просилъ о водкѣ и напоминалъ отцовское преданіе: «по первой не закусываютъ». И наливалъ пополнѣе, а Фенна Степановна, расхваливая каждую штуку завтрака, упрашивала кушать побольше, накладывала всѣмъ разныхъ разностей и увѣряла, что обѣдъ еще не скоро.

Къ завтраку явилось нѣсколько сосѣдей Кирила Петровича изъ мелкопомѣстныхъ. Отъ обѣдни они зашли поздравить Кирила Петровича и Фенну Степановну съ воскреснымъ днемъ, имѣя въ виду хорошенько позавтракать, знавъ о изяществѣ блюдъ, предлагаемыхъ въ это время у почтенныхъ хозяевъ.

Замѣтивъ ихъ, Фенна Степановна подошла къ мужу и потомъ сказала: «Пригласите ихъ, душечка, обѣдать. Наготовлено всего много, такъ оно и кстати, чтобъ меньше оставалось. Куда его послѣ дѣвать?» И сосѣди были приглашены.

Окончивши завтракъ и выпивъ, въ отвращеніе всякихъ непріятныхъ послѣдствій, добрую рюмку запеканной водки, Осипъ Прокоповичъ просилъ Кирила Петровича и Фенну Степановну переговорить съ нимъ

особо. Они удалились и вскорѣ позванъ былъ къ нимъ и Тимоѳей Кондратьичь.

Осипъ Прокоповичь сдѣлалъ предложеніе; Кирилъ Петровичь представилъ возраженіе, но Фенна Степановна опровергла его и подала большую надежду Тимоѳею Кондратьичу, дозволивъ ему переговорить съ Пазинькою — и если она согласится, то они, къ удовольствію своему, исполнятъ по желанію дочери. Хитрая Фенна Степановна! Она расположила уже строжайше приказать дочери, чтобы изъявила тотчасъ свое согласіе; и такъ будто безъ принужденія, но по собственному согласію, она выйдетъ за достойнаго Тимоѳея Кондратьевича Лопуцковскаго. Кирилу Петровичу не оставалось ничего болѣе, какъ согласиться на предложенное Фенною Степановною. Въ полномъ удовольствіи всѣ возвратились въ гостиную.

Осипъ Прокоповичь, видя, что кромѣ хозяина и Лопуцковскаго есть еще слушатели и какъ видно уважающіе его до того, что едва смѣютъ сидѣть передъ нимъ, принялся блистать разговоромъ. «Странное дѣло! началъ онъ: въ бытность мою въ Петербургѣ я замѣтилъ, что подобные завтраки, какъ у васъ, Фенна Степановна, совершенно не въ употребленіи. Рюмка водки и кусочикъ хлѣба и только.

Фенна Ст. Мудреные мнѣ тамъ люди живутъ. Извѣстно, что черезъ пищу мы только и живемъ;

не только мы, но и всякое животное. Ни за какіе милліоны не согласилася бы жить тамъ!

Агр. Сем. Ахъ, нѣтъ, моя любезная! Стоило бы васъ туда привезти, такъ вы бы и не захотѣли изъ него. Что это за городъ! Какая разница здѣсь! Гдѣ вы найдете здѣсь Невскій проспектъ? Гдѣ тутъ Острова? Ничего и подобнаго нѣтъ.

Лопуцк. Это я замѣтилъ, что всякое мѣсто отлично отъ другаго. Когда я вояжировалъ изъ Чернигова въ Воронежъ, то не только въ городахъ, но и въ селеніяхъ я не находилъ сходства однаго съ другимъ.

Опецк. Это весьма естественно. Когда принять въ соображеніе мѣстность однаго съ другимъ предметомъ, то субъективность выведена будетъ сама собою.

Кир. Пет. И кромѣ того, я думаю, сколько диковинокъ такихъ, какихъ мы здѣсь никогда не увидимъ, а вы тамъ вдоволь насмотрѣлись!

Опецк. Однѣ желѣзныя дороги здѣсь не могутъ быть даже поняты.

Кир. Пет. И не мудрено. Онѣ вѣдь въ Англіи дѣланы всѣ до послѣдняго гвоздя.

Опец., усмѣхаясь. Кто вамъ это сказалъ?

Кир. Петр. Я читалъ — вотъ — въ газетахъ.

Опецков. И вы, читая газеты, такъ буквально все и понимаете? Эхъ, почтеннѣйшiй Кирилъ Петровичъ! надобно побывать въ Петербургѣ, и не просто, а такъ какъ я, вникнуть во все, и тогда уже размѣрять всю объективность. Вы читали, что въ Англiи дѣлается желѣзная дорога для Петербурга. Хмъ! надобно смотрѣть на это въ дипломатическомъ смыслѣ. Въ газетахъ всегда иносказанiе, аллегорiя. Я вамъ объясню эту желѣзную дорогу. Англiя торговый народъ и издавна желаетъ всю коммерцiю прибрать въ свои руки. Слыша о нащей Роменской ярмаркѣ и завидуя удачной торговлѣ нашего купечества, она посредствомъ парламента возбудила свою нацiю къ войнѣ съ Россiею. Тутъ — въ разсужденiи реставрацiи — нашли себѣ союзниковъ, и я, сидя за своимъ бюро, я видѣлъ ясно помраченiе дипломатическаго горизонта. Вотъ тутъ-то Англiя хотѣла желѣзными штыками проложить себѣ дорогу до Петербурга. Вотъ о какой дорогѣ писали! а вы такъ прямо и приняли? Ха, ха, ха, ха! Нѣтъ, мой почтеннѣйшiй! Газеты не просто должно читать, но обратить при чтенiи всю дипломатику на предметъ.

Кир. Пет. По этому Христиносы и Карлисты тоже аллегорiя?

Опецк. Да, если смотрѣть субъективно, то оно подходитъ къ одной категоріи. Я вамъ впрочемъ скажу, что въ разсужденіи реставраціи эти обѣ партіи почти не существуютъ; онѣ истребили сами себя одна черезъ другую, или, по крайней мѣрѣ, скоро истребятъ. Я и небольшой дипломатикъ, но, сидя за бюромъ своимъ, ясно вижу весь результатъ и предсказываю вамъ это.

Кир. Пет. Помилуйте вы меня, Осипъ Прокоповичь! Какимъ образомъ Карлисты могутъ истребить Христиносовъ, когда ихъ уже маленькая горсточка остается? Возьмите Московскія вѣдомости! Христиносы бьютъ Карлистовъ какъ мухъ. Не знаю, какъ идутъ дѣла въ нынѣшнемъ году, я читаю еще прошедшія, и съ своею дипломатикою все назади у васъ. Объ новомъ годѣ буду все знать.

Опецк. Удивляюсь вамъ, Кирилъ Петровичь, какъ можно такъ читать газеты? Вы ихъ читаете по прошествіи года, когда вся субъективность минетъ, и пока вы читаете какъ, инда... индивидуальность совершится. Я вамъ торжественно скажу, что въ разсужденіи реставраціи газеты должно читать немедленно и выводить результаты, предваряя событія.

Кир. Пет. Читая по прошествіи года, я наслаждаюсь свѣдѣніями вполнѣ. Напримѣръ, я читаю: такой-то принцъ женился—и въ тотъ же вечеръ узнаю, чѣмъ мо

лодая супруга его разрѣшилась и какъ назвали новорожденное. А вы, Осипъ Петровичь, цѣлые девять мѣсяцевъ мучитесь неизвѣстностью о томъ. Видите ли, какая выгода? Впрочемъ, я многихъ вашихъ словъ не понимаю и не могу также сообразить, какъ можно предварить событія?

Опецк. Въ томъ-то и тайна дипломатики. Вы ее еще не постигли. Для занимающихся политикою это очень возможно. Слѣдуя за нею, я, въ разсужденіи реставраціи, сидя за своимъ бюромъ, объективно вижу, чѣмъ и какъ такое-то обстоятельство уранжируется. На другой день спѣшу въ кондитерскую...

Агр. Сем. Но это ты, мой другъ, дѣлалъ въ столицѣ, а здѣсь даже и кондитерскихъ нѣтъ!

Опецк. Ваша правда, Аграфена Семеновна! Этому причиной мѣстныя надобности, не говоря уже о противоположности нашего Пирятина съ Петербургомъ, гдѣ кондитерскихъ очень много и гдѣ въ каждой вы находите ежедневно новые листы всѣхъ газетъ. Я читаю—и нахожу свою идею олицетворенною. Правда, что Англійскіе министры дѣйствуютъ совсѣмъ не въ-попадъ и часто въ разсужденіи реставраціи противъ моихъ предположеній, но я иногда ихъ извиняю; они народъ коммерческій и смотрятъ на Европейскую политику съ другой точки, нежели я. Вы сказали еще, что многихъ моихъ словъ не по-

нимаете; но, мой почтеннѣйшій! это принято, и того требуетъ наша образованность, чтобы выражаться на словахъ, аболѣе на бумагѣ, такъ, чтобы не всякъ понялъ, и для того изобрѣтены новыя слова, не имѣющія яснаго значенія и смысла, отъ того и выходитъ эта всеобщая объективность къ чести нашего вѣка, гигантскими шагами идущаго впередъ. Изъ чего я и вывожу результатъ, что на семейныя дѣла Европейскихъ принцевъ не слѣдуетъ — въ разсужденіи реставраціи — обращать вниманія.

Сидѣвшіе тутъ сосѣди утопали въ восторгѣ, удостоясь слышать такія умныя разсужденія, коихъ они вовсе не понимали, а только одинъ другому шептали: вотъ дипломаты! это чудо!

Кир. Петр. А мое это любимое занятіе, и въ особенности я люблю составлять браки, и предугадываю, на которой принцессѣ такой-то принцъ женится, и я вамъ, Осипъ Прокоповичь, раскажу пресмѣшной анекдотъ. Вы знаете сосѣда моего, Матвѣя Васильевича Недрыгу? Онъ также напередъ все зналъ, когда возвратились Бурбоны во Францію. Я принялся отыскивать герцогу Беррійскому невѣсту, и нашелъ ему, по политическимъ видамъ, Австрійскую принцессу: партія была бы отличная! А онъ возьми, да и женись на Неаполитанской! Я объ этомъ ничего не знаю, а Недрыга пріѣзжай ко мнѣ, да и скажи, и началъ еще надо мною подшучивать. Все это меня

такъ взорвало, что я, слово-за-слово, съ Недрыгою разсорился, и вотъ съ 15-го года въ непримиримой съ нимъ враждѣ. Какъ же дѣло сосѣдское, то, кромѣ личной ссоры, завелись у насъ и тяжбы по присутственнымъ мѣстамъ, а все чрезъ Неаполитанскую принцессу.

Опецк. Меня приводятъ въ подобную досаду дѣла по Европейской политикѣ, какъ нарочно идущія противъ моего предположенія; и я, сидя за своимъ бюро, ясно вижу, что главныя у насъ неустройства отъ того, что Европа не такъ раздѣлена, и дипломатическая часть слаба.....

Лопуцк. Сколько примѣровъ найдется, что отъ худаго раздѣла встрѣчаются общія невыгоды. Это и я испыталъ. Когда я вояжировалъ изъ Чернигова въ Воронежъ, то въ дорогѣ съѣхался съ однимъ славнымъ малымъ. Былъ такой лихой, бойкій, настоящій «бомбибанъ». На станціи двѣ комнаты — и мы раздѣлились. Что же? Онъ любилъ прохладу, и ему досталась душная комната, а я, любя тепло, получилъ холодную; и отъ такаго контракта ни онъ, ни я не спали всю ночь.

Въ подобныхъ политико-мудрыхъ разговорахъ проводили время наши дипломаты, какъ тутъ заботливая хозяйка проситъ гостей къ обѣду.

Агр. Сем. Ахъ, моя любезная! Такъ рано обѣдать? У насъ въ Петербургѣ никогда не обѣдаютъ прежде 5-ти, 6, 7 и 8-ми часовъ.

Фенна Ст. Да вы себѣ, душка Горпинька, спрячьтесь съ своимъ Петербургомъ. Какъ я слушаю и вижу, такъ тамъ и живутъ и говорятъ и думаютъ все навыворотъ. Куда намъ за ними! Пока ихъ обѣдъ поспѣетъ, такъ мы и проголодаемся. Покорно прошу къ столу, чтобъ кушанье не простыло.

Начался обѣдъ. Шельменко не во всемъ правду сказалъ. Холодныхъ точно было четыре, но соусовъ не четыре — а шесть и пирожныхъ два. Кромѣ слоенаго сладкаго пирога, былъ еще «яблошникъ» къ сливкамъ. Фенна Степановна преусердно упрашивала гостей кушать побольше, а Кирилъ Петровичь поддерживалъ разговоръ и заводилъ матеріи о разныхъ предметахъ. Осипъ Прокоповичь — въ разсужденіи реставраціи — много кушалъ и много осуждалъ Англійскихъ министровъ и не прощалъ и всей Европѣ. Аграфена Семеновна, бывъ крѣпко заснурована, не могла такъ свободно кушать, и полагала тому причину, что «у насъ въ Петербургѣ не такія блюда» и что «я отвыкла отъ такихъ блюдъ.» Тимоѳей Кондратьичь выдергивалъ отрывки изъ своего вояжа изъ Чернигова въ Воронежъ, какъ онъ былъ тамъ обманутъ Нѣмцомъ, созвавшимъ народъ и «анимировавшимъ» показать имъ «аллегорію», а вмѣсто того это были на

бумажкахъ или на стеклѣ намалеванныя картины и только деньги пропали. Какъ искусно дѣлаютъ въ Воронежѣ «бомбояжи» прочные и легкiе въ ѣздѣ. Барышни шушукали свое и, подслушивая расказы Тимоѳея Кондратьича, толкались локотками. Сосѣди же, приглашенные къ обѣду, были на верху блаженства; ѣли отличныя блюда, пили вино лучше, нежели «алонiя» и слушали кругомъ себя раздающiяся умныя и непонятныя имъ рѣчи. Послѣ стола Лопуцковскiй благодарилъ Аграфену Семеновну, что она «анансировала» всю компанiю.

А между-тѣмъ Иванъ Семеновичь, ожидая Шельменка съ извѣстiями, потерялъ терпѣнiе и пошелъ самъ отыскивать его. Разбуженный капитаномъ, Шельменко наговорилъ ему всякой чепухи и увѣрилъ, что онъ видѣлъ барышню, пересказалъ ей желанiе капитана и получилъ увѣренiе, что она непремѣнно въ назначенный часъ будетъ у пруда, гдѣ плаваютъ утята, и что она просила, чтобы капитанъ былъ уже тамъ.

Въ ожиданiи двухъ часовъ, времени, когда должно было Ивану Семеновичу явиться у пруда, онъ занялся своими дѣлами.

Обѣдъ кончился, и каждый опять за свое: Осипъ Прокоповичь началъ душить себя и другихъ дымомъ сигары; Аграфена Семеновна удали-

лась, чтобъ перемѣнить платье и немного поослабить снуровку; Тимоѳей Кондратьичь также удалился, чтобы заняться туалетомъ и приготовиться къ объясненію съ невѣстою; барышни пошли въ садъ, гдѣ Пазинька обѣщала повѣдать свою тайну, а Кирилъ Петровичь, мигнувъ своей Феннѣ Степановнѣ, сказалъ: «а пожалуйте, маточка, сюда на часочекъ.» И приведя ее въ спальню, притворилъ плотно дверь. Подумавши, началъ такъ:

«Скажите мнѣ, маточка, отъ чего вы такъ опрометчиво выскочили утромъ изъ-за чаю?»

Фенна Ст. Охъ, душечка! Мнѣ-было такъ сдѣлалось дурно, что ужасъ.

Кир. Петр. Какъ же это вамъ, маточка, дурно сдѣлалось?

Фенна Ст. Встошнило крѣпко, насилу выскочила; и голова закружилась.

Кир. Петр., съ размышленіемъ. Встошнило! и голова! хмъ!... *Смотря на нее съ большимъ примѣчаніемъ.* А не знаете ли, отъ чего это у васъ встошнило и голова закружилась, а?

Фенна Ст. Расчитываю, что отъ табачнаго дыму.

Кир. Пет. Я десять разъ расчитывалъ и весьма желалъ бы, чтобы дурнотѣ вашей былъ причиною табачный дымъ, а не что другое. Я увижу.

Фенна Ст. Богъ знаетъ, какія вамъ мысли приходятъ, Кирилъ Петровичь! Какъ вамъ можно думать что, когда у меня дочь выходитъ за мужъ.

Кир. Петр. Нѣтъ-то еще не выходитъ.

Фенна Ст. А почему нѣтъ?

Кир. Петр. Я раздумалъ.

Фенна Ст. А почему такъ? Онъ, мнѣ кажется, человѣкъ достойный.

Кир. Петр. Достойный, слова нѣтъ, и я въ немъ, кромѣ хорошаго, ничего не вижу; но ужасно какъ глупъ! Все твердитъ, какъ онъ вояжировалъ и куда же? изъ Чернигова въ Воронежъ и обратно.

Фенна Ст. Что же, когда ему въ томъ фортуна благопріятствовала? А по-моему, лучше глупъ, нежели мотъ и пьяница.

Кир. Петр. И то худо, и другое не хорошо. Во избѣжаніе всего, намъ съ рѣшительнымъ словомъ надобно пріобождать.

Фенна Ст. Вотъ же попомните мое слово, что пока будете обжидать, а капитанъ такаго надѣлаетъ, что цѣлый вѣкъ будемъ помнить!

Кир. Петр. О, нѣтъ, маточка! Я его такъ напугалъ, что онъ боится о Пазинькѣ и думать. Притомъ же при немъ Шельменко: наблюдаетъ за нимъ каждый шагъ и тотчасъ мнѣ скажетъ.

Фенна Ст. Нашли человѣка! Какъ себѣ хотите, а я пойду къ Пазинькѣ и научу ее, что она должна отвѣчать жениху въ согласіе свое.

Кир. Петр. Дѣлайте, что хотите; а съ формальнымъ сговоромъ подождемъ.

На томъ и кончилось семейное совѣщаніе. Фенна Степановна отыскала дочь и сказала ей: «вотъ, Пазинька, сюда придетъ Тимоѳей Кондратьевичъ и будетъ тебѣ дѣлать объясненіе и будетъ спрашивать твоего согласія и будетъ просить твоей руки и сердца; то, смотри, умненько и пристойно ему отвѣчай»...

Пазиньк. Я очень вѣжливо ему откажу.

Фенна Ст. Какъ это можно?

Пазинька. Маминька! Я ни за что въ свѣтѣ не хочу за него!

Фенна Ст. Я слышать не хочу!.... Смотри же, скажи ему такъ: «когда вы, государь мой, такъ привязаны ко мнѣ, какъ говорите, такъ мнѣ остается только сказать, что я ваша, или вамъ принадлежу, или какъ тамъ умнѣе придется сказать....

Пазиньк. Маминька! пощадите меня!

Фенна Ст. Вздоръ, вздоръ! Я буду близко стоять, и если ты не скажешь слово въ слово, то я за тебя скажу. да послѣ уже не прогнѣвайся.

Отдавъ такое рѣшительное и строгое приказаніе, Фенна Степановна пошла отыскивать Аграфену Семеновну.

Въ большомъ огорченіи возвратилась Пазинька подъ яблонь къ подругѣ своей, и съ горькими слезами расказала ей о приказаніи, полученномъ отъ матери.

Эвжени. «Повръ моя машеръ!» Что же ты предпринимаешь?

Пазиньк. И сама не знаю.

Эвжени. Послушай моего совѣта. Ты дай слово итти за нашего жениха, а съ своимъ офицеромъ уйди.

Пазиньк. Лучше умереть, нежели рѣшиться на такой поступокъ! Конечно, и онъ упрашиваетъ меня бѣжать, но я никогда не рѣшусь.

Эвжени. Ахъ, моя милая машерочка, почему же не рѣшиться? Какъ это весело! Выходишь скрытно отъ всѣхъ, черезъ садъ; луна освѣщаетъ твой путь; ты дрожишь, пугаешься всего.... вдругъ онъ выскакиваетъ изъ-за деревьевъ.... ты падаешь въ обморокъ и на его руки; онъ тебя безчувственную несетъ, сажаетъ въ коляску; лошади васъ мчатъ; вы вѣнчаетесь.... Ахъ, какъ это весело! Конечно, твоя машермеръ будетъ сердиться; но вы будете плакать, просить — и она васъ проститъ! Ахъ, какая ты «эрёзъ», что у тебя есть военные! а у насъ ни одного близко нѣтъ. Вотъ тебѣ мой пароль, что если мой офицеръ предложитъ мнѣ бѣжать, я тотчасъ соглашусь и уйду.

Приближающіеся Осипъ Прокоповичь и Кирилъ Петровичь принудили подругъ удалиться въ глубь сада.

Дипломаты подошли къ скамейкѣ, сѣли и продолжали разсуждать.

Осипъ Пр..... Въ-разсужденія реставраціи, не должно упускать нити Европейской политики, а слѣдовать за нею субъективно изъ листа въ листъ газеты. Иначе все перепутаете Стало, вамъ неизвѣстно, что король Греческій женился и на комъ?

Кир. Петр. Женился или нѣтъ, не знаю; но на комъ онъ женится, отгадываю.

Осипъ Пр. А на комъ бы по вашему мнѣнію?

Кир. Петр. Скажу и не ошибусь. На дочери Турецкаго султана.

Осипъ Пр. Это же отъ чего?

Кир. Петр. Отъ того, что обѣ враждующія державы, чрезъ родственный союзъ, примирятся, Христіанство распространится, торговыя сношенія съ Европою получатъ твердость.

Осипъ Пр. Позвольте мнѣ, Кирилъ Петровичь, эту часть разумѣть больше; потому-что я, сидя за своимъ бюро, очень ясно вижу въ разсужденіи торговыхъ сношеній съ Европою ..... то есть.... какъ бы вамъ сказать..... По объективному равновѣсію Европы, всякій торгъ.... однимъ словомъ, на это нужно подробное объясненіе....

Лопуцковскій на послѣднія слова выходитъ изъ-за деревьевъ. Для этаго самаго я и поспѣшилъ сюда, чтобы съ прелестною барышнею объясниться.

Кир. Петр. Но по моему мнѣнію, съ объясненіемъ можно бы и не спѣшить.

Лопуцк. Почему же, когда за этимъ я пріѣхалъ? По крайней мѣрѣ дозвольте мнѣ поговорить съ нею инкогнито, безъ свидѣтелей.

Кир. Петр. Не могу на это рѣшиться не подумавъ.

Осипъ Пр. Дозвольте мнѣ войти въ ваше весьма затруднительное положеніе и быть посредникомъ въ этомъ объективномъ дѣлѣ. Когда—въ разсужденіи реставраціи—въ Европейской политикѣ замѣчена была шаткость, тогда въ Англійскомъ парламентѣ, не помню, какой-то лордъ произнесъ сильную рѣчь, въ которой ясно доказалъ... доказалъ, что... какъ жаль, что я не вспомню предмета рѣчи.....

Кир. Петр. Скажите только, въ какомъ № Московскихъ вѣдомостей эта рѣчь, то я ее тотчасъ найду и прочту самъ. Когда я что прочту, то только то и понимаю, а слышимое тотчасъ ускользаетъ изъ памяти. *Увидѣвъ гуляющихъ жену и Аграфену Семеновну, перерядившуюся послѣ обѣда.* Время прекрасное,

и вы очень хорошо вздумали, что вышли погулять въ саду.

Аграф. Сем. У насъ въ Петербургѣ обыкновенно въ это время гуляютъ... но это не Лѣтній садъ!.. Какая разница!—*Отведя мужа, говоритъ ему тихо:* Я замучена, мой другъ! Вообрази, хозяйка и теперь называетъ меня, какъ и до нашей поѣздки въ Петербургъ, Горпинька! Ахъ, какая Малороссіянка!

Осипъ Ир. Правда, но..... обращаясь къ Европейской политикѣ, ты найдешь, что Англичане, которыхъ министры, правда, часто дѣйствуютъ противъ моей субъективности, даже и своихъ королей, въ-разсужденіи реставраціи, зовутъ полуименемъ.

Кирилъ Петровичь подошелъ къ женѣ и объявилъ, что онъ съ сговоромъ дочери намѣренъ пріостановиться.

Фенна Ст. Съ досадою. Помилуйте меня, Кирилъ Петровичь! Я вамъ не наудивляюсь! И хоть вы меня сей-часъ убейте, такъ я въ толкъ не возьму. Какъ можно человѣку съ вашимъ умомъ не обсудить, что замужствомъ дочери, во всякомъ случаѣ, спѣшить должно. Съ чего вы вздумали еще колебаться? Это Богъ знаетъ что!

Кир. Петр. Не мѣшайте мнѣ, маточка! У меня свои планы. Послѣ или вы мнѣ спасибо скажете, или назовете просто дуракомъ.

Фенна Ст. Я этаго объ васъ и помыслить не смѣю, а вижу ясно, что вы все дѣлаете не въ-попадъ. Этаго отъ вашего ума я никогда не ожидала.

Агр. Сем. Кирилъ Петровичь! У васъ, кромѣ этаго сада, нѣтъ ничего болѣе и лучше для прогулки?

Фенна Ст. Какъ нѣтъ? А помнишь, Горпинька, пасѣку, гдѣ мы съ тобой, еще какъ дѣвками были, такъ катались въ бочечкѣ? Прекрасно и тамъ гулять.

Агр. Сем. съ неудовольствіемъ. Чрезъ столько лѣтъ, кажется, можно все забыть. У насъ въ Петербургѣ, напротивъ, сколько мѣстъ, гдѣ можно отлично прогуливаться: Набережная, Острова; а здѣсь и подобнаго ничего не увидишь!–Ахъ, Петербургъ!

Лопуцк. Когда я вояжировалъ изъ Чернигова въ Воронежъ, то много встрѣчалъ мѣстъ удобныхъ для прогулокъ.

Агр. Сем. Но все не то, что нашъ Невскій проспектъ!

Осипъ Пр. Петербургъ и тѣмъ хорошъ, что у васъ вся Европейская политика передъ глазами. Сколько газетъ, журналовъ! Сколько субъективныхъ разсужденій, объективныхъ мнѣній, дипломатическихъ воззрѣній!

Агр. Сем. А прапо, Фенна Степановна! Вы получаете какіе журналы?

Фенна Ст. Не знаю, душечка, Горпинька! Я по экономіи ни во что не вхожу; всѣмъ завѣдываетъ мужъ. Гдѣ мнѣ, бабѣ, пускаться въ эти дѣла.

Кир. Петр. Я только получаю Московскія вѣдомости и читаю ихъ всѣ за одинъ разъ. Журналовъ же терпѣть не могу. Тамъ вѣчно: «продолженіе впредь». А это для меня острой ножъ, томиться неизвѣстностію!

Агр. Сем. Ахъ, какъ можно не читать журналовъ! Изъ нихъ бы вы узнали, что уже строжайше запрещено говорить и писать: «этотъ и сей»; а также, хотя бы и друзей, называть полуименемъ. *Тихо мужу.* Каково?

Осипъ Пр. также тихо ей. Хотя бы и въ Англійскомъ парламентѣ.

Агр. Сем. Что вы на это скажете, Фенна Степановна?

Фенна Ст. Я, душечка Горпинька, просто вотъ что скажу: какъ умудряется свѣтъ! все больше, такъ что и Господи!

Лопуцк. Вояжируя изъ Чернигова въ Воронежъ, я часто пускался въ «аспазіи» и въ часы «мелодіи» мнѣ приходила мысль: зачѣмъ мы называемъ себя по имени и по отчеству? Сколько надо времени выговорить все это?

Осипъ Пр. Европа вся зоветъ себя только по фамиліи.

Агр. Сем. Но мы, мой другъ, благодаря Бога, живемъ не въ Европѣ.

Осипъ Пр. О, конечно; у насъ вѣжливость субъективнѣе и совсѣмъ на другой степени. Въ бытность мою въ Петербургѣ, похвалюсь вамъ на счетъ вѣжливаго всѣхъ со мною обращенія. Даже при знакомствѣ моемъ съ господами министрами...

Кир. Петр. Такъ вы свели знакомство и съ ними? Часто бывали у нихъ?

Осипъ Пр. Нѣтъ; бывать у нихъ я не бывалъ, правду скажу, но встрѣчаяся съ ними, свидѣтельствовалъ имъ мое почтеніе снятіемъ шляпы и уважительнымъ поклономъ, то и отъ нихъ видѣлъ взаимный поклонъ и съ улыбкою еще.

Фенна Ст. мужу. Знаете, душечка, что? Чѣмъ намъ тутъ сидѣть и ничѣмъ не заниматься, такъ не приказать ли сюда подать чего-нибудь закусить? Можно яичницу, цыплятъ жареныхъ, да грибковъ въ сметанѣ.

Агр. Сем. Ахъ, моя милая Фенна Степановна! Мы обѣдали въ 12 часовъ, а теперь еще два часа.

Фенна Ст. И, душечка-Горпинька, что засчоты? У насъ въ деревнѣ это все некупленное. Прикажете? тотчасъ изготовятъ и горяченькое подадутъ. Такъ перекусить, пока до полдника.

Агр. Сем. Фи, какъ это можно, еще и полдничать. Вотъ идутъ къ намъ дѣвицы; компанія наша умножится, и намъ, безъ вашихъ цыплятъ, будетъ весело.

Эвжени съ Пазинькою приходятъ.

Эвжени. Вотъ гдѣ наши машермеры! Мы васъ по всему саду искали. Ахъ, машермеръ, сколько здѣсь прелестныхъ видовъ! Мы съ моею Пазинькою нашли одно прероманическое мѣсто. Оно очень живо описано въ прелестномъ романѣ «путешествіе по Малороссіи.»

Агр. Сем. Какія здѣсь романическія мѣста. Посмотрѣла бы ты въ Петербургѣ. Тамъ у насъ на каждой улицѣ вездѣ встрѣтишь романъ.

Фенна Ст. Должно полагать, что это модное имя, когда вездѣ Романы?

Агр. Сем. Ахъ, нѣтъ, не то. *Сама съ собою.* Я съ нею терпѣніе теряю. *Дочери.* У насъ въ Петербургѣ одинъ Невскій проспектъ стóитъ лучшаго романа въ четырехъ частяхъ. Ты много лишилась, не бывъ въ Петербургѣ. Здѣсь подобнаго ты никогда не увидишь.

Эвжени. Пуркуа же не взяли вы меня съ собою?

Агр. Сем. Но ты оканчивала воспитаніе у мадамъ Торшонъ.

Осипъ Пр. Чѣмъ подвергать нашу индувидіальность разстройкѣ желудковъ цыплятами и грибами вашими, сударыня, Фенна Степановна, такъ не лучше ли похвастать вамъ предъ моею женою вашимъ объективнымъ птичьимъ дворомъ, и показать, гдѣ кормятся эти жирные гуси, которыми за обѣдомъ вы насъ закормили; а тамъ и прочее все по хозяйству вашему.

Агр. Сем. А, и въ самомъ дѣлѣ. У насъ въ Петербургѣ такихъ диковинъ не увидишь.

Фенна Ст. Извольте, пойдемъ. Я поведу васъ съ–начала туда, гдѣ у меня доятъ коровъ, а послѣ туда, гдѣ запираютъ телятъ, пахтаютъ масло. Потомъ осмотримъ куръ, гусей, утокъ, насѣтокъ, цыплятъ...

Осипъ Пр. Идите, идите. А мы съ почтеннѣйшимъ Кириломъ Петровичемъ осмотримъ техническое его заведеніе Испанскихъ овецъ и кстати разсмотримъ ходъ Испанской войны.

Расходятся въ разныя стороны.

Эвжени. Ахъ, ма эмабль! Они ушли экспре, чтобы дать твоему жениху случай изъясниться.

Пазинька. Напрасно они безпокоились.

Эвжени. По крайней мѣрѣ позабавимся надъ нимъ, и онъ позабавитъ насъ своею любовью. Cё сера жоли. *Тимоѳею Кондратьичу, стоящему въ отдаленіи и вздыхающему.* О чемъ вы вздыхаете, Тимоѳей Кондратьичь, или о комъ?

Лопуцк. Ни о комъ и ни о чемъ, а мнѣ жарко такъ, что потъ съ меня въ три ручья валитъ.

Эвжени. Что же вы это такое тяжелое работали?

Лопуцк. Я еще не работалъ, а приготовляюсь.

Эвжени. Къ чему же это?

Лопуцк. Открыться въ любви.

Эвжени. Кому? Ужъ не мнѣ ли?

Лопуцк. Помилуйте! Я же съ вами пріѣхалъ. А вотъ имъ.

Эвжени. Такъ открывайтесь же скорѣе; я послушаю и поучуся, какъ намъ открываются въ любви мущины.

Лопуцк. Это дѣлается просто, сверхъестественно.

Эвжени. Желала бы я послушать сверхъестественнаго вашего объявленія.

Лопуцк. Извольте-съ. *Вынимаетъ изъ кармана бумажку и кашляетъ.*

Пазинька. Позвольте же узнать, кому вы станете открываться въ любви?

Лопуцк. Натурально вамъ.

Пазинька. Отъ чего же натурально? и почему мнѣ?

Лопуцк. Натурально потому, что вы лучше всякой натуры, и потому вамъ, что.... вамъ.

Пазинька. Да кто же я?

Лопуцк. Вы — вы-съ.

Пазинька. Знаете ли вы хоть имя мое?

Лопуцк. Это я послѣ узнаю, а теперь я знаю, что вы дочь... вашего батюшки... Кирила Петровича.

Пазинька. Напрасно такъ полагаете; я только племянница.

Лопуцк. Такъ дочь еще особо?

Пазинька. Конечно особо. *Смѣются обѣ.*

Лопуцк. Гдѣ же я найду ее?

Пазинька. Въ домѣ.

Эвжени. Идите, вамъ любовь укажетъ путь.

Лопуцк. Смотрите, не обманываете ли вы меня?

Эвжени. Какъ это можно обманывать васъ!

Лопуцк., уходя, самъ съ собою. Хорошо, что я расспросилъ, а то попалъ бы въ просакъ. Племянница! Это не то, что дочь, и что ей дадутъ въ приданое? Какіе нибудь обноски!

Эвжени. Мы счастливо отдѣлались отъ твоего несноснаго жениха.

Пазинька. Ахъ, нѣтъ, еще не отдѣлались! Я предчувствую, что когда маменька это узнаетъ, то мнѣ достанется, и я все-таки буду выдана за него. Мнѣ удивительно, что мы нигдѣ не встрѣтили Ивана Семеновича. Хотя бы онъ узналъ о моемъ горѣ, и мнѣ легче было-бы терпѣть.

Агр. Семен. едва идетъ. Уфъ!..... задыхаюсь!.... Ну, на что это похоже, въ самый жаръ ходить такъ

далеко! Всю эту гадость осмотрѣли: и куръ, и насѣтокъ, и цыплятъ, и телятъ—и все это въ ужасномъ одно отъ другаго разстояніи. Нѣтъ, у насъ въ Петербургѣ подобнаго не увидишь даже и въ Англійскомъ магазинѣ. Теперь пошла еще смотрѣть своихъ утятъ къ пруду, гдѣ, говоритъ, и тѣнь и прохлада; но я уже не могла итти за нею.

Пазинька. Маминька моя очень любитъ всѣмъ этимъ заниматься сама, у нея все въ порядкѣ.

Агр. Сем. И пусть будетъ въ порядкѣ; но зачѣмъ же мучить другихъ, водя такъ далеко и показывая все это живымъ, что мы видимъ каждый день на своемъ столѣ изготовленнымъ отлично и въ пристойномъ видѣ. Апрапо! объяснялся ли съ вами Тимоѳей Кондратьичь и какой отвѣтъ получилъ?

Эвжени. Имажине, моя милая машермеръ! Моя машеръ Пазинька не можетъ за него вытти по нѣкоторымъ сирконстансамъ.

Агр. Сем. Понимаю; это вѣрно тайная любовь! У насъ въ Петербургѣ каждая хорошо воспитанная дѣвица и даже замужняя женщина имѣетъ свою тайную, особенную любовь. Въ обществѣ, къ которому я тамъ принадлежала, это вообще принято.

Эвжени. Ахъ, машермеръ! Уговорите ея машермеръ, чтобы она не разлучала двухъ страстно любящихся сердецъ! и пуркуа бы ихъ не соединить?

Агр. Сем. Не предосудительно ли его происхожденіе?

Пазинька. О, напротивъ; онъ благороднѣйшій человѣкъ по рожденію и по чувствамъ своимъ.

Эвжени. Онъ, машермеръ, военный и здѣсь стоитъ съ полкомъ.

Агр. Сем. Какъ? и здѣсь есть полки? Сколько ихъ у васъ въ деревнѣ?

Пазинька. Здѣсь только одна рота.

Агр. Сем. Одна рота! Ахъ, какія вы жалкія! У насъ въ Петербургѣ тысячь тридцать. Тамъ и на полкъ нечего смотрѣть, а у васъ только рота. Какая во всемъ разница съ Петербургомъ, удивляюсь! Онъ уже полковникъ?

Пазинька. О, нѣтъ; капитанъ.

Агр. Сем. И всего только одинъ капитанъ у васъ! Ай, ай, ай! У насъ въ Петербургѣ конечно ихъ тысяча и все молодцы!

Эвжени. Меня до слезъ тронула ея любовь; я бы вамъ объ ней расказала, но вотъ подходятъ наши моншерперы; пусть послѣ. Похлопочите же о влюбленныхъ.

Дипломаты наши, разбирая права на Испанскій престолъ Донъ-Карлоса и малолѣтней королевы, защищали каждый свою сторону съ такимъ жаромъ, что у нихъ вышелъ уже крупный споръ; но къ счастью подошелъ Тимоѳей Кондратьичь, требуя объясненія у Кирила Петровича, есть ли у него дочь и гдѣ она?

Кир. Петр. Вотъ моя дочь, и вы видѣли ее.

Лопуцк. Но помилуйте, это не дочь ваша.

Кир. Петр. Кому же лучше знать, какъ не мнѣ, ея истинному, родному отцу? Да начто вамъ дочь моя?

Лопуцк. Какъ же? Я долженъ ей открыться въ любви. Вотъ уже и вечеръ приближается.

Кир. Петр. Напрасно безпокоитесь. Это почти не нужно.

Осипъ Пр. А почему это, почтеннѣйшій Кирилъ Петровичь?

Кир. Петр. Потому-что я еще не рѣшился

Осипъ Пр. На это я вамъ скажу примѣръ изъ Англійской исторіи. Когда происходилъ процессъ королевы съ супругомъ.....

Кир. Петр. Знаю. Я читалъ его весь.

Осипъ Пр. Но этаго не знаете, потому-что я имѣю секретный актъ. Въ одно засѣданіе въ парламентѣ одинъ лордъ началъ...

Слишкомъ вдали крикъ Фенны Степановны. Ай, ай, помогите! ратуйте! Кто въ Бога вѣруетъ, спасите!

Всѣ бѣгутъ къ ней на помощь. Она, блѣдная, испуганная, едва можетъ итти и стонетъ.

Пазинька, бросаясь къ ней. Маминька, что съ вами!

Кир. Петр. тоже. Что съ тобою, моя Феннočка?

Фенна Ст. Охъ!... насилу жива!

Агр. Сем. Это истерика. Скорѣе Гофманскихъ капель, перья...... У насъ въ Петербургѣ этимъ въ истерикѣ помогаютъ.

Фенна Ст. Охъ!... какая къ чорту истерика! Я ея отъ-роду не знала... не знала, что то и за обмороки; хоть сей-часъ убейте, не знала; а тутъ пришлось-было совсѣмъ падать въ обморокъ... Охъ!

Кир. Пет. Да отъ чего же вы, маточка, должны были въ обморокъ падать?

Фенна Ст. Охъ, душечка, Кирилъ Петровичь! Вы непремѣнно должны вызвать капитана на поединокъ! непремѣнно!

Кир. Пет. Я?... на поединокъ?... За что это?

Фенна Ст. Чтобъ отомстить ему за мою и вашу честь.

Кир. Петр. За вашу честь? Такъ ли я васъ понимаю?

Фенна Ст. Такъ, душечка, такъ. Онъ обидѣлъ честь мою.

Кир. Петр. Какъ это?

Фенна Ст. Какъ обыкновенно обижаютъ честь. Видите, какъ это было: я пошла посмотрѣть утятъ, что на прудѣ, а тамъ такая густая тѣнь, что съ трудомъ можно разглядѣть. Вотъ я ничего не видѣла,

право не видѣла; хоть убейте меня сей-часъ, формально никого не видѣла, и наклонилась къ пруду, какъ вдругъ капитанъ.

Пазинька. Ахъ!..

Кир. Петр. Ну-те, капитанъ; и что же онъ?

Фенна Ст. Тутъ стоялъ подъ деревомъ и вдругъ схватилъ...

Кир. Петр. Съ большимъ нетерпѣніемъ. Ну-те, ну-те!..

Фенна Ст. Схватилъ меня за руку и началъ страстно цаловать; потомъ...

Кир. Пет. Потомъ?.. Ну-те ужъ дорѣзывайте!..

Фенна Ст. Охъ!.. языкъ не поворотится договаривать! Вообразите, душечка! началъ говорить мнѣ, тьфу! любовныя рѣчи, и началъ, да такъ сладко, склонять меня, чтобъ я съ нимъ... охъ!.. бѣжала!..

Кир. Пет. Вы же что̀ на его сладкія рѣчи?

Фенна Ст. Сами можете посудить, каково мнѣ было все это слушать! Благодарю Бога, сколько прожила, а во весь мой вѣкъ никто не объявлялъ мнѣ

любви! Никто, даже и Кирилъ Петровичь, законный мой супругъ! И никто, до сего часу, не привлекалъ меня къ невѣрности мужу, а тутъ такой молокососъ вздумалъ...

Кир. Пет., *серьёзно*. Что же вы сдѣлали, когда выслушали его любовныя рѣчи!

Фенна Ст. Въ первомъ жару, къ сожалѣнію, я начала кричать; а мнѣ бы слѣдовало отшлёпать его по щекамъ за такой развратъ. Когда же я закричала, такъ онъ вскочилъ и крикнулъ: «какъ я ошибся!» Этакой плутъ! Какъ видитъ, что не по немъ, такъ изворотилъ, что будто ошибся.

Агр. Сем. Онъ конечно бывалъ въ Петербургѣ. У насъ тамъ въ подобныхъ обстоятельствахъ всегда такъ изворачиваются.

Осип. Пр. Сравнивая теперешнее происшествіе съ Европейскою политикою, я нахожу, что подобная объективность вовсе не нова. Когда Англійскій министръ Питтъ, въ разсужденіи реставраціи, вздумалъ въ.... въ... вотъ не вспомню въ которомъ году! Тимоѳей Кондратьичь! перестаньте думать: въ которомъ это году было..?

Лопуцк. Что я вояжировалъ изъ Чернигова въ Воронежъ? Это было въ 1832 году.

Кир. Пет. Ну-те, Фенна Степановна, договорите свое. Когда онъ сказалъ, что ошибся, что потомъ?

Фенна Ст. Сказавши, да и бросился бѣжать и— вообразите! вмѣсто того, чтобы въ калитку, онъ прямо въ прудъ, такъ и шубавтнулся по этое время— *указавъ на грудь.* Я такъ и закричала!

Кир. Петр. Чего же вы, Фенна Степановна, закричали?

Фенна Ст. Испугалась, Кирилъ Петровичь.

Кир. Петр. Чего же вы, Фенна Степановна, испугались?

Фенна Ст. Какъ же не испугаться, видѣвши, что живой человѣкъ тонетъ?

Кир. Петр. Но этотъ человѣкъ испугалъ васъ и имѣлъ дурной умыселъ.

Фенна Ст. Все же по человѣчеству жаль, Кирилъ Петровичь!

Кир. Петр. То-то! Вы что-то человѣчеству дали волю надъ собою, а въ подобныхъ случаяхъ человѣчество играетъ большую ролю и погубляетъ насъ.

Фенна Ст. Съ чего вы вздумали, Кирилъ Петровичь, приписывать мнѣ такія качества, когда я себя не помнила.

Кир. Петр. И обыкновенно тутъ не помнятъ себя. Но можетъ быть, я еще допускаю и эту мысль, что онъ въ тѣни деревъ принялъ васъ за Пазиньку и убѣждалъ ее...

Фенна Ст. Образумьтесь, Кирилъ Петровичь! я вамъ не наудивляюсь, какъ вы такъ легко судите! Возможно ли, чтобъ онъ не распозналъ меня отъ дочери? Нѣтъ, это его злой умыселъ на общую нашу честь. На поединокъ, зовите его на поединокъ, только благоразумно поступите. Вызовите его, а сами подальше спрячьтесь, а на назначенномъ мѣстѣ посадите людей. Какъ онъ явится, такъ пусть они и проучатъ его.

Кир. Петр. Говорите вы, маточка, что хотите, а я сдѣлаю, что хочу. Обсудивши со всѣхъ сторонъ это происшествіе, я нахожу, что тутъ вышла ошибка. Чтобы пресѣчь всѣ безпокойства наши и отъ капитана отвязаться, я нахожу полезнымъ Пазиньку выдать за Тимоѳея Кондратьевича и сего же дня сдѣлать сговоръ. Какъ вы думаете, маточка, Фенна Степановна?

Фенна Ст. Это будетъ самое умное дѣло, и я обѣими руками согласна; только отвяжемся ли мы отъ капитана? Развѣ, для сохраненія моей и вашей чести, не просить ли высшаго начальства, чтобы его отъ насъ перевели, да куда подалѣе?

Кир. Петр. Охъ, маточка! Какія у васъ все мысли! Кончимъ же главное. Тимоѳей Кондратьичь, Пазинька, подойдите сюда!

Пазинька. Батинька и маминька! Сдѣлайте милость, не губите меня! Не отдавайте меня за Тимоѳея Кондратьича! Когда вамъ не угодно, я не пойду и за капитана. Отпустите меня въ монастырь...

Кир. Петр. Не бывать этому. Вздоръ! Честь моя требуетъ рѣшительной мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, не на дуель же мнѣ выходить! Да еще, какъ этотъ сорви-голова меня убьетъ, такъ что тогда! Отдать тебя другому, а онъ потомъ хоть волкомъ вой. *Беретъ дочь за руку.* Тимоѳей Кондратьичь, пожалуйте сюда.

Лопуцк. Какъ же это будетъ? Я еще не открывался въ любви?....

Кир. Петр. Послѣ свадьбы все откроете. *Беретъ и его за руку и соединяетъ.* Будьте женихъ и невѣста. Конецъ дѣлу, и капитанъ останется въ-дуракахъ. Вечеромъ сговоримъ формально.

Лопуцк. А это еще пока анекдотомъ?

Кир. Петр. Точно такъ. Теперь, любезные гости, прошу вечеромъ принять участіе въ семейной радости нашей. Сейчасъ зазываю всѣхъ сосѣдей, посылаю за музыкантами и даю пиръ на весь міръ.

Фенна Ст. Благодарю Создателя моего: дожила радости устроить счастіе моей единоутробной дочери!

Пазинька горько плачетъ. Маминька! еще прошу васъ!.....

Фенна Ст. Съ чего ты вздумала отпрашиваться, когда я уже всѣ блюда къ ужину придумала?

Лопуцк. Самое вѣрное средство противнымъ бракомъ истребить страстную любовь.

Эвжени, взявъ за руку Пазиньку. Чудная ты мнѣ: идешь за-мужъ и горюешь. Тогда свободнѣе можно... *Идутъ къ дому.*

Агр. Сем. Ахъ, какой вы на мнѣ вечеромъ увидите костюмъ! Зимой онъ только-что вышелъ. Пойду наряжаться. *Также уходитъ.*

Лопуцк. По праву жениха, я, кажется, долженъ находиться при невѣстѣ неотлучно. *Идетъ за дѣвицами.*

Осипъ Прокоп. Да, почтеннѣйшій Кирилъ Петровичь! ваши дѣйствія одобрили бы и въ Англійскомъ парламентѣ, гдѣ рѣдко что одобряютъ отъ различнаго со мною взгляда на Европейскую политику. Пойдемъ со мною по саду: я вамъ раскажу одно событіе...

Кир. Петр. Извините уже меня на сей разъ; мнѣ множество хлопотъ для приготовленій. Однимъ-одна дочь, такъ надобно не упустить ничего. *Скоро идетъ къ дому.*

Фенна Ст., поспѣшая за нимъ. Не оставляйте же меня, душечка! Того и смотрю, что капитанъ, увидѣвши меня одну, выскочитъ изъ-за кустовъ съ своею любовью. Тогда долго ли до бѣды? Пропаду съ душею и тѣломъ.....

Всѣ разошлись и каждый занялся особеннымъ дѣломъ. Кирилъ Петровичь писалъ пригласительныя письма къ сосѣдямъ, разсылалъ ихъ, посылалъ за музыкантами, приказывалъ готовить плошки для освѣщенія сада. Фенна Степановна съ Мотрею располагали ужиномъ, и уже Мотря, отпуская провизію кухарю, для такаго случая не обвѣшивала и не обмѣривала его; выдавала лучшіе приборы и во всѣ комнаты цѣлыя сальныя свѣчи; на восемь блюдецъ разложила варенья и все сахарнаго. Аграфена Семеновна наряжалась въ свой модный костюмъ. Лопуцковскій, у котораго для сговора была сшита полная пара еще

въ третьемъ году, о нарядѣ не безпокоился, но, во ожиданіи времени, лежалъ на диванѣ и мысленно избиралъ, куда бы ему, женясь, вояжировать. Осипъ Прокоповичь, придавъ своимъ манжетамъ видъ поважнѣе, пересматривалъ одинъ Московской журналъ и отыскивалъ въ немъ слова похитрѣе «субъективно и объективно,» чтобы блеснуть ими уже ввечеру. Эвжени вызвалась нарядить невѣсту отлично, и вотъ онѣ и заперлись особо...

А между-тѣмъ Иванъ Семеновичь, послѣ холодной ванны, напившись чаю, лежа на своей походной постелѣ, перекурилъ пропасть сигаръ и все еще не придумалъ средства, какъ бы ему увидѣться съ Пазинькою и что-нибудь придумать къ общему счастью... какъ вдругъ Шельменко вошелъ торопливо.

Ив. Сем. Что, Шельменко, что скажешь? Что?

Шельменко. Все благополучно, ваше благородіе!

Ив. Сем. Что слышно?

Шельменко. И слышно и видно все хорошее, ваше бл!....

Ив. Сем. Что же хорошаго?

Шельменко. Совсѣмъ дѣло кончено, в. б. Барышню совсѣмъ просватали и вечеромъ будутъ пить-гулять. Гостей—будучи—назвали до пропасти; птицы нарѣзали вотъ такую кучу; плошки наливаютъ освѣтить садъ; музыканты привезены; всѣ дворовые люди собираются завтра напиться мертвецки. Будучи—все дѣло кончено и все обстоитъ благополучно.

Иванъ Семеновичь вскочилъ безъ памяти, ударилъ себя въ лобъ и закричалъ: «все подвину, на все пойду!» Тотъ же часъ пригласилъ офицеровъ, расказалъ, въ чемъ дѣло, послалъ во всѣ мѣста съ препорученiями; все, что придумалъ, устроилъ, уладилъ, а самъ, одѣвшись въ полную форму, приказалъ коляскѣ стоять у калитки близъ саду и не дремать, и взявъ за собой Шельменка, пошелъ въ садъ Кирила Петровича.

Какъ ни спѣшилъ онъ съ своими распоряженiями, а когда подходилъ къ саду, то уже солнце зашло и начинало смеркать.

«Шельменко!» говорилъ идучи Иванъ Семеновичь:» «нѣтъ той награды, въ чемъ бы я тебѣ отказалъ, если ты сдѣлаешь для меня величайшую услугу. Какъ хочешь придумывай, чтобы Пазинька, теперь ли или хотя и поздо вечеромъ, вышла къ тѣмъ тремъ яблонямъ. Умудрись и вызови ее.

— Да для чего, ваше благородіе? Можно; для васъ все можно. Я — будучи — для васъ на смерть пойду и все сдѣлаю. — Такъ говорилъ Шельменко, а между-тѣмъ придумывалъ, какъ, услуживая капитану, себя выворотить изъ бѣды.—Не замедлю вызвать, говорилъ онъ, а вы себѣ—будучи—секретно и переговорите, о чемъ вамъ надобно.

Ив. Сем. Тутъ уже не до разговоровъ; лишь бы вышла, я пойду на послѣднюю крайность; схвачу ее и хотя бы безчувственную, положу въ коляску и ускачу. Товарищи мои все приготовили къ вѣнцу.

Шельменко. Ей-Богу, прекрасно выдумали, ваше благородіе! Чего этому Шпаку—будучи — въ зубы смотрѣть. Вотъ и Турокъ не даетъ намъ городовъ, штурмою возьмемъ. Такъ —будучи — и тутъ... ваше благородіе; ваше благородіе, осторожнѣе, что-то бѣлѣется...

Иванъ Семеновичь тоже замѣтилъ двухъ женщинъ, гуляющихъ въ саду; приказавъ Шельменку остаться и наблюдать за всѣмъ, началъ тихо подкрадываться къ нимъ....

Эти гуляющія были Пазинька и Эвжени. Приступая къ одѣванью для сговора, Пазинька хотѣла въ послѣдній разъ взглянуть на тѣ мѣста, гдѣ она вмѣстѣ съ нимъ гуляла, говорила, слушала его. Доб-

рая Эвжени согласилась; и онѣ, не бывъ никѣмъ замѣчены, вышли изъ дому, и занимаясь невинными разговорами (на прим. Эвжени совѣтовала Пазинькѣ непремѣнно бѣжать съ капитаномъ, или, выйдя за Тимоѳея Кондратьича, уже и вольнѣе любиться съ капитаномъ и т. под.), такъ разговаривая, пробирались къ извѣстному пруду, надѣясь, что Иванъ Семеновичь, и послѣ неудачи, будетъ тамъ дожидать Пазиньки. Вотъ, какъ онѣ идутъ и говорятъ, вдругъ является предъ ними Иванъ Семеновичь и вскрикиваетъ:

«Наконецъ, обожаемая Пазинька, имѣю неизъяснимое наслажденіе видѣть тебя, говорить съ тобою, цаловать твою ручку.... Но зачѣмъ ты отнимаешь ее?... Это вѣрно другъ твой, и ей, конечно, извѣстна взаимная наша любовь...

Пазинька. Я не могу уже быть вашею... оставьте меня, забудьте... и будьте счастливы!...

Эвжени, будто сама съ собою, но чтобъ слышали ее. Иль э тре боку агреабль; иль э жантиль.

Ив. Сем. Такъ это правда? И мнѣ остается только умереть!

Эвжени. Пуркуаже умирать? Изберите что къ вашему счастью и рѣшитесь.

Ив. Сем. Мнѣ не на что больше рѣшиться, какъ умолять тебя, прелестная Пазинька, сейже часъ ѣхать со мною. Въ ближней деревнѣ у меня все готово, и мы черезъ часъ возвратимся супругами...... Умоляю тебя, другъ мой, рѣшись!

Пазинька. Ахъ, не напоминайте мнѣ объ этомъ! Я ни за-что нерѣшусь.....!

Эвжени. Пуркуаже не рѣшиться? Пожалуста уйди! Это будетъ самое романическое приключеніе, надѣлаетъ много шуму. Не смотрите на нее, мосье ле капитанъ. Когда у васъ все готово, ведите ее къ коляскѣ, я провожу....

Ив. Сем. Въ горестномъ моемъ положеніи, я долженъ рѣшиться на эту крайность. Пойдемъ, обожаемая Пазинька! или я повлеку тебя!

Пазинька. Нѣтъ... нѣтъ... ни за-что!

Ив. Сем. Чрезъ нѣсколько минутъ мы будемъ навѣкъ разлучены. Ты будешь невѣстою другаго и услышишь о смерти моей...

Пазинька. Боже!..... что мнѣ дѣлать въ такой крайности! Я умру, если навлеку на себя гнѣвъ родителей.... Умру, если лишусь тебя!.... Но, если и уѣду, я погибла, когда насъ остановятъ.

Эвжени. Ничего не бойся, машеръ: никто не узнаетъ, и ты благополучно возвратишься. Ведите же мон жоли офисе!... Ахъ, какъ это интересно, что я участвовала въ этой интригѣ. Вся слава успѣха отнесется ко мнѣ. *Она ведетъ Пазиньку съ Иваномъ Семеновичемъ; та ломаетъ руки, плачетъ, противится имъ.* Ведите ее, мосье жоли офисье, съ вашимъ слугою, а я возвращусь домой, чтобъ не замѣтили нашего отсутствія. Прощай, машеръ Пазинька! желаю тебѣ теперь успѣха, а потомъ благополучія. *Цалуетъ ее.* Ахъ! она почти безъ чувствъ..... Мон шеръ офисье! закутайте ее во что-нибудь и ведите хотя противъ воли.

Иванъ Семеновичь, схвативъ у Шельменка шинель и свою фуражку, закутываетъ Пазиньку почти безчувственную.

Эвжени. Ахъ, какъ она интересна въ этомъ костюмѣ! Точно молодой юнкеръ. Кто ни встрѣтитъ васъ, и подозрѣвать не будетъ. Отправляйтесь же и возвращайтесь скорѣе; болѣе двухъ часовъ мнѣ нельзя скрываться. О ревоаръ!

Убѣгаетъ къ дому.

Иванъ Семеновичь, держа на рукахъ почти безчувственную Пазиньку, упрашиваетъ ее. Другъ мой!

умоляю тебя... приди въ себя... поспѣшимъ, время дорого!...

Пазинька. Я такъ слаба..... не могу кричать о помощи... умоляю тебя... возврати меня домой!....

Ив. Сем. Не возможно! Дѣло уже начато и возвращеніе будетъ гласно!... *Шельменко, ведя ее.* Начали, такъ — будучи — надобно оканчивать. Тутъ не долго; и не спохватитесь, какъ васъ и обвѣнчаютъ, а тамъ и не страшно ничего. Вы думаете, что и мнѣ васъ не жаль? Видите, я плачу, да веду васъ. Нужда велитъ. *Ведя ее, вдругъ остановился, и распознавъ, что Кирилъ Петровичь идетъ имъ на-встрѣчу, оставляетъ Пазиньку и мечется во всѣ стороны.*

Кир. Петр. въ большой задумчивости идетъ и размышляетъ. Терпѣнія не достаетъ, слыша безпрестанныя одобренія проклятымъ Карлистамъ! Что ему сдѣлали бѣдные Христиносы? Если бы не сговоръ дочери, то я, по своему холерическому темпераменту, сказалъ бы: кто врагъ Христиносамъ, врагъ и мнѣ! Чтобы избавиться отъ его несносныхъ разсужденій, вышелъ распорядить иллюминаціею, да вотъ, кажется, и рабочіе здѣсь. *Присматривается.* Кто здѣсь? Пахомъ, ты ли это? Что же не отвѣчаешь? Кто здѣсь? говори. *Схватываетъ Шельменка.*

Шельменко, крѣпко испугавшись. Да это... это не я.

Кир. Петр. А! это Шельменко! Съ кѣмъ ты здѣсь?

Шельменко, все труся. Да то тàкъ; то—будучи—никто. *Тихо капитану.* Не пускайте ея, ваше бл., я отбрешусь.

Кир. Петр., все присматриваясь. Какъ никто? Тамъ двое.... и мужчины.... Ахъ, не капитанъ ли здѣсь? Точно; что-то военное.

Шельм. изворачиваясь. Знаете, ваше благо—или бишь ваше высокоблагородіе, это-таки наши солдаты, пришли—будучи—звать меня на вечерницы, а я не хочу. Крикните на нихъ, чтобъ убирались изъ вашего саду. Видишь какіе! пришли въ чужой садъ.

Кир. Петр. Мнѣ болѣе что-то подозрительно. Не капитанъ ли это?

Шельм. смѣшавшись. Да какой капитанъ? Онъ—будучи—дома храпитъ.

Кир. Петр. А вотъ я все узнаю. *Схватываетъ Шельменка за грудь и трясетъ его.* Говори, бездѣльникъ! Или я тебя тутъ задушу.

Шельм. Ой, ой, ой, ой! Капитанъ, ей Богу капитанъ.

Ив. Сем. О предатель!

Кир. Петр. все душитъ его. Съ кѣмъ онъ это? Говори. *Душитъ его.*

Шельм. Ой, ой, ой! Съ кѣмъ? Съ барышнею... Только пустите!

Ив. Сем. Все кончилось!..... О злодѣй! *Оставляетъ Пазиньку и хочетъ подойти къ Кирилу Петровичу.*

Кир. Петр., пустивъ Шельменка, тихо говоритъ ему. Шельменко, другъ мой! Все прощу тебѣ, награжу. Помоги мнѣ схватить капитана; я бы и самъ бросился, такъ что-то боюсь, а люди далеко.

Шельменко освободясь оборачивается къ капитану и говоритъ ему. Не дѣлайте ничего, сей часъ кончу. *Кирилу Петровичу.* А на-что вамъ капитанъ? Знаете ли, что это за барышня?

Кир. Петр. Это моя Пазинька.

Шельм. Богъ съ вами и съ вашею Пазинькою! Она уже просватана, и намъ ее ни на что не надобно. А это—будучи—дочь того, что поссорился съ вами за гусей...

Кир. Петр. Дочь Тпрунькевича?

Шельм. Истинно она. Капитанъ, по моему совѣту, посваталъ ее — такъ отецъ не отдавалъ; такъ мы поворотясь и украли ее.

Кир. Петр. Молодцы! сполать! Зачѣмъ же ее сюда привели?

Шельм. Видите ли? безъ благословенія не хочетъ ѣхать къ вѣнцу. Ваше высокоблагородіе! осмѣлюсь просить: будьте ей какъ отецъ родной! Благословите ее на вѣнецъ съ капитаномъ.

Кир. Петр. Съ большимъ удовольствіемъ. Услужу же я теперь врагамъ своимъ и капитану и Тпрунькевичу. Парочка! Какова невѣста, таковъ и женихъ. А Тпрунькевичь пусть лопается отъ гнѣва. *Подходитъ къ Пазинькѣ, подъ деревомъ держимой капитаномъ и закутанной.* Гдѣ вы? Здѣсь такъ темно, что едва можно васъ замѣтить. Я знаю, сударыня, о вашемъ намѣреніи и поступкѣ, одобряю его, и вмѣсто отца благословляю васъ.

Ив. Сем. Не ужели вы согласны?

Кир. Петр. Согласенъ, и хвалю за вашу рѣшимость. Молодецъ! И въ доказательство моего удоволь-

ствія прошу васъ отъ вѣнца пріѣхать ко мнѣ. Я васъ поздравлю и отпущу.

Ив. Сем. Вашу руку, Кирилъ Петровичь, и честное слово, принять какъ сына и отпустить съ благословеніемъ!

Кир. Пет. Вотъ моя рука, честное слово и примирительный поцалуй. Все забыто между нами.

Шельм. Видите ли, ваше высокоблагородіе, какъ она васъ почитаетъ, проситъ вашу ручку поцаловать. Пожалуйте ей скорѣе — имъ нѣкогда.

Пазинька стала на колѣна, и отецъ благословилъ ее, .пожелавъ всѣхъ благъ и счастья, и требовалъ, чтобы отъ вѣнца она заѣхала къ нему отдохнуть. Замѣтивъ ее въ шинели и фуражкѣ, сказалъ: «вотъ это вы хорошо сдѣлали, что нарядили ее по-военному; никто и не узнаетъ.

Шельменко смѣясь. Хоть и родной отецъ увидитъ, такъ не узнаетъ.

Кир. Петр. Куда ему! Идите же скорѣе. Благополучнаго исполненія и счастья на всю жизнь!

Повторяя благодаренія, Иванъ Семеновичь увелъ Пазиньку, уговаривая ее быть покойнѣе, принявъ отъ отца благословеніе. Пазинька, не слыша изворота Шельменка, не понимала ничего и принимала все, какъ къ себѣ относящееся. Въ полной радости они уѣхали вѣнчаться въ назначенное мѣсто.

Шельменко хотѣлъ еще позабавиться надъ Кирпломъ Петровичемъ, ставшимъ настоящимъ щпакомъ, какъ Малороссіяне называютъ простаковъ; и для того, вытянувшись передъ нимъ, сказалъ:

Репортую вашему высокоблагородію: дочь у отца украли исправно.

Кир. Петр. То ужъ лихо смастерили, молодцы! Много-таки и я вамъ помогъ.

Шельмен. Какъ же? Безъ васъ и концовъ бы не евели.

Кир. Петр. Что-то отецъ? Скоро ли хватился дочери?

Шельмен. Какое хватился? Дочь уже умчали, а отецъ развѣсилъ — будучи — уши, и слушаетъ баляцтрасы, вотъ какъ и я раскязываю передъ вашимъ высокоблагородіемъ.

Кир. Петр. Экой! и не догадывается? *Хохочетъ.*

Шельм. Ничего не замѣчаетъ и хохочетъ.

Кир. Петр. Охъ, вы военные — лихой народъ! Признайся, не въ-первое тебѣ такъ проказить?

Шельм. Куда!... Разъ украли дѣвку, и не знаемъ, какъ ее уговорить, чтобъ ѣхала къ вѣнцу, какъ вдругъ намъ отецъ ея навстрѣчу. Мы его такъ провели, что онъ, не узнавъ дочери, самъ благословилъ и проводилъ ее.

Кирилъ Петровичь продолжалъ хохотать надъ простакомъ.

Когда подошли люди, онъ, распорядивъ иллюминаціею, пошелъ домой и расказалъ Феннѣ Степановнѣ, какъ онъ удачно отмстилъ Тпрунькевичу. Она, перебирая выпеченные марципаны, спокойно слушала о приключеніи въ саду; однако же обрадовалась, узнавъ, что капитанъ женится, и даже нашла время сказать: «теперь я безопасно могу по саду ходить.»

Въ домѣ къ празднованію сговора все было готово. Съ креселъ домашней работы и обитыхъ ситцемъ те-

мнаго, нелинючаго цвѣта, сняты холстинные чехлы; берестовые столики покрыты чистыми салфетками, и поставлены преузорочные двойные подсвѣчники съ сальными свѣчами, кои, бывъ зазжены, вмѣстѣ съ стоящими въ жестяныхъ стѣнныхъ подсвѣчникахъ, давали бы довольно свѣту; но какъ въ тѣхъ свѣчахъ свѣтильни были не умѣрены, то онѣ и нагорали очень скоро. Предусмотрительная Мотря позаботилась о исправленіи этаго недостатка: Дениску, мальчика лѣтъ 12-ти и дней десять какъ взятаго изъ деревни, она опредѣлила снимать со свѣчь почаще, давъ для сего довольно еще порядочные щипцы. Не успѣетъ мальчишка окончить сьемки, какъ уже и нагорѣли первоснятыя. Опять онъ отправляется въ экспедицію — и наконецъ, не умѣя ловко обращаться со щипцами, рѣшился дѣйствовать натурально: сниметъ со свѣчи пальцами и, положа въ щипцы, прижметъ плотно. Сдѣлавъ два-три обхода, устанетъ, присядетъ въ уголку, а присѣвъ тутъ же и заснетъ. Спалъ бы и долго, но колченогой Васькѣ приказано смотрѣть за нимъ; она прежде углемъ замараетъ ему рожу и потомъ растолкаетъ. Дениска, не зная ничего, ходитъ выпачканный по гостиной и покойно снимаетъ свѣчи къ утѣшенію дѣтей, привезенныхъ родителями на праздникъ.

Посреди гостиной на покрытомъ столѣ лежитъ образъ въ древнемъ окладѣ и ржаной хлѣбъ съ кускомъ соли на верху. При столѣ стоятъ два кресла и

передъ ними на полу посланъ старинный коверъ домашней работы, представляющій на узорѣ, какъ объясняетъ Кирилъ Петровичь, двухъ цалующихся голубковъ. На этомъ коврѣ будутъ сговариваемые кланяться въ-ноги отцу и матери, сидящимъ на креслахъ и держащимъ образъ и хлѣбъ. Въ дѣвичей посудницы разводятъ три самовара; другія перемываютъ чайныя чашки дюжины три. Тамъ снимаютъ сливки, кипятятъ ихъ, приготовляютъ къ чаю «кренгели», сухари, булочки.... Сама же Мотря не знаетъ, куда броситься: накладываетъ изюмъ, черносливъ, постилу, яблоки; отсыпаетъ орѣхи — и это все на десертъ до ужина; закуска же приготовлена прежде; а тутъ «кухарь» надоѣдаетъ требованіями.... Замучилась Мотря!

Фенна Степановна не надивляется, что ей, при такомъ важномъ случаѣ, «послѣдовавшемъ такъ нагло,» вовсе нѣтъ хлопотъ. Правда, Мотря у нея золотая женщина, ничего не просмотритъ; притомъ же, спасибо, подъѣхала «Ивгочка» (Эвжени тожъ), такъ она принарядитъ Пазиньку, какъ долгъ велитъ. Такъ отъ того-то Фенна Степановна, припрятавъ до случая марципаны, макароны и бишкокты домашнаго печенія, нарядясь въ свой распашной капотъ и убравъ голову чепчикомъ, на коемъ «такаго ради случая» положены розовыя ленты, сидитъ-себѣ ручки сложивши и занимается разсужденіемъ, какъ еще придется праздновать свадьбу Пазинькину.

Въ саду же плошки, разставленныя кучами и въ линію, безъ всякой симметріи и порядка, горятъ на-пропалую, къ удивленію всѣхъ деревенскихъ мальчишекъ, оставившихъ сонъ и сбѣжавшихся смотрѣть на невиданное ими доселѣ диво.

Гости съѣзжаются въ бричкахъ, колраскахъ, дрожкахъ и проч. и проч. Въ передней охорашиваются и съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ вступаютъ въ гостиную, гдѣ привѣтствуетъ ихъ Кирилъ Петровичь. Гостиная наполняется мущинами, дамами, барышнями, дѣтьми, изъ коихъ уже ходящія отправляются съ нянькaми въ спальню, а грудныя съ кормилицами во флигель. Никто никого изъ своего семейства не оставилъ дома, какъ потому, что письмомъ прошены всѣ «пожаловать всесемейно раздѣлить радость», такъ и потому, что не на кого дома оставить дѣтей: впрочемъ этотъ обычай ведется исконибѣ.

Девятѣ человѣкъ музыкантовъ, считая и бубенъ, расположились на крыльцѣ, по особому плану Кирила Петровича, играть маршъ при случаѣ. Въ буфетѣ еще не устроено. Буфетчикъ, изъ отпущенныхъ ему бутылокъ, укралъ бутылку вишневки, и какъ не куда было ее спрятать, такъ онъ поспѣшилъ ее выпить всю и отъ того опьянѣлъ. И такъ съ него снимаютъ буфетъ, а онъ еще споритъ, ничего не отдаетъ и шумитъ.

Осипъ Прокоповичь, приведя въ важный порядокъ свои манжеты, коимъ удивляются всѣ прибывшiе гости, безъ умолку трактуетъ о Европейской политикѣ, шпикуя разсужденiя свои и реставрацiею, и субъектомъ, и объектомъ, и наконецъ вновь схваченнымъ имъ въ журналѣ словомъ: популативность..... Почасту склоняетъ онъ рѣчь, чтобы напомнить о пребыванiи своемъ въ Петербургѣ.

Аграфена Семеновна, разрядясь до невѣроятности, прохаживается по гостиной и, разсматривая себя въ вставныя зеркала, сама себѣ не вѣритъ, что она могла такъ изящно нарядиться и, посматривая въ садъ, со вздохомъ говоритъ: «Ахъ, какъ эта иллюминацiя бѣдна въ-сравненiи съ тѣми, какiя бываютъ у насъ въ Петербургѣ! а особливо въ Петергофѣ! Какая разница!

«Это отъ того, сударыня, что плошки разставлены безъ всякой симпатiи», замѣтилъ полный счастья женихъ, Тимоѳей Кондратьичь Лопуцковскiй, блестя своею новою парою, сшитою въ третьемъ годѣ, и потомъ, какъ первое лицо изъ молодыхъ людей, онъ обратился съ любезничаньемъ къ барышнямъ, хваля матерiю, изъ которой сдѣлана легкая часть его туалета, и описывая доброту, указывалъ ширину ея, прибавивъ, что онъ купилъ ее въ Воронежѣ, когда вояжировалъ туда изъ Чернигова.

Фенна Степановна, не занимаясь пріѣзжими барынями, уже зѣвнула раза два и наконецъ приступила къ дѣлу, сказавъ громко:

«А что же? Пора послать звать невѣсту. Пора благословить.

Кир. Петр. Подождите, маточка, еще крошечку; вотъ скоро возвратятся обвѣнчавшіеся. На зло Тпруньковичу сдѣлаемъ при всѣхъ гласную штуку, и тогда примемся за свое дѣло.

Фенна Ст. Помилуйте меня, Кирилъ Петровичь! Я вамъ не наудивляюсь! Какъ вы, имѣя столько отличнаго ума, вѣчно дѣлаете ни то, ни сё! Съ чего вы это взяли чужую радость предпочитать своей? Какая намъ нужда до капитана? Хоть бы онъ женился на моей Стехѣ, булочницѣ, то для меня все равно. У насъ есть своя дочь.

Кир. Петр. О, для меня не все равно! Тутъ многое заключается. Капитанъ вздумалъ не въ свои сани садиться и сватался за нашу дочь, а получивъ отказъ, нанёсъ намъ тьму смертельныхъ обидъ; надобно было ему отмстить, женивъ на старой и — какъ слышно — злой дѣвкѣ и притомъ не богатой. Этимъ гордость его унижена, и я торжествую. Чрезъ этотъ же случай прекращаются наши непріятности, и мы опять заживемъ ладно. Онъ довольно хорошій

человѣкъ, только носъ подымаетъ высоко. А панъ Тпрунькевичь, тотъ не только поругалъ честь мою и всѣхъ Шпаковъ, но и разоряетъ меня своими процессами. Теперь не онъ, а я смѣяться надъ нимъ буду. Я торжественно скажу: я содѣйствовалъ въ похищеніи у него дочери, которою онъ хвалился, что отдастъ за богача. Пусть теперь трубитъ въ кулакъ съ бѣднымъ зятемъ! О! пошлю его поздравить съ прибавленіемъ семейства. Непремѣнно пошлю! Верхъ моего торжества. А знаете, Фенна Степановна (*примолвилъ онъ ей тихо*): это мы Пазю отдаемъ потому, что боялись капитана; теперь же, какъ онъ женился на другой, не отложить ли намъ сговора и не подождать ли лучшаго жениха? а? Какъ вы думаете?

Фенна Ст. Помилуйте вы меня, Кирилъ Петровичь! Что вамъ на умъ приходитъ? Свѣчи зазжены, гости съѣхалися, а они откладывай сговоръ и отказывай жениху. Да однихъ кормленыхъ гусей убито семь, кромѣ всего прочаго! Такъ это такъ и пустить на простой ужинъ? Боже сохрани! Да какаго вамъ лучшаго зятя искать? Посмотрите, какъ разрядился и не замолчитъ ни на минуту; видите, какъ барышни, отъ его расказовъ, краснѣютъ, да платочками рты закрываютъ, чтобъ громко не расхохотаться. Проказникъ, право! Подумайте, что вы затѣваете? По всему повѣту слава про насъ пойдетъ. А скажите на милость, что это Пазинька не выходитъ? Цѣлую дюжину платьевъ

можно бы уже надѣть, а она и съ однимъ не управится. Это странно!

Агр. Сем. Моя дочь ее убираетъ. Я дала совѣтъ, какъ въ такомъ случаѣ у насъ въ Петербургѣ дѣвица должна быть одѣта. А вы, г. женихъ, навѣдывались ли: скоро ли выйдетъ ваша невѣста?

Лопуцк. Я подслушивалъ у дверей и высматривалъ въ щелочку: Евгенія Осиповна изволятъ играть на фортепьяны и припѣваютъ довольно хорошо: «взвейся выше, понесися» — а предмета моего сердца не замѣтилъ.

Фенна Ст. въ размышленіи. Это пречудесно! Не понимаю! Ей Богу не понимаю; хоть сейчасъ убейте меня, не понимаю, за-чѣмъ онѣ не выходятъ?

Разговоръ пресѣкся. Всеобщее молчаніе водворилось. Осипъ Прокоповичь, чтобъ одушевить бесѣду, началъ.

«Обращаюсь къ прерванной нами, Кирилъ Петровичь, во время гулянья матеріи. Въ разсужденіи популативности въ Испаніи и реставраціи въ Европѣ, Донъ-Карлосъ сдѣлалъ большую ошибку. Ему слѣдовало еще въ прошломъ мѣсяцѣ...

Кир. Петр., прерывая его. Сдѣлайте милость, Осипъ Прокоповичь, не забѣгайте впередъ. Я вамъ сказывалъ, что я и прошлогоднихъ газетъ не дочиталъ; слѣдовательно не знаю, что теперь въ Европѣ и дѣлается; да къ тому же я теперь занятъ семейными дѣлами. Окончивъ это, я займуся дипломатикою и буду преслѣдовать несносныхъ Карлистовъ....

«Ѣдутъ, ѣдутъ, ѣдутъ!» раздались голоса со всѣхъ сторонъ.

Кирилъ Петровичь встрепенулся, забылъ всю Испанію и кричалъ громко: «музыканты, начинайте!» и маршъ загремѣлъ съ бубномъ, а онъ бросился къ женѣ: «берите, маточка, образъ, а я съ хлѣбомъ... Скорѣе выходите въ залу... Встрѣтимъ молодыхъ на срединѣ. И онъ почти притащилъ жену и сталъ съ нею рядомъ, принявъ на себя важный видъ...

Иванъ Сем., взглянувъ изъ двери. Кирилъ Петровичь! принимаете ли вы насъ по условію, какъ дѣтей своихъ?

Кир. Петр. Какъ милыхъ, дорогихъ дѣтей! Скорѣе къ сердцу нашему!

Дверь отворяется. Иванъ Семеновичь и Пазинька, въ фуражкѣ и шинели, вбѣгаютъ и бросаются къ ногамъ отца и матери, крича:

Батюшка! матушка! простите насъ, благословите!.. Кирилъ Петровичь, приготовился принять ихъ въ свои объятія; но съ Пазиньки спала шинель и фуражка: онъ узналъ дочь, остолбенѣлъ и едва выговорилъ.

«Что.... что это такое?

Фенна Ст. Ахъ, Мати Божія! Это же моя Пазинька!

Ив. Сем. Дѣти ваши уже неразрывные супруги! Умоляемъ васъ о прощеніи....

Фенна Ст. Что мнѣ на свѣтѣ дѣлать?....

Агр. Сем. У насъ въ Петербургѣ въ такомъ случаѣ падаютъ въ обморокъ. Упадите скорѣе: это будетъ интересно!

Фенна Ст. въ большомъ гнѣвѣ. Да ну-те къ чорту съ вашими обмороками! Я совсѣмъ одурѣла, голова кружится, свѣтъ темнѣетъ, себя не помню; а онѣ мнѣ обморока представляютъ!

Всѣ гости стоятъ въ большомъ удивленіи. Осипъ Прокоповичь приводитъ въ порядокъ свои манжеты. Лопуцковскій, раскрывъ табакерку нюхать табакъ, въ томъ положеніи и остался.

Кир. Петр. едва можетъ говотить отъ досады. Какъ это сдѣлалось?... Г. капитанъ! гдѣ вы взяли мою дочь?

Ив. Сем. Отъ васъ принялъ ее торжественно. Вспомните, вы не только одобрили мой поступокъ, вы насъ благословили и отпуская съ любовью, приказывали, скорѣе обвѣнчавшись, спѣшить въ ваши отцовскія объятія.

Фенна Ст. А что вы это, душечка, сдѣлали? Прекрасно.

Кир. Петр., еще больше смѣшавшійся. По... поми...луйте вы ме... меня! Я васъ благословилъ на женидьбу съ дочерью пана Тпрунькевича.....

Ив. Сем. Если бы я располагалъ на ней жениться, мнѣ бы не нужно было просить вашего благословенія. Но вы со всею нѣжностью насъ благословили, назвали меня сыномъ, обѣщали любить меня... *Становясь на колѣни.* Сдержите ваше честное слово, простите насъ, возвратите намъ любовь вашу, упросите и матушку....

Фенна Ст. Я не наудивляюсь вамъ, Кирилъ Петровичь! Вы человѣкъ съ такимъ умомъ обширнымъ, что я подобнаго вамъ въ десяти губерніяхъ не знаю. Истино не знаю; хоть сей-часъ убейте ме-

ня, не знаю! А вотъ въ двадцать лѣтъ супружеской жизни — теперь при всѣхъ скажу — вы не сказали ни однаго слова и не сдѣлали никакаго дѣла, чтобы оно было умное, все — тьфу! — глупости! Ну, съ вашимъ ли умомъ отпускать дочь на побѣгъ?

Кир. Петр. Что же? И умный человѣкъ можетъ сдѣлать ошибку. Это ошибка — ничего больше. Родной отецъ былъ посаженымъ отцомъ у своей дочери: странно! Что же намъ дѣлать?

«Простить насъ, благословить!» кричали дѣти.

— Простить, благословить! — повторяли гости, окруживъ родителей.

Тутъ выбѣжала Эвжени и, узнавъ о происшедшемъ, ходатайствовала также о прощенiи, и хвалилась, что она первая уговорила Пазиньку уѣхать «авекъ жоли офисье.»

Фенна Ст. Прекрасно же вы заплатили намъ за нашу хлѣбъ-соль и дружбу!

Агр. Сем. А какъ же, моя любезная! У насъ въ Петербургѣ въ такомъ случаѣ безъ помощи другихъ никогда не обходится.

Просьбы, убѣжденія возобновились. Самъ Лопупковскій сказалъ: «видно судьба пофлатировала г. капитану!»

«Какъ думаешь, маточка, Фенна Степановна?» спросилъ наконецъ Кирилъ Петровичь послѣ долгаго размышленія.

Фенна Ст. А чего мнѣ думать за вашимъ умомъ? Я свое знаю. Этакой ужинъ огромный — да выдать его за ничто, такъ на что будетъ похоже? Приходится простить.

«Простить, такъ простить!» вскричалъ Кирилъ Петровичь — и съ Фенной Степановной благословили дѣтей. Пошло веселье, и угощеніе полилось.

Фенна Степановна ни за что не согласилась, чтобы этотъ пиръ былъ свадебный. Въ оправданіе свое она говорила: «У меня не приготовлена еще постель и не искуплены платки для перевязки гостей на другой день. Чрезъ двѣ недѣли у меня будетъ все готово, и тогда прошу пожаловать на свадьбу къ моей Пазинькѣ, а теперь гуляйте какъ на сговорѣ.»

Дождались и свадьбы — и отпраздновали ее со всею пышностью и съ наблюденіемъ всѣхъ дѣдовскихъ обрядовъ.

Иванъ Семеновичь, скоро послѣ свадьбы, переведенъ въ Москву — и, взявъ съ собою Пазиньку, продержалъ ее полгода у родныхъ, а потомъ вывезъ въ свѣтъ. Чудо Малороссіяночка! Прелестна, мила, ловка, образована; только природное осталось въ выговорѣ: *покорно прошу, охотно рада, пожалуйте* и пр. Кирилъ Петровичь высылаетъ имъ исправно положенныя на прожитіе деньги—и они наслаждаются жизнью.

Кирилъ Петровичь читаетъ прошлогоднія газеты, все надѣясь на слѣдующей страницѣ прочесть истребленіе Карлистовъ и воцареніе Королевы. Зятя любитъ и хвалится, что этимъ бракомъ родъ его не униженъ. Онъ нашелъ въ копіяхъ изъ бумагъ, полученныхъ имъ изъ Черниговскаго архива, что первоначальный Шпакъ, усердіемъ своимъ къ ясневельможному пану-гетьману пріобрѣвшій сіе громкое прозваніе, имѣлъ двухъ сыновей. Старшій остался дома и размножилъ Шпаковъ; а меньшой пошелъ къ Русскимъ. «Обмоскалясь» родъ его перемѣнилъ прозваніе на Великороссійское и сталъ называться «Скворцовъ.» «И такъ изволите видѣть,» говорилъ онъ любопытствующимъ: «мы всѣ однаго происхожденія.» Процессъ съ паномъ Тпрунькевичемъ онъ ведетъ съ постояннымъ жаромъ. Съ товарищемъ же своимъ «по дипломатикѣ» Осипомъ Прокоповичемъ разсорился формально. Тотъ вздумалъ поздравить его съ успѣхомъ Христиносовъ и съ истребленіемъ Карлистовъ навсегда...» Зачѣмъ забѣгать впередъ? Я еще не начиналъ

газетъ сего года читать.» Хлопнулъ дверью и ушелъ. И съ тѣхъ поръ дипломаты наши уже не видятся.

Осипъ Прокоповичь, расправляя манжеты, углубляется въ Европейскую политику—и, сидя за своимъ бюро, растерялся надъ журналами, нагружая память свою иностранными словами, весьма слабо и смѣшно замѣняющими Русскія слова.

Фенна Степановна, продолжая съ Мотрею хозяйничать, не наудивляется Кирилу Петровичу, какъ онъ, человѣкъ съ такимъ умомъ, тратитъ столько денегъ на процессъ съ Тпрунькевичемъ и издерживаетъ на «этаго дормоѣда «Хвостика-Джмунтовскаго, которой ничего больше не дѣлаетъ, какъ пишетъ ябедническія просьбы.

Аграфена Семеновна не находитъ ни въ самомъ Пирятинѣ, ни въ окрестностяхъ его, ничего подобнаго съ Петербургомъ—и скучаетъ.

Эвжени все ожидаетъ, чтобы ее какой жоли офисье пригласилъ уѣхать и обвѣнчаться.

Тимоѳей Кондратьичь Лопуцковскій, отдохнувъ послѣ неудачнаго сватовства, опять вояжировалъ изъ Чернигова уже въ Коренную ярмарку, сдѣлалъ тамъ себѣ новую пару, и возвратясь часто выѣзжаетъ и чванится своимъ туалетомъ.

О Шельменкѣ, вскорѣ послѣ свадьбы, зашелъ разговоръ въ семействѣ Шпака. Когда всякій высказалъ его услугу, то и открылось, что онъ дѣйствовалъ какъ Шельменко; а какъ послѣдовали отъ него и новыя проказы, то Иванъ Семеновичь и отправилъ его въ полкъ, разжаловавъ изъ капитанскихъ денщиковъ въ рядовые. Онъ и теперь еще не принаровится въ-мѣру повернуться. Либо не довернется, либо переверне́тся.

Основьяненко.

ПРОКОПІЙ ЛЯПУНОВЪ *,

ИЛИ

ВРЕМЕНА МЕЖДУЦАРСТВІЯ.

(Ч. II. Гл. V.)

Происшествіе въ Архангельскомъ Соборѣ, о которомъ всѣ толковали въ Москвѣ и за Москвою, долго неизвѣстно было Царю. Самъ патріархъ остерегался его безполезно этимъ встревожить, не зная, что

* Авторъ романа, подъ названіемъ: Князь Михаилъ Скопинъ Шуйскій, продолжаетъ описывать эпоху, столь любопытную въ нашей исторіи и столь занимательно уже представленную имъ въ первомъ сочиненіи. Въ т. VI Современника, на 178—202 стран., напечатанъ былъ отрывокъ изъ Прокопія Ляпунова (Ч. I, глава IV), новаго романа *О. П. Ш--ой.* Мы получили позволеніе украсить свой журналъ другимъ изъ него отрывкомъ (Ч. II, Глава V), который здѣсь помѣщаемъ съ истиннымъ удовольствіемъ. Въ доказательство, какъ высоко цѣнится это произведеніе нашей соотечественницы, приводимъ отзывъ о немъ Англійскаго журнала (Foreign Quarterty-Review), по всеобщему мнѣнію самаго строгаго и безпристрастнаго —

помыслить о чудномъ событіи, въ справедливости котораго клялись очевидные свидѣтели. Случайно узнавъ наконецъ, что, въ день погребенія его дочери, протопопъ, служившій обѣдню въ Архангельскомъ Соборѣ, и бывшіе съ нимъ причетники, слышали громкій плачь и чтеніе заупокойныхъ молитвъ, но не подозрѣвая, что оно по общему мнѣнію предвѣщаетъ ему самому жестокія горести, Василій Ивановичь рѣшился, послѣ вечерни, когда не бываетъ богомольцевъ, посѣтить Соборъ, гдѣ были погребены его пред-

отзывъ, произнесенный редакторомъ по прочтеніи имъ въ Современникѣ перваго отрывка изъ Ляпунова. Изложивъ свои мысли о другихъ пьесахъ журнала, Англійскій критикъ говоритъ:

»We should therefore unquestionably decide in preference for the historical romance from which a specimen of considerable length is introduced in the Sovremennik. Jts title is: *«Prokopius Liapunow* or *Thetimes of the Jnterregnum»* and its author is a lady who has previously appeared before the public as a novelist in her *Kniaz Skopin-Shuisky,* to which this new romance is intended as a sequel. Not having seen the former work, we can judge of her talent only by the portion here introduced; but if we may estimate the whole from this detached fragment, we should not

«Слѣдовательно мы должны отдать неоспоримое преимущество историческому роману, изъ котораго довольно пространный отрывокъ помѣщенъ въ Современникѣ. Онъ называется: *Прокопій Ляпуновъ,* или *Времена междуцарствія,* и написанъ дамою, уже извѣстною публикѣ въ лицѣ автора *Князя Скопина-Шуйскаго,* которому новый романъ служитъ продолженіемъ. Не зная перваго произведенія сей писательницы, мы можемъ судить о талантѣ ея только по отрывку, помѣщаемому здѣсь; но если можно по этой частицѣ произнести приговоръ всему сочи

шественники, какъ будто ожидая, что ему будетъ тамъ таинственное откровеніе о будущей его участи, и чѣмъ онъ можетъ предупредить бѣдствія, со всѣхъ сторонъ грозящія Россіи, Ему давно были не нужны, даже были въ тягость лицемѣрныя услуги его приближенныхъ, и онъ рѣшился взять съ собою только свояка своего, князя Воротынскаго, на преданность котораго онъ совершенно полагался. Воротынскій перемѣнился въ лицѣ.

scruple to say, that it possesses strong interest, and exhibits much dramatic power. The most prominent character in the scenes selected, is the Princess Catherina Grigoriewna Skopin-Shuisky, who resemling Lady Macbeth, in order to have the way for her husband to the throne, has removed Prince Michael by poison The better to elude suspicion she pays a formal visit of condolence to the prince's mother aud widow the latter of whom has become deranged in consequence of her husband's death. Should the story be well conducted to the end, it can hardly fait to prove one of the most successful works of the kind, to which Russia has yet given birth (Foreign Quarterly-Review. N XLI. April, 1838).»

нѣнію, мы рѣшительно скажемъ, что оно исполнено величайшаго интереса и сильнаго драматическаго дѣйствія. Отличительное лицо въ избранной здѣсь сценѣ есть — княгиня Екатерина Григорьевна Скопина-Шуйская. Подобно леди Макбетъ, она, чтобъ открыть мужу дорогу къ престолу, отравляетъ ядомъ князя Михаила. Для избѣжанія подозрѣній, она пріѣзжаетъ къ матери и вдовѣ князя изъявить участіе свое въ горести ихъ, изъ которыхъ послѣдняя помѣшалась, узнавъ о смерти мужа. Если романъ хорошо выдержанъ до конца, то онъ можетъ назваться однимъ изъ лучшихъ твореній, какія до-сихъ-поръ произвела Россія въ этомъ родѣ.»

Издатель.

«Что это, Государь, вскричалъ онъ! Съ чего пришла тебѣ охота итти къ покойникамъ, когда всѣ попы и дьяки разбредутся домой? Воля твоя, ты только безъ всякаго проку изнуришь себя; а тебѣ надо беречь свои силы; день ото дня хуже идутъ дѣла: Богъ вѣсть, что ждетъ насъ завтра.»

Слова эти, особенно же голосъ, которымъ были они произнесены, поразили Василія Ивановича; онъ не могъ вообразить, чтобы своякъ его былъ въ числѣ предателей; но подумалъ, что и ему надоѣло дѣлить его скорби. Онъ пристально посмотрѣлъ на Воротынскаго; послѣдній невольно потупилъ голову: когда не было съ нимъ Захарія, онъ не имѣлъ довольно дерзости, чтобы явно грубить Государю.

«Такъ и быть, Иванъ Михайловичь, сказалъ Василій, стараясь скрыть новую печаль, уязвившую сердце его: хотя тебѣ и нелюбо безъ службы итти со мною молиться во храмъ Архангела Михаила, я не отмѣню моего намѣренія; не тужи обо мнѣ, мнѣ нестрашно будетъ ходить между могилами: авось сердцу моему будетъ легче, какъ я постою надъ ними, посмотрю, какъ спятъ въ нихъ сномъ непробуднымъ прежніе владыки Русскіе, не боясь измѣны и неблагодарности, не тревожась о судьбѣ земли своей. Я попрошу Господа Бога, чтобы Онъ умилосердился и надо мною, закрылъ бы мнѣ глаза навѣки прежде, нежели совершатся замыслы крамольниковъ и

Русь православная станетъ удѣломъ Жигимонта Польскаго, областью Папы Римскаго.

Заботясь только о самомъ себѣ, о сохраненіи жизни своей и своего богатства, столь же ему драгоцѣннаго, какъ и жизнь, и несравненно драгоцѣннѣйшаго совѣсти и чести, Воротынскій, равнодушно выслушавъ слова эти, ничего на нихъ не отвѣчалъ. Оскорбленный его невниманіемъ, Государь выслалъ его изъ своей рабочей комнаты, приказавъ, чтобы онъ дождался его въ пріемной. Очень этимъ довольный, Воротынскій поспѣшилъ отыскать провожавшаго его во дворецъ знакомца, и поручилъ ему, какъ можно скорѣе, съѣздить домой, сказать ожидающему его гостю, что онъ не можетъ воротиться въ назначенное время, что совсѣмъ неожиданно Царь пригласилъ его съ собою въ Архангельскій Соборъ, чтобы онъ или дождался его, или побывалъ попозже, часа черезъ два.

Князь Воротынскій жилъ въ Кремлѣ, и черезъ пять минутъ усердный знакомецъ передалъ его порученіе высокому мущинѣ, лѣтъ сорока пяти, котораго нашелъ онъ въ верхней свѣтлицѣ княжеской, куда и самъ былъ очень рѣдко допускаемъ. Гость сидѣлъ въ темномъ углу; но едва молодой человѣкъ проговорилъ, что Царю вдругъ вздумалось, безъ свидѣтелей, помолиться надъ прахомъ его предшественниковъ, посѣтитель вскочилъ съ мѣста; глаза его засверкали, на губахъ мелькнула странная, неизъя-

снимая усмѣшка. Молодой человѣкъ невольно содрогнулся, съ трудомъ вѣря самому себѣ, что передъ нимъ въ свѣтлицѣ Царскаго свояка дерзкій, жестокій врагъ Царя, Захарій Ляпуновъ.

«Хорошо, хорошо, вскричалъ Захарій, слышу, понимаю: князь Иванъ Михайловичь и самъ не знаетъ, скоро ли воротится; какъ быть, не своя воля, и не радъ да готовъ. Авось подъ-вечеръ удастся намъ побесѣдовать, теперь не могу ждать его милость, своихъ дѣлъ пропасть. Прощай, поклонись отъ меня низко боярину, только опричь его никому не говори, что ты меня видѣлъ въ его свѣтлицѣ, что я посулилъ опять притти.

Слова эти пролетѣли мимо ушей юноши какъ бурный вѣтръ, отъ котораго бьется сердце и темнѣетъ въ глазахъ; онъ ихъ не разслушалъ; онъ слышалъ только голосъ почти не человѣческій, выражавшій что-то таинственное, что-то страшное. Ляпуновъ исчезъ изъ комнаты, дверь хлопнула и затворилась, собаки залаяли и умолкли, а молодой знакомецъ стоялъ недвижимъ, какъ будто ожидая, что Захарій еще что-нибудь ему скажетъ, какъ будто надѣясь угадать, зачѣмъ онъ приходилъ къ князю Воротынскому, зачѣмъ опять хочетъ притти, что могло сблизить двухъ человѣкъ, которыхъ чувства, желанія, польза всѣмъ казались совершенно различными; которые могли подружиться только для какой-нибудь вредной

цѣли, съ какимъ-нибудь злымъ намѣреніемъ. Честному юношѣ не могло притти въ голову, что покровитель его измѣняетъ Государю; но онъ съ сожалѣніемъ подумалъ, что, овладѣвъ его довѣренностью, Захарій непремѣнно его жестоко обманетъ. Пораженный этимъ свиданьемъ, онъ совершенно забылъ, что ему нужно скорѣе возвратиться во дворецъ, гдѣ князь Воротынскій ждалъ его съ нетерпѣніемъ, тревожась о его продолжительномъ отсутствіи, съ ужасомъ воображая, что всѣ замыслы его открылись. Слѣдуя за Царемъ въ Соборъ, князь озирался по всѣмъ сторонамъ, надѣясь увидѣть своего знакомца, и вмѣсто его увидѣлъ между нищими человѣка необычайнаго роста, который, продравшись сквозь толпу, дернулъ его за рукавъ. Онъ узналъ Захарія, и изумленный его смѣлостью, готовъ былъ его оттолкнуть какъ наглаго бродягу, но Захарій шепнулъ ему, что онъ долженъ непремѣнно вытти на улицу съ нимъ поговорить, и онъ по обыкновенію, невольно ему повинуясь, обѣщалъ исполнить его требованіе.

Василій Ивановичь нерѣдко посѣщалъ Архангельскій Соборъ, особенно же послѣ смерти князя Михаила; но услышавъ о таинственномъ въ немъ происшествіи, онъ вошелъ въ него съ особеннымъ, еще неиспытаннымъ чувствомъ. Онъ не сомнѣвался въ дѣйствительности всего, что тамъ происходило, и ему сладко было думать, что, во время похоронъ его до-

чери, безплотныя силы сострадали о его тяжкой потерѣ, что, можетъ быть, и вторично обнаружатъ онѣ свое участіе въ его горестяхъ. Низко поклонившись, ключарь затворилъ за Царемъ дверь, самъ оставшись на крыльцѣ. Одинъ князь Воротынскій вошелъ съ Государемъ въ Соборъ, но и то не надолго. Измученный догадками, почему знакомецъ его такъ долго не возвращался, зачѣмъ такъ неожиданно явился Захарій, что хотѣлъ онъ объявить, князь рѣшился, во чтобы ни стало, тотчасъ все это узнать, и, осторожно отворивъ дверь, вышелъ на улицу, вовсе не заботясь, что оставляетъ удрученнаго бѣдствіями, вѣнчаннаго старца, однаго въ пустомъ храмѣ, между гробами. Василій Ивановичь не замѣтилъ его отсутствія. Простершись передъ ракою Церевича Димитрія, онъ умолялъ святаго младенца простить ему, что онъ нѣкогда, угождая могущественному Годунову, страшась его мщенія, ожидая отъ него наградъ, объявилъ торжественно, что Царевичь Димитрій, самъ, по несмотрѣнію его окружающихъ, лишилъ себя жизни — и своимъ несправедливымъ розыскомъ осудилъ несчастную мать на вѣчное заключеніе, Углицкихъ гражданъ на жестокія казни.

«О, я самъ виною всѣхъ моихъ бѣдствій,» думалъ Василій Ивановичь, прижимая къ губамъ своимъ потемнѣвшую руку мученика, въ которой еще былъ зажатъ мѣшечикъ съ орѣхами, бывшій у него въ ту минуту, когда схватили его убійцы на крыль-

цѣ, куда вывела его злодѣйка мама его. «Я самъ показалъ примѣръ, какъ можно ругаться клятвою, самъ разучилъ народъ благоговѣть къ особамъ Царскимъ и оберегать ихъ отъ злодѣевъ, самъ погубилъ защитниковъ невинности и правды.» И эти размышленія, тѣснясь въ умѣ его, какъ острыя иглы кололи его сердце, и ему казалось, что никакія печали не могутъ загладить его проступка, что за него умретъ онъ бездѣтенъ, что за него князь Михаилъ скончался во цвѣтѣ лѣтъ, чтобы не достался престолъ князю Шуйскому, чтобы имя это навсегда исчезло среди бурь и страданій отечества.

Между-тѣмъ какъ предъ нетлѣнными останками царственнаго младенца Василій Ивановичь усердно, но безотрадно молился, изъ-за гробницы Великаго Князя Юрія Димитріевича, погребеннаго вмѣстѣ съ его сыновьями, Василіемъ Косымъ и Димитріемъ Краснымъ, кто-то, медленно поднимаясь, оперся на нее головою, и большіе, выкатившіеся глаза, которыхъ цвѣту невозможно было опредѣлить, устремились на Царя. Можно было подумать, что одинъ изъ умершихъ давно Князей, много страдавъ въ жизни, возсталъ посмотрѣть на страдающаго своего преемника, надѣясь этимъ заглушить еще незаглушенныя въ могилѣ, еще тяжкія воспоминанія о превратностяхъ судьбы своей. Но его нельзя было почесть Великимъ Княземъ Юріемъ, по его молодости, ни Димитріемъ Краснымъ, у котораго лице не могло быть

такъ обезображено скорбію, ниже Василіемъ Косымъ, лишеннымъ зрѣнія. Глаза тайнаго свидѣтеля богомолія Василія Ивановича сверкали какъ у тигра, увидѣвшаго добычу, которую онъ давно сторожилъ, терзаемый голодомъ.

Ни мать, ни сестры не угадали бы, что этотъ свидѣтель — Илья Долматовъ, который не задолго передъ тѣмъ слылъ красавцомъ, который недавно дѣйствительно былъ пригожъ, любезенъ, веселъ. Читателямъ извѣстно, какъ люди, незнакомые съ нуждою, пренебрегавшіе чужою горестью, растерзали его душу, заставили его сомнѣваться въ святости присяги, въ истинѣ и пользѣ добродѣтели. Не добровольно, не ради измѣны, бросился онъ въ объятія Захарія Ляпунова: его къ этому принудили, онъ не нашелъ другаго убѣжища. Одинъ Захарій приласкалъ его въ глубокой горести, Захарій обеспечилъ жизнь матери его и сестеръ. Илья не могъ читать въ душѣ его, не могъ угадать его намѣреній, но чувствовалъ его благодѣянія—и не сомнѣвался въ искренности своего благодѣтеля, въ горячей любви его къ отечеству, въ его проницательности и безкорыстіи. Увѣривъ князя Василія Голицына, что онъ будетъ избранъ Царемъ, Захарій съ равнымъ успѣхомъ склонилъ и другихъ близкихъ къ Царю людей быть его сообщниками. Князь Воротынскій надѣялся, что ему за это достанутся лучшія помѣстья Царскія; прочіе дѣлили въ умѣ Царскія сокровища: они вовсе не воображали,

что Захарій избралъ ихъ своими сотрудниками только въ надеждѣ, что братъ его Прокопій воспользуется ихъ безуміемъ. Не смотря на большое различіе въ лѣтахъ, братья Ляпуновы, равно умные, смѣлые, непокорные, были тѣсно дружны между собою. Прокопій почиталъ старшаго брата лучшимъ своимъ другомъ и совѣтникомъ, хотя и не всегда слѣдовалъ его совѣтамъ, будучи несравненно его великодушнѣе; высоко цѣня дарованія Прокопія, Захарій любилъ его какъ сына, или еще гораздо болѣе. Онъ ненавидѣлъ Царя, считая себя лично имъ оскорбленнымъ, но старался низвергнуть его съ престола не столько для удовлетворенія вражды своей, сколько для безопасности брата и чтобы ему доставить средства оказать важныя услуги отечеству, не сомнѣваясь, что онъ, подобно князю Михаилу, скоро пріобрѣтетъ общую любовь. Онъ готовъ былъ всѣмъ этому пожертвовать— и, казалось, все обѣщало ему желаемый успѣхъ; но были минуты, въ которыя онъ невольно страшился, чтобы какое-нибудь непредвидѣнное происшествіе не уничтожило его замысловъ, и онъ наглыми клеветами старался это предупредить. Вдругъ заговорили * въ Москвѣ, что по повелѣнію Царя утоплены двѣ тысячи дворянъ разнаго возраста и пола. Никто не былъ этому свидѣтелемъ, никто не могъ назвать ни одной жертвы; но всѣ вѣрили безчеловѣчію Царя, и не слушали самаго патріарха, усердно старавшагося

* Взято изъ Исторіи.

опровергнуть нелѣпую молву. Она особенно поразила Илью Долматова. Съ перваго слова князя Засѣкина, который, не подозрѣвая, что самъ Захарій выдумалъ эту сказку, съ ужасомъ пришелъ его увѣдомить о мнимомъ истребленіи дворянъ. Илья помертвѣлъ, вообразивъ, что, можетъ быть, мать и сестры его погибли вмѣстѣ съ прочими. Угадавъ мысль его, Захарій съ притворною горестью прижалъ его къ своей груди. Юноша увѣрился въ страшномъ подозрѣніи — и послѣдняя искра почтенія къ Царю исчезла въ его сердцѣ; имъ овладѣла жажда мщенія, жажда крови; онъ сдѣлался безсмысленнымъ орудіемъ Захарія; онъ обнадежилъ его, что выполнитъ самыя тайныя его желанія.

Не совсѣмъ еще забывъ Бога, проникнутый чувствительностію, которой не было въ сердцахъ его сообщниковъ, Прокопій Ляпуновъ требовалъ, чтобы они старались убѣдить Василія Ивановича добровольно отказаться отъ престола, и во всякомъ случаѣ хранили бы жизнь его. Они на это согласились, расчитавъ, что тѣмъ пріобрѣтутъ залогъ признательности новаго Царя. Но Захарій, не видя нужды въ такомъ залогѣ, не могъ забыть ни на одну минуту, что нѣкогда, лишенный зрѣнія, поклявшись, что онъ охотно уступаетъ престолъ, Великій Князь Василій Васильевичь снова овладѣлъ имъ — и враги его были тяжко наказаны за свою измѣну. Онъ твердо рѣшился ничего не щадить, чтобы избавиться отъ по-

подобной опасности, но онъ не могъ взяться за это самъ; онъ не боялся ни своей совѣсти, ни людей, ниже Бога, но онъ боялся оскорбить Прокопія: онъ ни за что въ мірѣ не хотѣлъ явно нарушить слова, даннаго меньшему брату — заслужить, чтобы онъ укорилъ его въ обманѣ, оттолкнулъ его какъ убійцу. Узнавъ, что Царь намѣренъ провести нѣсколько времени въ Архангельскомъ Соборѣ одинъ съ княземъ Воротынскимъ, Захарій затрепеталъ отъ радости, вообразивъ, что настала минута исполнить то, о чемъ онъ безпрестанно задумывался днемъ, отъ чего просыпался ночью. Онъ во весь опоръ поскакалъ домой, гдѣ его ждалъ Илья Долматовъ. Волнуемый надеждою преодолѣть всѣ препятствія и уничтожить всѣ сомнѣнія, онъ однако не обнаружилъ чувствъ своихъ, не допустилъ Илью подумать, что онъ поручаетъ ему то, что самъ страшился исполнить. Онъ просто, какъ новость, сказалъ ему, что Царь хочетъ послѣ вечерни запереться въ Архангельскомъ Соборѣ, что ему кажется это очень чудно, что всѣ дивятся и тому, какъ онъ не боится во время службы подходить къ ракѣ Царевича Димитрія, котораго родственники и защитники были жертвами его коварнаго раболѣпства, чье имя послужило по-этому предлогомъ разорять и безславить Россію.

«Видно его за-живое взяло, видно совѣсть крѣпко вопіетъ въ немъ. Самъ не знаетъ, куда бѣжать, радъ укрыться хотя въ могилѣ,» продолжалъ Ляпуновъ, «или хочется ему тайкомъ побесѣдовать съ Ца-

ремъ Иваномъ Васильевичемъ: они теперь побратались, оба стали по колѣна въ крови; легко сказать — одной нашей братьи дворянъ Василій Ивановичь утопилъ двѣ тысячи человѣкъ; того и смотри, что придетъ и наша череда незванымъ итти къ русалкамъ въ-гости.

Сказавъ это, безстыдный крамольникъ взглянулъ на Илью, съ жадностью ловившаго всѣ слова его — и взглядъ его довершилъ обаяніе несчастнаго, у котораго въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль безпрестанно кипѣла кровь и разсудокъ жестоко волновался. Чрезъ полчаса Долматовъ лежалъ въ Архангельскомъ Соборѣ, притаившись за гробницею Великаго Князя Юрія Димитріевича, откуда видна была лампада, горящая передъ иконою Святителя Николая, въ мрачномъ отдаленіи, гдѣ погребенъ Царь Іоаннъ Васильевичь съ двумя его сыновьями, кроткимъ Царемъ Ѳеодоромъ и Іоанномъ, бывшимъ жертвою благородныхъ чувствъ своихъ и отцовской злобы.

Захарій не сказалъ Ильѣ, что князь Воротынскій будетъ въ Соборѣ съ Государемъ, надѣясь его оттуда вызвать; онъ придумалъ и средство послѣ свиданія съ княжескимъ знакомцомъ — и когда Илья, имъ настроенный и вдохновенный, отправился на злодѣйскій подвигъ, онъ, не теряя времени, какъ сказано выше, постарался лишить Государя и сомнительной защиты криводушнаго его свояка.

Святость мѣста, плачевныя воспоминанія не поколебали преступнаго намѣренія Ильи Долматова. Завлеченный адскимъ лукавствомъ, онъ не помнилъ, что онъ Христіанинъ, чего отъ него требуетъ Вѣра православная; онъ даже не понималъ, что онъ готовъ сдѣлаться клятвопреступникомъ, убійцею. Онъ помнилъ только муки, имъ испытанныя, и все, что было ему натвержено о неправосудіи и лютости Царя — и съ дикимъ восторгомъ стремился отмстить за себя, за всѣхъ, которые подобно ему обременены нуждою и горестями, не воображая, что и предстоящій ему Государь также жертва коварныхъ, жадныхъ, неразумныхъ Бояръ, пренебрегавшихъ благомъ общимъ, не заботившихся о слѣдствіяхъ своихъ поступковъ.

Еще разъ поклонившись святымъ останкамъ юнаго мученика, Василій Ивановичь хотѣлъ итти въ придѣлъ Іоанна Крестителя, гдѣ погребенъ былъ князь Михаилъ, и вдругъ увидѣлъ передъ собою, съ ножемъ въ рукахъ, блѣднаго, иступленнаго, страшнаго жильца своего. Онъ не узналъ его, и не возможно было его узнать, но равнымъ образомъ нельзя было и усомниться въ его намѣреніи. Василій окинулъ глазами церковь, и увидѣлъ себя однаго, безоружнаго, передъ убійцею молодымъ, сильнымъ, остервенѣлымъ. Онъ давно считалъ жизнь свою ненадежною; воспоминая плачевную судьбу юнаго Царя Өеодора Борисовича, и какъ погибъ Отрепьевъ среди веселья и пировъ, онъ часто размышлялъ, что ни молодость,

ни смѣлость, ниже невинность и добродѣтель, безъ особенной милости Божіей, не могутъ защитить отъ внезапной смерти, и бодро старался на все быть готовымъ. Мысль, что онъ преданъ тѣмъ, кого называлъ братомъ, тронула его болѣе опасности, ему грозящей; но онъ бросилъ выразительный взоръ на гробницу Димитрія, и поручивъ душу свою Провидѣнію, неустрашимо остановился противъ врага своего, не ожидая ни пощады отъ него, ни помощи отъ кого другаго. Онъ былъ старъ, малъ ростомъ, почти безобразенъ лицемъ; но твердость души и святость его сана озарили черты его неземнымъ величіемъ.

По судорожному трепету бѣлыхъ губъ преступника, по взорамъ его, не столько яростнымъ, какъ отчаяннымъ, примѣтно было, что не природная свирѣпость, не обманутое честолюбіе и не алчность къ деньгамъ вооружили руку Ильи, а безжалостное притѣсненіе и глубокая рана сердечная заставили его забыть священныя обязанности. Онъ смутился передъ Царемъ и уже мыслилъ удалиться, но вдругъ какой-то протяжный, жалобный стонъ возвратилъ ему прежнее бѣшенство. Онъ вообразилъ, что слышитъ вопли умирающей матери и сестръ своихъ, что ихъ толкаютъ по̀ приказанію Царя въ рѣку, можетъ быть, съ камнями на шеѣ, и внѣ себя занесъ руку: на широкомъ лезвеѣ ножа его отразился свѣтъ горѣвшей предъ мощами лампады.

Остановись, безумный, вскричалъ до глубины души проникающій голосъ, и какъ-будто какая тѣнь неслышными шагами пронеслась по церкви и стала между Царемъ и убійцею.

У Долматова онѣмѣла рука, ножъ изъ нея выпалъ и, ударившись о каменный полъ, глухо зазвѣнѣлъ. Не возможно описать этой минуты, этихъ лицъ, всей этой картины. Въ древнемъ храмѣ, среди гробницъ, предъ открытыми мощами Царевича Димитрія, убитаго въ младенчествѣ, чтобы овладѣть его наслѣдіемъ, едва не совершилось убійство, еще ужаснѣйшее, за тоже самое наслѣдіе, неожиданно, но законно доставшееся Василію Іоанновичу; кровь вѣнчаннаго старца едва не обагрила священныхъ останковъ царственнаго мученика. Видя ножъ у своей груди, обданный пламеннымъ дыханіемъ убійцы, Государь не обнаружилъ ужаса; но когда миновала опасность, онъ съ глубокимъ умиленіемъ узналъ свою племянницу, вдову князя Михаила. Слабая, немощная, едва имѣя подобіе человѣческое, она спасла жизнь Царя, какъ нѣкогда супругъ ея спасалъ его престолъ. Василій хотѣлъ обнять ее, она отступила назадъ, но чрезъ минуту положила руку свою на плечо дяди, горестно разсматривавшаго лице ея, на которомъ на одну лишь минуту вспыхнуло понятіе о томъ, что около нея происходило. Она снова забыла все земное, все, кромѣ того, что она одна на землѣ, что ждетъ и не можетъ дождаться своего супруга. Она была окутана чернымъ

платьемъ, но голова ея по обыкновенію была открыта: отъ безпрестаннаго жестокаго въ ней жару ей былъ несносенъ самый легкій уборъ; волосы ея были гладко заплетены въ двѣ косы, и между ними были заткнуты три разноцвѣтныя пѣтушьи пера, поднятыя ею на улицѣ. Въ этомъ странномъ нарядѣ, изнуренная горестью и болѣзнью, княгиня Александра Васильевна была еще прекрасна, очаровательна. При видѣ ея почти завидны были ея несчастія, почти хотѣлось страдать подобно ей, чтобы имѣть такой же неземной, ангельскій ликъ, чтобы также глубоко трогать всѣ сердца, также усмирять всѣ страсти. Долматовъ смотрѣлъ на нее какъ на видѣніе сверхъ-естественное, мысленно повторяя слова ея, которыми она спасла его отъ страшнаго преступленія, отъ вѣчной погибели. Онъ не сомнѣвался, что отселѣ всѣ будутъ звать его безумнымъ, всѣ будутъ указывать на него пальцомъ, веселясь его безуміемъ. Голова его кружилась, дыханіе останавливалось, блескъ глазъ его потухъ. Онъ уже не походилъ на яростнаго убійцу, готоваго осквернить храмъ, показался грѣшникомъ, пришедшимъ каяться въ нестерпимыхъ для него самаго грѣхахъ.

— Гдѣ же ты, Миша, спросила княгиня Александра Васильевна?

«Здѣсь, отвѣчалъ нѣжный голосъ, и пригожій отрокъ, стоявшій за Царемъ, подошелъ къ княгинѣ.

Увидѣвъ на полу ножъ, онъ поднялъ его и почтительно подалъ Государю.

— Пора домой, Миша, я устала, сказала княгиня и, обвивъ шею отрока своею рукой, медленно пошла къ дверямъ, безпрестанно оглядываясь назадъ, какъ будто твердо помня и соображая все происходившее, хотя она не сказала дядѣ ласковаго слова, и удаляясь оставляла его однаго съ убійцею. Страшась этаго, юный товарищъ предложилъ ей побыть въ церкви. Она пристально на него посмотрѣла, и въ глазахъ ея изобразилось что-то чудное, непостижимое.

«Богъ видитъ! сказала она шепотомъ, и, уже болѣе не оглядываясь, сама поспѣшила отворить дверь.

Княгинѣ Скопиной-Шуйской было двадцат лѣтъ, а товарищу ея только четырнадцать, но онъ былъ одинокаго съ нею росту, и тѣмъ была разительнѣе между ними противоположность. Александра Васильевна была какъ лилія, подточенная червемъ въ ту самую минуту, когда роскошно развилась вся красота ея; внимательно посмотрѣвъ на нее, не трудно было угадать, что ей весь міръ кажется мрачною пустынею, что ей въ немъ все одинаково — и радости и печали, что ей любезно только одно воспоминаніе о чемъ-то невозвратномъ, что она лишь изрѣдка, случайно, можетъ участвовать въ томъ, что около нея

говорятъ и дѣлаютъ. Напротивъ того, юный ея товарищъ стремился воображеніемъ въ будущность: онъ ревностно желалъ служить отечеству; онъ былъ увѣренъ, что полезныя ему услуги за все вознаграждаютъ. Лице его было подобно свѣжей, душистой розѣ; въ свѣтло-голубыхъ глазахъ изображалось желаніе общаго блага и состраданіе о всѣхъ несчастныхъ. Происшествіе, котораго былъ онъ свидѣтелемъ, сильно потрясло юную его душу. Какъ трудно, какъ тяжело быть Царемъ, подумалъ онъ! Но Господь правосуденъ, онъ конечно по трудамъ опредѣляетъ и награды. И трепеща за Государя, не смѣя вырваться изъ рукъ княгини, юноша, понявшій скорби и заботы престола, ему самому свыше предназначеннаго, съ глубокою тоскою вышелъ на крыльцо, но, быстро осмотрѣвшись кругомъ, съ восторгомъ увидѣлъ Семена Васильевича Головина, всюду искавшаго сестру свою, часа за два передъ тѣмъ скрывшуюся изъ саду. Между-тѣмъ, какъ тамъ ее съ отчаяньемъ и ужасомъ искали въ прудахъ и въ колодцахъ, она смѣло и ловко, какъ это вообще свойственно помѣшаннымъ, перелѣзла черезъ заборъ и спокойно пробралась въ Кремль. Встрѣтивъ тамъ юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова, она взяла его съ собою въ Архангельскій Соборъ, гдѣ любила молиться въ придѣлѣ Іоанна Крестителя, не понимая однако, что въ немъ погребенъ ея супругъ. Ключарь видѣлъ, что она тутъ осталась послѣ вечерни, но, не примѣтивъ Долматова, спрятавшагося между гробницами, онъ не

рѣшился, ожидая Государя, выслать изъ церкви его племянницу, которую всюду принимали съ глубочайшимъ благоговѣніемъ.

Михаилъ Романовъ давно былъ любимцемъ княгинь Скопиныхъ; особенно княгинѣ Александрѣ казалось, что онъ, нося одно имя, и нравомъ и даже лицемъ сходенъ съ ея супругомъ. Пока былъ живъ князь, она звала Романова меньшимъ его братомъ, а когда онъ скончался, забывъ все въ мірѣ и всѣхъ разлюбивъ, она всегда была рада присутствію Михаила, гуляла съ нимъ одна, и разсказывая ему о безсмертномъ своемъ супругѣ, сердечно утѣшалась, видя, что онъ не можетъ наслушаться рѣчей ея.

Оставивъ княгиню съ ея братомъ, Михаилъ Романовъ бросился назадъ въ Соборъ. Онъ не пригласилъ съ собою Головина; видѣвъ, какъ присутствіе немощной княгини устрашило убійцу, онъ не усомнился, что, готовый пожертвовать жизнью за Царя, онъ самъ, одинъ, спасетъ его, не разгласивъ о грозившей ему опасности, не взволновавъ этимъ и безъ того взволнованный народъ. Юноша не постигалъ, какъ благоразуменъ, какъ высокъ былъ его поступокъ, чего послѣ этаго должно было надѣяться отъ него въ будущемъ! Василій Ивановичь достойно оцѣнилъ его: онъ прижалъ его къ своей груди и подумалъ, что современемъ онъ можетъ вознаградить потерю князя Скопина. Романовъ нашелъ Царя на томъ мѣстѣ, гдѣ

оставила его княгиня. Долматовъ стоялъ противъ него, и по его приказанію раскazывалъ ему, что его довело до неистоваго намѣренія напасть на Государя. Смотря прямо ему въ глаза, онъ съ жаромъ, съ отчаяніемъ, описывалъ плачевное состояніе матери и сестеръ своихъ, и все, что перенесъ онъ самъ, стараясь испросить имъ помощь Царскую, и какъ потомъ его увѣрили, что онѣ погибли въ числѣ двухъ тысячь дворянъ, утопленныхъ по приказанію Василія. Голосъ его прерывался, по щекамъ текли горячія слезы: эти слезы облегчили мрачную скорбь его; отъ нихъ прояснился его разсудокъ: онъ не могъ усомниться, что Государь въ первый разъ слышитъ о его несчастіяхъ и искренно ими тронутъ. Бросившись ему въ ноги, онъ рыдая умолялъ его простить ему его беззаконіе. Василій велѣлъ ему встать, и оборотясь къ юному Романову, сказалъ, чтобы онъ проводилъ его къ княгинѣ Еленѣ Петровнѣ, и прибавилъ, что онъ ей, какъ помощницѣ всѣхъ страждущихъ, поручаетъ этаго несчастнаго.

«Тамъ тебя призрятъ и утѣшатъ, милостиво говорилъ Государь; дай тебѣ Богъ счастливо свидѣться съ матерью и сестрами; я объ этомъ самъ позабочусь.»

Съ сими словами Государь пошелъ изъ Собора, опираясь на юнаго Михаила, не воображая, что его ведетъ преемникъ его, что кроткій, милый, но уже

величавый этотъ отрокъ будетъ защитникомъ его памяти, что онъ не допуститъ иноземцевъ вѣчно ругаться его прахомъ, успокоитъ его въ могилѣ Царской. И никто не могъ вообразить, что ожидало Василія! Бѣшеные враги его еще не рѣшили его жребія, и едва ли сами предвидѣли всѣ его бѣдствія, собственный позоръ, и страшное возмездіе.

«Великій Государь,» опомнясь вскричалъ Долматовъ, «не вѣрь ни въ чемъ свояку твоему князю Воротынскому; онъ тебѣ злодѣй, онъ заодно съ... твоими измѣнниками.»

Онъ не рѣшился назвать Захарія Ляпунова, считая себя лично имъ облагодѣтельствованнымъ, но робко предложилъ Царю увѣдомить его о всѣхъ извѣстныхъ ему противу него козняхъ. Возвращаясь въ церковь, князь Воротынскій услышалъ слова его и съ притворнымъ ужасомъ вскричалъ, что онъ не напрасно убѣждалъ Государя не ходить объ эту пору въ Соборъ, какъ будто предчувствуя, что онъ тамъ встрѣтитъ такаго опаснаго человѣка.

«Это жилецъ Илья Долматовъ, продолжалъ Князь; онъ уже давно съ-ума сошелъ и очень золъ и силенъ; какъ звѣрь мечется на людей; однажды меня чуть не задушилъ.»

Пораженный такою наглою ложью, желая спасти Царя отъ льстиваго, коварнаго врага, Долматовъ дѣйствительно какъ звѣрь бросился на безсовѣстнаго боярина. Послѣднiй сильно толкнулъ его, и онъ, упавъ на полъ, ударился головою объ острый уголъ гробницы: кровь его потекла ручьемъ прямо подъ ноги Государю. Вскрикнувъ отъ ужаса, Василiй закрылъ себѣ лице, не зная, что долженъ думать о такихъ неожиданныхъ и плачевныхъ явленiяхъ, кому и чему онъ долженъ вѣрить.

Проклиная себя, что, почувствовавъ сильную дурноту, вышелъ онъ на улицу, князь Воротынскiй взялъ Царя подъ-руку. Ослабѣвъ отъ жестокаго, внутренняго волненiя, державный старецъ не отвергнулъ его помощи, спѣша выйти на свѣжiй воздухъ. Юный Романовъ тяжело вздохнулъ, и видя, что Царю не нужны его услуги, не боясь ни распространявшейся въ Соборѣ темноты, ни правдоподобнаго увѣренiя, что Долматовъ помѣшанъ въ умѣ, онъ сталъ усердно помогать безъ движенiя лежавшему жильцу, который, желая загладить преступное свое намѣренiе, по-видимому долженъ былъ заплатить за это жизнiю.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ФРИТІОФЪ *.

Изъ поэмы Тегнера отдѣлъ VII.

1.

Пусть бродятъ конунги по волѣ,
Прося мечей: я свой не дамъ.
Во храмѣ Бальдера — тамъ поле
Моихъ побѣдъ, весь міръ мой тамъ.
Тамъ гнѣвъ державныхъ я забуду,
Забуду скорбь земныхъ сыновъ;
Тамъ съ Ингеборгой пить я буду
Вдвоемъ веселіе боговъ.

Примѣчанія. Областію Согнъ, въ древней Норвегіи, правятъ нераздѣльно два брата. Фритіофъ, одинъ изъ владѣльцевъ земли въ той-же области, просилъ руки сестры ихъ, Ингеборги, но они съ гордостію отказали ему. Между-тѣмъ за Ингеборгу сватается также безуспѣшно Рингъ, владѣтель сосѣдняго края. Онъ, раздраженный своей неудачей, хочетъ наказать высокомѣрныхъ братьевъ — и объявляетъ имъ войну. Поспѣшно собираютъ они рать и укрываютъ сестру свою въ храмѣ бога *Бальдера*. Фритіофъ поклялся не подавать имъ помощи

2.

Доколѣ солнце, разсыпая
Свой пурпуръ на цвѣты полей,
Блеститъ на нихъ, что ткань сквозная
На персяхъ дѣвицы моей,
Дотоль по берегу брожу я
Въ безмѣрной, пламенной тоскѣ,
Вздыхая и мечемъ рисуя
Невѣсты имя на пескѣ.

3.

Томлюсь...о, какъ часы лѣнивы!
Что медлишь, День? или впервой
Ты зришь и рощи и заливы
И острова передъ собой?

въ брани—и въ то время, когда они приготовляются къ встрѣчѣ непріятеля, онъ каждый вечеръ ходитъ въ храмъ на свиданіе съ Ингеборгою. Это святилище, окруженное жертвенной рощей, стоитъ у морскаго залива, а Фритіофъ живетъ въ своемъ имѣніи на противоположномъ берегу; для переправы служитъ ему богатый дѣдовскій корабль *Эллида*.

Еще нѣсколько словъ для объясненія нѣкоторыхъ миѳологическихъ подробностей, встрѣчающихся въ помѣщаемомъ здѣсь отрывкѣ, который впрочемъ самъ по себѣ есть что-то цѣлое.

1. Между богами, составлявшими предметъ поклоненія языческихъ Скандинавовъ, прекраснѣйшимъ былъ свѣтло-кудрый Бальдеръ, олицетвореніе добра, свѣта и чистоты. У него была супруга *Нанна*, съ которою его связывала самая горячая, самая постоянная любовь; но жизнь ихъ на небесахъ была непродолжительна: лукавый богъ зла хитростью погубилъ Бальдера, и когда тѣло его было возложено на костеръ, бѣдная Нанна не могла пережить возлюбленнаго;

Иль дѣва въ храминахъ заката
Тебя не ждетъ и не груститъ,
И къ другу, въ часъ его возврата,
Съ рѣчами нѣги не летитъ?

4.

Но вотъ поникнулъ ты, усталый,
И наконецъ сошелъ къ водамъ,
И вечеръ стелетъ пологъ алый
Въ увеселеніе богамъ.
И вѣтерокъ и токъ прозрачной —
Все шепчетъ только про любовь;
И ночь въ своей одеждѣ брачной,
На радость мнѣ, нисходитъ вновь.

у нея, говоритъ преданіе, разорвалось сердце, и тотъ же костеръ испепелилъ трупы обоихъ супруговъ.

2. Наградою героевъ Скандинавскихъ, падшихъ отъ оружія, былъ рай, называвшійся *Валгаллою*; то былъ огромный, великолѣпный чертогъ со множествомъ широкихъ вратъ, а вокругъ него простиралась неизмѣримая долина. Когда на землѣ происходило сраженіе, на поле брани слетали съ неба воинственныя дѣвы-щитоносицы *Валкиріи*. Онѣ избирали воиновъ, достойныхъ погибнуть въ бою, и уносили убитыхъ въ Валгаллу. Тамъ блаженные то пировали въ обширныхъ палатахъ и изъ роговъ пили медъ, разносимый дѣвами, то сражались на сосѣдней долинѣ, но не умирали отъ ранъ и вновь отправлялись на пиръ.

VII Отдѣлъ поэмы носитъ заглавіе *Счастіе Фритіофа*. Здѣсь поэтъ устами самаго героя описываетъ одно изъ свиданій его съ Ингеборгою въ храмѣ Бальдера, и муки ожиданія, предшествующія сладкому часу. Подъ именемъ *конунговъ*, т. е. владѣтелей края, Фритіофъ разумѣетъ братьевъ Ингеборги. Переводч.

5.

Какъ милый, крадущійся къ милой,
Течетъ неслышно звѣздный рой.
Черезъ заливъ, мое кормило,
Несись, гонимое волной!
Туда, гдѣ дремлетъ роща бога,
Къ святымъ богамъ, ладья, плыви:
Тамъ храмъ стоитъ, и у порога
Богиня чистая любви.

6.

Вотъ берегъ: о, я торжествую!
Расцаловалъ бы злакъ родной
И васъ, цвѣты! тропу кривую
Вы пестрой обняли каймой!
Луна, какъ нѣжно ты взираешь
На храмъ, на рощу! въ синевѣ
Ты такъ прекрасна! ты мечтаешь,
Какъ Сага * въ брачномъ празднествѣ.

7.

Потокъ, лепечущій съ цвѣтами,
Гдѣ ты подслушалъ голосъ мой?
Пѣвцы ночей! гдѣ взятъ былъ вами
Мой тайный стонъ съ моей тоской?
Вотъ Альфъ ** зарей вечерней пишетъ

* Сага, богиня исторіи, присутствуя на свадебномъ пирѣ, мечтаетъ о славномъ, грядущемъ потомствѣ новобрачныхъ.

** Прекрасныя, окрыленныя существа, принимающія участіе въ человѣческихъ дѣлахъ.

Безцѣнный ликъ на мглѣ небесъ;
Но Фрея * завистію дышетъ,
И, свѣянъ сю, ликъ исчезъ.

8.

Я не тужу: сбылось желанье!
Передо мной сама она,
Прекрасна будто упованье,
Какъ память дѣтскихъ дней, вѣрна.
Въ твоихъ очахъ любви награда;
Приди, о милая! приди,
Моя мечта, моя отрада,
И къ сердцу друга припади!

9.

Стройна, какъ лилія средь поля;
Какъ роза лѣтняя, пышна —
Ты такъ чиста, какъ вышнихъ воля;
Какъ Фрея, страсти ты полна!
Цалуй меня! пусть запылаетъ
Въ тебѣ, подруга, пламень мой:
Въ твоемъ лобзаньи исчезаетъ
И неба сводъ и кругъ земной.

10.

Не трепещи: здѣсь безопасно;
У входа Бьёрнъ стоитъ съ мечемъ;
Дружина тамъ; они всечасно
За насъ готовы въ бой съ врагомъ.

* Богиня любви.

О, если бъ самъ я могъ сразиться
Здѣсь за тебя, и въ высоты,
Въ среду боговъ переселиться
Съ такой Валкиріей, какъ ты!

11.

Ты шепчешь: Бальдеръ насъ погубитъ.
Спокойся: онъ не гнѣвенъ; нѣтъ,
Ему послушенъ тотъ, кто любитъ,
Ему угоденъ нашъ обѣтъ:
Сіяньемъ солнечнымъ вѣнчанный,
Безъ охлажденія любя,
Онъ тѣмъ же самымъ былъ для Нанны,
Чѣмъ я, о дѣва, для тебя.

12.

Вотъ ликъ его; онъ самъ надъ нами.
Какой привѣтный, кроткій видъ!
Ему пожертвуемъ сердцами,
Гдѣ жаръ негаснущій горитъ.
Прострись предъ Бальдеромъ со мною:
Ему пріятнѣе всего
Два сердца, вѣчной теплотою
Въ любви похожихъ на него.

13.

Не здѣсь любви моей начало,
И ты ея не презирай!
Любовь ту небо воспитало:
Она въ родимый рвется край.

Блаженъ, кто тамъ обрѣлъ ужъ мѣсто!
Кто бъ могъ съ тобою умереть,
И обнятъ блѣдною невѣстой,
Къ богамъ съ побѣдой возлетѣть!

14.

Когда бы тамъ герои мчались
Изъ вратъ серебряныхъ на бой —
Наединѣ мы бъ оставались,
Я любовался бы тобой.
На пирѣ дѣвы медъ носили бъ
Золотопѣнистый въ рогахъ,
А мы то время проводили бъ
Другъ съ другомъ въ пламенныхъ рѣчахъ.

15.

Тамъ я бесѣдку бы построилъ
На мысѣ возлѣ синихъ водъ;
Тебя бы въ рощѣ я покоилъ,
Гдѣ золотистый зрѣетъ плодъ.
Когда жъ бы день тамъ загорался
(Въ Валгаллѣ утро такъ свѣтло!),
Къ богамъ бы я съ тобой являлся,
А сердце бъ все назадъ влекло!

16.

И я звѣздами, какъ повязкой,
Вѣнчалъ бы жаръ твоихъ кудрей;
Румянецъ наводилъ бы пляской
На блѣдность лиліи моей.

Потомъ подъ сѣнь прибрежной кущи
Я бъ уводилъ тебя, и тамъ
Напѣвъ любви на сонъ грядущій
Богъ струнъ вседневно пѣлъ бы намъ.

17.

Какъ дроздъ поетъ въ дубравѣ тёмной!
То звуки съ горнихъ береговъ.
Какъ мѣсяцъ въ воды смотритъ томно!
То свѣтъ изъ края мертвецовъ.
Про міръ любви, про міръ восторга
Тотъ гласъ, тотъ свѣтъ приносятъ вѣсть;
Тамъ я бы вѣки, Ингеборга,
Съ тобой, съ тобой хотѣлъ провесть.

18.

Не плачь: я живъ, и кровь струится
Еще во мнѣ...Чтожъ плачешь ты?
На небо любятъ уноситься
Горячей юности мечты.
Ахъ! лишь объятія простри ты,
Лишь взоръ склони ко мнѣ, любя,
И твой — мечтатель, и забыты
Боговъ утѣхи для тебя.

19.

»Чу, жаворонокъ!» — Голубицы
То стонъ любовный межъ вѣтвей;
Пѣвецъ же дремлетъ до денницы
Въ гнѣздѣ съ подругою своей.

Счастливцы! нѣтъ для нихъ насилья:
Не рознитъ ихъ ни день, ни ночь,
И вся ихъ жизнь вольна, какъ крылья,
Съ земли несущія ихъ прочь.

20.

»Уже свѣтаетъ!» — Нѣтъ, съ востока
Блеститъ лишь пламя маяка;
Нѣтъ, далеко еще до срока,
Еще блаженны мы пока.
Спи, спи, свѣтило золотое!
Проспи и вставъ, еще дремли!
По мнѣ, останься ты въ покоѣ
Хоть до скончанія земли.

21.

Но тщетны просьбы, тщетны грёзы!
Ужъ вѣтерокъ въ листахъ шумитъ;
Ужъ разцвѣли востока розы,
Какъ розы милыхъ мнѣ ланитъ.
Пѣвцовъ крылатый рой щебещетъ
Безпечно въ выси голубой;
Очнулась жизнь и море блещетъ,
Бѣжитъ влюбленный вслѣдъ за мглой.

22.

И вотъ ты, солнце! о, какъ пышно!
Прости мой дерзкій лепетъ мнѣ!
Мнѣ приближенье Бога слышно:
Какъ дивно ты въ своемъ огнѣ!

О, если бъ такъ же величаво,
Какъ ты, въ свой путь я могъ потечь,
И, гордъ и веселъ, яркой славой
Среди побѣдъ мой вѣкъ облечь!

23.

Взгляни: вотъ дѣва! гдѣ, свѣтило,
Встрѣчалось ты съ такой красой?
О будь же, будь покровомъ милой:
Она въ семъ мірѣ образъ твой.
У ней, какъ лучь твой, сердце чисто;
Въ очахъ — лазурь небесъ твоихъ,
И твой же пламень золотистой
Разлитъ въ кудряхъ ея густыхъ.

24.

Прости, невѣста! вновь до ночи!
Какъ быстро время протекло!
Прости: еще лобзанье въ очи,
Еще одно въ уста, въ чело!
Усни теперь, и въ сновидѣньи,
Какъ наяву, по мнѣ грусти,
И въ полдень встань, и въ нетерпѣньи,
Какъ я, часы считай. Прости!

Я. Гротъ.

ХРАНИТЕЛЬ-КРЕСТЪ.

......Mais je crois, mais je prie!

M-me Desbordes-Valmore.

Мой крестъ, хранитель мой! съ молитвой, съ упованьемъ,
Съ живѣйшей вѣрою тебя я берегу!
Тебѣ обѣтовъ дань!.. тебѣ лишь одному
Я исповѣдуюсь и мыслью, и желаньемъ!..
Когда въ скорбяхъ земныхъ душой изнемогу,
Когда терпѣніе и бодрость потеряю,
Когда отчаянья всю горечь я узнаю,
Ты подкрѣпишь меня!

Когда въ бореніи съ житейской неудачей
Усилій и надеждъ тщету увижу я;
Когда въ безрадостной истомѣ бытія

Мечты послѣднія, послѣдній пылъ утрачу;
Когда злорѣчіе и злоба на меня
Грозой враждебною подымутся лукаво,
И мой покой смутятъ коварною отравой,
Ты защитишь меня!

Но если суждено мнѣ видѣть исполненье
Любимыхъ сердца сновъ; но если надо мной
Денница радости прольетъ свой блескъ златой;
Но если жизнь мою небесъ благословенье
Блаженствомъ облечстъ какъ праздничной фатой;
Тогда, чтобъ въ счастіи душа не забывалась,
Чтобъ искушеніямъ она не предавалась,
Ты вразумишь меня!

(Гр - - ня Е. Р. - - на.)

Село Анна, Октябрь 1839.

КОЛОКОЛЪ ВЪ КРЕМЛѢ.

Въ короткій, мгновенный періодъ свиданья
Съ Москвой бѣлокаменной, духъ веселя,
Блуждалъ я и видѣлъ громадныя зданья,
Всю прелесть и древнюю пышность Кремля:
И поясъ могучихъ твердынь величавый,
И рядъ сокрушительныхъ, мѣткихъ бойницъ,
И храмовъ сіяющихъ жаркія главы,
И святость обильныхъ мощами гробницъ.

Плѣнительно сердцу, свѣжо и прекрасно
При взглядѣ на эти знамена вѣковъ!
О, какъ повѣствуютъ они громогласно
Про славу и доблесть ретивыхъ отцовъ!
Какъ эти кресты своей жаркой игрою
Великихъ событій являютъ символъ!
И какъ отъ нихъ дышетъ святой стариною,
И сыплется рѣзко о прошломъ глаголъ!

Но чаще всего я съ туманною думой,
Съ безвѣстною грустью невольно смотрѣлъ
На образъ возвышенный доли угрюмой,
Столь часто достоинству данной въ удѣлъ.
Тамъ видѣть любилъ я, дивясь, великана,
Который безмолвно, во снѣ вѣковомъ,
Простертъ у священной подошвы Ивана
На ложѣ гранитномъ, съ суровымъ челомъ.

Онъ, нѣкогда въ тяжкомъ паденіи раненъ,
Въ темницѣ сырой погружался сто лѣтъ,
И, царственной массою чуденъ и страненъ,
Вотъ вызванъ изъ мрака дивить бѣлый свѣтъ...
Съ глубокимъ клеймомъ роковаго паденья,
Въ позорище міру слѣпому открытъ;
Увѣнчанъ блестящимъ символомъ спасенья,
Крестомъ лучезарнымъ, онъ гордо стоитъ.

И люди приходятъ толпой къ великану,
Посудятъ про тяжесть и лѣта его,
Посмотрятъ на дивную, тяжкую рану,
И въ сторону съ шумомъ идутъ отъ него.
Ихъ взоры, желанья, мечты — близоруки,
Одно любопытство къ нему ихъ ведетъ —
И имъ непонятны глубокіе звуки,
Которыхъ волну онъ таинственно льетъ:

»И зачатъ и созданъ я съ цѣлью великой,
Съ высокимъ призваньемъ... Хотѣлъ бы звучать,
Разсыпаться музыкой грозной и дикой
И ревомъ неслыханнымъ землю обнять;

А рокъ, мой убійца, холоднымъ закономъ
Судилъ вѣковѣчно безмолвствовать мнѣ —
И я не дрожу сокрушающимъ звономъ,
Нѣмѣть обреченный въ бездѣйственномъ снѣ.

»Мнѣ слышится часто хоръ младшихъ собратій,
Гуденье нестройное, рѣзвый трезвонъ,
И въ горнія нѣдра воздушныхъ объятій
Тщеславно несется ихъ лепетъ и стонъ.
И люди, собравшись, толкуя убого,
Дивятся имъ слѣпо... Но это звонки:
И слышны и громки, затѣмъ - что ихъ много!
Повисли высоко, затѣмъ - что легки!

»Не трудно привесть ихъ въ порывъ и движенье,
Не трудно разгулъ имъ ликующій дать,
Отъ сна возбудить ихъ веселое пѣнье
И снова ихъ голосъ нѣмотой сковать.
Нѣтъ, если бъ кто долгій мой сонъ уничтожилъ,
Нѣтъ, если бы кто мой языкъ разомкнулъ,
Какой бы торжественной пѣснью я ожилъ,
Какой бы я пролилъ неслыханный гулъ!

»Но хилы и немощны слабые люди,
Не вынесетъ звуковъ могучихъ ихъ слухъ,
Бэсильны и чахлы ихъ тѣсныя груди,
Т,евожливо сердце и робокъ ихъ духъ.
Мой вопль необузданно-дикій оглушитъ
Ихъ ухо, привычное мирно дремать;
Мой громъ неумолкный покой ихъ нарушитъ,
Положитъ на сердце ихъ смуты печать!

»И я не жалѣю, что въ ухѣ презрѣнномъ
Не стану великою пѣснью гремѣть;
Я буду въ покоѣ глухомъ, неизмѣнномъ,
Я буду молчать и вѣка цѣпенѣть.
И такъ вы, о люди, меня не пугайтесь,
Дремлите безпечно на ложѣ своемъ,
И въ праздности суетной мнѣ удивляйтесь!»

Эм--въ.

АНТОЛОГИЧЕСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

Тщетно, межъ бурною жизнью и хладною смертью, философъ,
Хочешь ты пристань найти, имя даешь ей покой:
Намъ, изъ ничтожества вызваннымъ творчества словомъ тревожнымъ
Жизнь для волненья дана: жизнь и волненье одно!
Тотъ, кого миновали общія смуты, заботу
Самъ вымышляетъ себѣ: лиру, палитру, рѣзецъ.
Міра невѣжда, младенецъ, какъ будто законъ его чуя,
Первымъ стенаньемъ качать нудитъ свою колыбель.

Е. Баратынскій.

II.

А. М. С.

Она была сиротъ отрада,
Надежда и защита вдовъ,
Для заключенныхъ, какъ лампада
Ея свѣтилася любовь.

С. Петербургъ.
Февраля 15 дня 1840 года.

III.

Все мысль да мысль!.. художникъ бѣдный слова,
О жрецъ ея! тебѣ забвенья нѣтъ:
Все тутъ да тутъ и человѣкъ, и свѣтъ,
И жизнь, и смерть, и правда безъ покрова.
Рѣзецъ, клавиръ, кисть! счастливъ, кто влекомъ
Къ нимъ, чувственнымъ, за грань ихъ не ступая:
Есть хмѣль ему на праздникѣ мірскомъ!
Но предъ тобой, какъ предъ нагимъ мечемъ,
Мысль, острый лучь, блѣднѣетъ жизнь земная.

Е. Баратынскій.

IV.

НА ГРОБНИЦУ МЛАДЕНЦА.

Здѣсь ангелъ спитъ. На жизнь земную
Ему лишь мигъ былъ удѣлёнъ —
И , улетая изъ пелёнъ ,
Земнаго праха въ жизнь иную
На чистыхъ крыльяхъ не взялъ онъ.

Я. Гротъ.

ОГЛАВЛЕНIЕ XVIII ТОМА.

Конецъ осмнадцатаго тома.

ОПЕЧАТКА.

Въ предыдущемъ томѣ Современника подъ стихотвореніемъ «Къ Александровской Колоннѣ» вмѣсто буквъ Н. К. должны быть А. К.